

Чернобыльская тетрадь

Нельзя устранить катастрофы, не зная их причин и всех причинных обстоятельств. Теперь это уже всем ясно, теперь это один из важнейших принципов перестройки и современного нашего существования. И если мы не хотим изменить своим принципам и самим себе - исключений здесь не должно быть. Ни одного.

Возможность одного-двух, ну может быть, трех исключений - это ведь и в самом деле успокоительно для общества, но чем может обернуться для него такое успокоение в будущем? Может быть в самом ближайшем будущем. Ничем иным, как повторением катастрофы. Пусть это будет другой ее вариант, но он будет.

Путь здесь один: самое тщательное исследование всех деталей и подробностей чернобыльской катастрофы, так как отнюдь не исключено, что любая из упущенных сегодня деталей ее когда-нибудь станет главной причиной следующего и следующего бедствия.

Именно такого рода соображения поставили редакцию перед необходимостью опубликовать документальную повесть Г. У. Медведева, пусть в чем-то и не деликатную, ущемляющую чье-то самолюбие, а может быть, даже и достоинство, вскрывающую ту неприглядную обстановку, "неприглядность" которой нам предстоит и предстоит еще анализировать, даже если к такому анализу у нас не лежит сердце. Впрочем, почему не лежит, если речь идет о будущем наших детей и внуков? Да, есть веления сердца, есть веления ума, но есть суровые веления и ума и сердца.

С. ЗАЛЫГИН.

"Чернобыльская тетрадь" Г.У. Медведева - компетентный и бесстрашно-правдивый рассказ о происшедшей более трех лет назад трагедии, которая продолжает волновать миллионы людей. Быть может, впервые мы имеем такое полное свидетельство из первых рук, свободное от умолчаний и ведомственной "дипломатии". Автор - специалист-атомщик, работавший одно время на Чернобыльской АЭС и

хорошо ее знающий, лично знакомый со всеми основными участниками событий. По служебному положению он присутствовал на многих ответственных совещаниях по атомному строительству.

Сразу после аварии Медведев был командирован в Чернобыль и имел возможность многое узнать по свежим следам, увидеть своими глазами. Он приводит много технических подробностей, необходимых для понимания механизма возникновения аварии, раскрывает тайны бюрократических отношений, рассказывает о научных и конструкторских просчетах, о пагубном начальственном, командном нажиме, о принесших огромный вред нарушениях гласности до аварии и в чрезвычайной ситуации после нее. Центральное место в повести - хроникальное описание событий в Чернобыле в трагические дни апреля и мая 1986 года. Автор показывает поведение и роль многочисленных участников драмы, живых, реальных людей с их недостатками и достоинствами, сомнениями, слабостью, заблуждениями и героизмом рядом с выходящим из-под контроля атомным чудовищем. Об этом нельзя читать без глубочайшего волнения. Мы знали о подвиге пожарников. Автор рассказывает о героизме электриков, турбинистов, операторов и других работников станции, предотвративших дальнейшее увеличение масштабов аварии. Все, что касается чернобыльской катастрофы, ее причин и последствий, должно стать достоянием гласности. Нужна полная, неприкрытая правда. Люди должны иметь возможность сами составить мнение о том, что столь прямо касается жизни и здоровья каждого из нас и наших потомков, иметь право на участие в принятии ключевых решений, определяющих судьбу страны и планеты. Должна ли вообще развиваться ядерная энергетика? Если да, то допустимо ли строительство расположенных на поверхности земли реакторов (даже значительно более безопасных, чем чернобыльский) или все они должны быть загнаны под землю? Это все вопросы, решение которых не может быть передано только специалистам, тем более ведомствам с их узкотехническим, предвзятым и часто не бескорыстным подходом, с их круговой порукой и взаимосвязанностью (то же относится и ко многим другим важнейшим вопросам экологического, экономического и социального характера). Лично я

убежден, что ядерная энергетика необходима человечеству и должна развиваться, но только в условиях практически полной безопасности, что реально требует размещения реакторов под землей. Нужен международный закон, запрещающий наземное расположение реакторов. Медлить нельзя.

Академик А. САХАРОВ.

- 1 -

Гибель экипажа "Челенджера" и авария на Чернобыльской атомной станции усилили тревогу, жестоко напомнили, что люди еще только осваиваются с теми фантастическими могучими силами, которые сами же вызвали к жизни, еще только учатся ставить их на службу прогрессу", - сказал Михаил Сергеевич Горбачев в своем выступлении по Центральному телевидению 18 августа 1986 года.

Такая предельно трезвая оценка мирному атому дана впервые за тридцать пять лет развития атомной энергетики в СССР. Долгие годы наши ученые в печати, по радио и телевидению сообщали нам нечто прямо противоположное. Мирный атом преподносился широким кругам общественности как чуть ли не панацея, как верх подлинной безопасности, экологической чистоты и надежности. Дело доходило почти до восторга, когда речь шла о безопасности атомных электростанций.

"АЭС - это дневные звезды!" - восклицал в 1980 году в журнале "Огонек" академик М.А. Стырикович. "Мы усеём ими всю нашу землю. ... Совершенно безопасны!"

Землю усеяли...

"Атомные реакторы - это обычные топки, а операторы, ими управляющие, - это кочегары", популярно разъяснял широкому читателю заместитель председателя Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР Н.М. Синев. Это была во всех отношениях удобная позиция. Во-первых, успокаивалось общественное мнение, во-вторых, оплату труда на АЭС можно было приравнять к оплате на тепловых станциях, а в ряде случаев сделать ее даже ниже.

"Отходы атомной энергетики, потенциально весьма опасные,

настолько компактны, что их можно хранить в местах, изолированных от внешней среды", писал 25 июня 1984 года в "Правде" директор Физико-энергетического института О. Казачковский. Заметим, что когда грохнул чернобыльский взрыв, таких мест, куда можно было бы выгрузить отработанное ядерное топливо, не оказалось, и хранилище пришлось строить рядом с аварийным блоком в условиях жестких радиационных полей, переоблучая строителей и монтажников.

"Мы живем в атомной эре. АЭС оказались удобными и надежными в эксплуатации. Атомные реакторы готовы принять на себя теплофикацию городов...", писал О.Казачковский в том же номере "Правды". На замечание, что расширенное строительство АЭС в пригородных зонах может встревожить население, академик А.Шейдлин реагировал в "Литературной газете": "Тут много от эмоций. Атомные электростанции нашей страны совершенно безопасны для населения окрестных районов. Никакого повода для беспокойства просто не существует".

Особую лепту в пропаганду безопасности АЭС внес председатель Государственного комитета по использованию атомной энергии А.Петросьянц: "...АЭС полностью независимы от источников сырья (урановых рудников) благодаря компактности ядерного горючего и продолжительности его использования. АЭС весьма перспективны в отношении использования мощных энергоблоков... АЭС как производители энергии являются чистыми источниками энергии, не увеличивающими загрязненность окружающей среды". И далее: "Все еще бытующий некоторый скептицизм и недоверие к атомным электростанциям вызваны преувеличенной боязнью радиационной опасности для обслуживающего персонала станции и, главное, для населения, проживающего в районе ее расположения... Эксплуатация АЭС в СССР и за рубежом, в том числе в США, Англии, во Франции, в Канаде, Италии, Японии, ГДР, ФРГ, показывает полную безопасность их работы при соблюдении установленных режимов и необходимых правил. Более того, можно поспорить, какие электростанции более вредны для организма человека и окружающей среды - атомные или работающие на угле..."

А. Петросьянц умолчал, что тепловые электростанции могут работать

не только на угле и нефти (кстати, эти загрязнения носят локальный и отнюдь не угрожающий характер), но и на газообразном топливе, которое добывается в СССР в огромных количествах и, как известно, транспортируется и в Западную Европу. Перевод тепловых станций европейской части нашей страны на газообразное топливо мог бы полностью исключить проблему загрязнения среды обитания золой и серным ангидридом. Однако А.Петросьянц и эту проблему поставил с ног на голову, посвятив целую главу загрязнению среды от станций, работающих на угле, и умолчав о конечно же известных ему фактах радиоактивных выбросов от АЭС. Сделано это ради оптимистического вывода: "Приведенные выше данные о благоприятной радиационной обстановке в районах расположения Нововоронежской и Белоярской атомных станций типичны для всех АЭС Советского Союза. Такая же благоприятная радиационная обстановка характерна и для атомных электростанций других стран..."

Между тем А.Петросьянц не мог не знать, что весь период эксплуатации начиная с 1964 года первый двухконтурный блок Белоярской АЭС постоянно выходил из строя: "козлили" топливные урановые сборки, ремонт которых проводился в условиях сильного переоблучения эксплуатационного персонала. Длилась эта радиоактивная история почти без перерыва пятнадцать лет. Кстати сказать, на втором, уже одноконтурном, блоке той же станции в 1977 году расплавили 50 процентов топливныхборок атомного реактора. Ремонт продолжался около года. Персонал Белоярской АЭС довольно быстро переоблучили, и пришлось для использования в грязных ремонтных работах командировать людей с других атомных электростанций. Не мог не знать он и о том, что в городе Мелекессе Ульяновской области высокоактивные отходы закачиваются в глубинные скважины под землю, что английские атомные реакторы в Виндскейле, Уинфрите и в Доунри сбрасывают радиоактивные воды в Ирландское море с 50-х годов по настоящее время. Перечень подобных фактов можно было бы умножить.

Не желая преждевременно подводить итог, скажу только, что именно А.Петросьянц на пресс-конференции в Москве 6 мая 1986 года, комментируя чернобыльскую трагедию, произнес поразившие многих

слова: "Наука требует жертв". Этого забывать нельзя.

Но продолжим.

Из воспоминаний члена-корреспондента Академии наук СССР В.С. Емельянова, заместителя директора Научно-исследовательского института энергетической технологии: "Противники развития ядерной энергетики за рубежом и в нашей стране иногда одерживают "успехи" в борьбе с новым. Наиболее известным из них является запрет на пуск атомной станции в Австрии, принятый после шумной антиатомной кампании. Эту АЭС западные журналисты уже успели окрестить "мавзолеем стоимостью в один миллиард долларов". (Тут, уместно сказать, Емельянов опустил одну деталь: население Австрии добровольно оплатило взносами стоимость АЭС, внося деньги в казну, после чего правительство, расплатившись с фирмами, законсервировало станцию. - Г. М.) Развитие ядерной энергетики в нашей стране тоже проходило не без преодоления трудностей," признает В.С. Емельянов" В конце пятидесятых годов сторонники традиционной энергетики подготовили и почти провели в жизнь решение ЦК КПСС и СМ СССР о приостановке строительства Нововоронежской АЭС и сооружении вместо нее обычной ТЭЦ. Главная аргументация - неэкономичность АЭС в те времена. Курчатов, узнав об этом, отложил все дела, поехал в Кремль, добился созыва нового совещания руководящих работников и в острой дискуссии с маловеерами добился подтверждения прежних решений о строительстве АЭС. Один из секретарей ЦК КПСС спросил его тогда; "А что мы будем иметь?" Курчатов ответил: "Ничего! Лет тридцать это будет дорогостоящий эксперимент". И все-таки добился своего. Недаром многие из нас называли Игоря Васильевича "атомным реактором", "человеком-танком" и даже "бомбой"..."

Пора сказать, что оптимистические прогнозы и заверения ученых никогда не разделяли эксплуатационники атомных электростанций, то есть те, кто имел дело с мирным атомом непосредственно ежедневно на своем рабочем месте, а не в уютной тиши кабинетов и лабораторий. В те годы информация об авариях и неполадках на АЭС всячески процеживалась на министерском сите осторожности; гласности предавалось лишь то, что сочли нужным опубликовать в верхах.

Хорошо помню этапное событие тех лет - аварию на американской АЭС "Тримайл-Айленд" 28 марта 1979 года, нанесшую первый серьезный удар по атомной энергетике и развеявшую иллюзию безопасности АЭС. В то время я работал начальником отдела в объединении Союзатомэнерго Минэнерго СССР и помню реакцию свою и коллег на это печальное событие. Проработав многие годы на монтаже, ремонте и эксплуатации АЭС, мы доподлинно знали степень надежности их, которую можно сформулировать коротко: на лезвии, на волоске от аварии или катастрофы... Но ни я, ни те, кто работал раньше на эксплуатации атомных станций, полной информации об этой аварии не имели. Подробно о событиях в Пенсильвании было сказано лишь в "Информационном листке" для внутреннего употребления.

Спрашивается: зачем было возводить в секрет известную всему миру аварию? Ведь своевременный учет отрицательного опыта есть гарантия неповторения подобного в будущем. Но так было заведено: отрицательная информация - только для высшего руководства, а в нижние этажи - урезанные сведения, не противоречащие официальной установке о полной безопасности АЭС. Трезвые голоса воспринимались как покушение на авторитет науки. Еще в 1974 году на общем годовом собрании Академии наук СССР академик А.П. Александров сказал: "Нас обвиняют, что атомная энергетика опасна и чревата радиоактивным загрязнением окружающей среды... А как же, товарищи, если случится ядерная война? Какое загрязнение тогда будет?" Удивительная логика! Не правда ли?

Правда, через десять лет на партактиве Минэнерго СССР (за год до Чернобыля) А.П. Александров признал: "Нас, товарищи, еще бог милует, что не произошла у нас Пенсильвания. Да, да..."

В предчувствии беды академику не откажешь. Оснований для предчувствий хватало: мощности атомной энергетике невиданно возросли, ажиотаж престижности был раздут до небес, а ответственность атомщиков, можно сказать, шла на убыль. Да и откуда ей было взяться, ответственности, если на АЭС, оказывается, все так просто и безопасно... В те же примерно годы начал меняться и кадровый корпус эксплуатационников АЭС при резко возросшем

дефиците атомных операторов. Если раньше туда шли работать в основном энтузиасты атомной энергетики, глубоко любившие это дело, то теперь хлынул народ случайный. В первую голову привлекали не деньги, а престижность. Все вроде уже есть у человека, заработал на другом поприще, вот только еще не атомщик. И - прочь с дороги, специалисты! Уступай место у руководящего атомного пирога своякам и кумовьям!

Ну да ладно, к этому еще вернемся. А теперь о Пенсильвании, предтече Чернобыля. Привожу выдержки из американского журнала "Нуклер ньюс" от 6 апреля 1979 года:

"...28 марта 1979 года рано утром произошла крупная авария реакторного блока No 2 мощностью 880 МВт (электрических) на АЭС "Тримайл-Айленд", расположенной в двадцати километрах от города Гаррисберга (штат Пенсильвания) и принадлежавшей компании "Метрополитен Эдисон"... Блок No 2 на АЭС "Тримайл-Айленд", как оказалось, не был оснащен дополнительной системой обеспечения безопасности, хотя подобные системы на некоторых блоках этой АЭС имеются...

По словам министра энергетики Шлесинджера, радиоактивное заражение местности вокруг АЭС "крайне ограничено" по величине и масштабам у населения нет никаких оснований для беспокойства. А между тем только за 31 марта и 1 апреля из 200 тысяч человек, проживающих в радиусе тридцати пяти километров от станции, около 80 тысяч покинули свои дома. Люди отказывались верить представителям компании "Метрополитен Эдисон", пытавшимся убедить, что ничего страшного не произошло. По распоряжению губернатора штата был составлен план срочной эвакуации всего населения округа. В районе местонахождения АЭС было закрыто семь школ. Губернатор приказал эвакуировать всех беременных женщин и детей дошкольного возраста, проживающих в радиусе восьми километров от станции, и рекомендовал не выходить на улицу населению, проживающему в радиусе шестнадцати километров. Эти действия были предприняты по указанию председателя НРК Дж. Хендри после того, как была обнаружена утечка радиоактивных газов в атмосферу. Наиболее критическая ситуация сложилась 30-31 марта

и 1 апреля, когда в корпусе реактора образовался огромный пузырь водорода, что грозило взрывом оболочки реактора; в таком случае вся окружающая местность подверглась бы сильнейшему радиоактивному заражению.

Из описания аварии.

...Первые признаки аварии были обнаружены в 4 часа утра, когда по неизвестным причинам прекратилась подача питательной воды основными насосами в парогенератор. Все три аварийных насоса уже две недели находились в ремонте, что было грубейшим нарушением правил эксплуатации АЭС. В результате парогенератор не мог отводить от первого контура тепло, вырабатываемое реактором. Автоматически отключилась турбина. В первом контуре реакторного блока резко возросли температура и давление воды. Через предохранительный клапан смесь перегретой воды с паром начала сбрасываться в специальный резервуар (барбатер), однако после того, как давление воды снизилось до нормального уровня, клапан не сел на место, вследствие чего давление в барбатере также повысилось сверх допустимого. Аварийная мембрана на барбатере разрушилась, и около 370 кубометров горячей радиоактивной воды вылилось на пол. Автоматически включились дренажные насосы, персонал должен был немедленно отключить их, чтобы вся радиоактивная вода осталась внутри защитной оболочки, однако этого сделано не было. Вода залила пол слоем в несколько дюймов, начала испаряться, и радиоактивные газы вместе с паром проникли в атмосферу, что явилось одной из главных причин последующего радиоактивного заражения местности.

В момент открытия предохранительного клапана сработала система аварийной защиты реактора со сбросом стержней-поглотителей, в результате чего цепная реакция прекратилась и реактор был практически остановлен. Процесс деления ядер урана в топливных стержнях прекратился, однако продолжался ядерный распад осколков... Предохранительный клапан оставался открытым, уровень воды в корпусе реактора снижался, температура быстро возрастала. По-видимому, это привело к образованию пароводяной смеси, в результате чего произошел срыв главных циркуляционных насосов, и

они остановились.

Как только давление упало, автоматически сработала система аварийного расхолаживания активной зоны, и топливные сборки начали охлаждаться. Это произошло через две минуты после начала аварии. (Здесь ситуация похожа на чернобыльскую за двадцать секунд до взрыва. Но в Чернобыле система аварийного охлаждения активной зоны была отключена персоналом заблаговременно.- Г. М.)

Вода по-прежнему испарялась из реактора. Предохранительный клапан, по-видимому, заклинило, операторам не удалось закрыть его с помощью дистанционного управления. Уровень воды в реакторе упал, и одна треть активной зоны оказалась без охлаждения. Защитные циркониевые оболочки топливных стержней начали трескаться и крошиться. Из поврежденных тепловыделяющих элементов начали выходить высокоактивные продукты деления. Вода первого контура стала еще более радиоактивной. Температура внутри корпуса реактора превысила четыреста градусов, и указатели на пульте управления зашкалили. ЭВМ, следившая за температурой в активной зоне, начала выдавать сплошные вопросительные знаки и выдавала их в течение последующих одиннадцати часов...

В ночь с 28 на 29 марта в верхней части корпуса реактора начал образовываться газовый пузырь. Активная зона разогрелась до такой степени, что из-за химических свойств циркониевой оболочки стержней произошло расщепление молекул воды на водород и кислород. Пузырь объемом около 30 метров кубических, состоявший главным образом из водорода и радиоактивных газов криптона, аргона, ксенона и других, сильно препятствовал циркуляции охлаждающей воды, поскольку давление в реакторе значительно возросло. Но главная опасность заключалась в том, что смесь водорода и кислорода могла в любой момент взорваться (то, что произошло в Чернобыле.- Г. М.). Сила взрыва была бы эквивалентна взрыву трех тонн тринитротолуола, что привело бы к неминуемому разрушению корпуса реактора. В другом случае смесь водорода и кислорода могла проникнуть из реактора наружу и скопилась бы под куполом защитной оболочки. Если бы она взорвалась там, все радиоактивные продукты деления попали бы в атмосферу (что

произошло в Чернобыле.- Г. М.). Уровень радиации внутри защитной оболочки достиг к тому времени 30 000 бэр в час, что в 600 раз превышало смертельную дозу. Кроме того, если бы пузырь продолжал увеличиваться, он постепенно вытеснил бы из корпуса реактора всю охлаждающую воду и тогда температура поднялась бы настолько, что расплавился бы уран (что произошло в Чернобыле.- Г. М.).

В ночь на 30 марта объем пузыря уменьшился на 20 процентов, а 2 апреля он составлял всего лишь 1,4 метра кубического. Чтобы окончательно ликвидировать пузырь и устранить опасность взрыва, техники применили метод так называемой дегазации воды...

1 апреля электростанцию посетил президент Картер. Он обратился к населению с просьбой "спокойно и точно" соблюдать все правила эвакуации, если в этом возникнет необходимость.

Выступая 5 апреля с речью, посвященной проблемам энергетики, президент Картер подробно остановился на таких альтернативных методах, как использование солнечной энергии, переработка битуминозных сланцев, газификация угля и т.п., но совершенно не упомянул о ядерной энергии, будь то расщепление атомного ядра или управляемый термоядерный синтез.

Многие сенаторы заявляют, что авария может повлечь за собой "мучительную переоценку" отношения к ядерной энергетике, однако, по их словам, страна вынуждена будет и далее производить электроэнергию на АЭС, так как иного выхода для США не существует. Двойственная позиция сенаторов в этом вопросе наглядно свидетельствует о том затруднительном положении, в котором очутилось правительство США после аварии..."

Окинем взором минувшее тридцатипятилетие с начала 50-х годов: так ли случайны были Пенсильвания и Чернобыль, случались ли за минувшие тридцать пять лет аварии на АЭС в США и СССР, которые могли бы послужить уроком и предостеречь людей от облегченного подхода к этой сложнейшей проблеме современности?

Заглянем в историю развития атомной энергетики и убедимся, что аварии на ядерных реакторах начались фактически сразу же после их появления.

В Соединенных Штатах Америки

1951 год. Детройт. Авария исследовательского реактора. Перегрев расщепляемого материала в результате превышения допустимой температуры. Загрязнение воздуха радиоактивными газами.

24 июня 1959 года. Расплав части топливных элементов в результате выхода из строя системы охлаждения на экспериментальном энергетическом реакторе в Санта-Сюзане, штат Калифорния.

3 января 1961 года. Взрыв пара на экспериментальном реакторе около Айдахо-Фолс, штат Айдахо. Погибли трое.

5 октября 1966 года. Частичное расплавление активной зоны в результате выхода из строя системы охлаждения на реакторе "Энрико Ферми" неподалеку от Детройта.

19 ноября 1971 года. Почти 200 тысяч литров загрязненной радиоактивными веществами воды из переполненного хранилища отходов реактора в Монтжелло, штат Миннесота, вытекло в реку Миссисипи.

28 марта 1979 года. Расплавление активной зоны из-за потери охлаждения реактора на АЭС "Тримайл-Айленд". Выброс радиоактивных газов в атмосферу и жидких радиоактивных отходов в реку Сукуахана. Эвакуация населения из зоны бедствия.

7 августа 1979 года. Около тысячи человек получили дозу облучения в шесть раз выше нормы в результате выброса высокообогащенного урана с завода по производству ядерного топлива возле города Эрвинга, штат Теннесси.

25 января 1982 года. В результате разрыва трубы парогенератора на реакторе "Джина" близ Рочестера произошел выброс радиоактивного пара в атмосферу.

30 января 1982 года. Чрезвычайное положение введено на атомной электростанции близ города Онтарио, штат Нью-Йорк. В результате аварии в системе охлаждения реактора произошла утечка радиоактивных веществ в атмосферу.

28 февраля 1985 года. На АЭС "Самер-Плант" преждевременно достигнута критичность. То есть имел место неуправляемый ядерный разгон.

18 мая 1985 года. На АЭС "Индиан-Пойнт-2" близ Нью-Йорка,

принадлежащей компании "Консолидэйтед Эдисон", произошла утечка радиоактивной воды. Авария возникла из-за неисправности в клапане и привела к утечке нескольких сотен галлонов, в том числе за пределы АЭС.

1986 год. Уэбберг-Фолс. Взрыв резервуара с радиоактивным газом на заводе обогащения урана. Один человек погиб. Восемь ранено.

В Советском Союзе

7 мая 1966 года. Разгон на мгновенных нейтронах на АЭС с кипящим ядерным реактором в городе Мелекессе. Облучились дозиметрист и начальник смены АЭС. Реактор погасили, сбросив в него два мешка борной кислоты.

1964-1979 годы. На протяжении пятнадцати лет неоднократное разрушение (пережог) топливных сборок активной зоны на первом блоке Белоярской АЭС. Ремонты активной зоны сопровождались переоблучением эксплуатационного персонала.

7 января 1974 года. Взрыв железобетонного газгольдера выдержки радиоактивных газов на первом блоке Ленинградской АЭС. Жертв не было.

6 февраля 1974 года. Разрыв промежуточного контура на первом блоке Ленинградской АЭС в результате вскипания воды с последующими гидроударами. Погибли трое. Высокоактивные воды с пульпой фильтропорошка были сброшены во внешнюю среду.

Октябрь 1975 года. На первом блоке Ленинградской АЭС частичное разрушение активной зоны ("локальный козел"). Реактор был остановлен и через сутки продут аварийным расходом азота в атмосферу через вентиляционную трубу. Во внешнюю среду было выброшено около 1,5 миллиона кюри высокоактивных радионуклидов.

1977 год. Расплавление половины топливных сборок активной зоны на втором блоке Белоярской АЭС. Ремонт с переоблучением персонала АЭС длился около года.

31 декабря 1978 года. Сгорел второй блок Белоярской АЭС. Пожар возник от падения плиты перекрытия машинного зала на маслобак турбины. Выгорел весь контрольный кабель. Реактор оказался без контроля. При организации подачи аварийной охлаждающей воды в реактор переоблучились восемь человек.

Сентябрь 1982 года. Разрушение центральной топливной сборки на первом блоке Чернобыльской АЭС из-за ошибочных действий эксплуатационного персонала. Выброс радиоактивности на промзону и город Припять, а также переоблучение ремонтного персонала во время ликвидации "малого козла".

Октябрь 1982 года. Взрыв генератора на первом блоке Армянской АЭС. Машинный зал сгорел. Большая часть оперативного персонала в панике покинула станцию, оставив реактор без надзора. Прибывшая самолетом с Кольской АЭС оперативная группа помогла оставшимся на месте операторам спасти реактор.

27 июня 1985 года. Авария на первом блоке Балаковской АЭС. При проведении пусконаладочных работ вырвало предохранительный клапан, и трехсотградусный пар стал поступать в помещение, где работали люди. Погибли четырнадцать человек. Авария произошла в результате необычайной спешки и нервозности из-за ошибочных действий малоопытного оперативного персонала.

Все аварии на АЭС в СССР остались вне гласности, за исключением аварий на первых блоках Армянской и Чернобыльской АЭС в 1982 году, о которых вскользь было упомянуто в передовой "Правды" уже после избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю.В. Андропова. Кроме того, косвенное упоминание об аварии на первом блоке Ленинградской АЭС имело место в марте 1976 года на партактиве Минэнерго СССР, где выступил Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. Он, в частности, сказал тогда, что правительства Швеции и Финляндии сделали правительству СССР запрос относительно повышения радиоактивности над их странами.

Положение, когда аварии на атомных станциях скрывались от общественности, стало нормой при министре энергетики и электрификации СССР П.С. Непорожнем. Аварии скрывались не только от общественности и правительства, но и от работников АЭС страны, что особенно опасно, ибо отсутствие информации о негативном опыте всегда чревато непредсказуемым. Преемник Непорожного на посту министра А.И. Майорец, человек в энергетических, особенно в атомных, вопросах не до конца компетентный, продолжил традицию

умолчания. Уже через полгода после вступления в должность он наложил запрет на открытое опубликование в печати, в передачах по радио и телевидению сведений о неблагоприятных результатах экологического воздействия на обслуживающий персонал и население, а также на окружающую среду энергетических объектов (воздействие электромагнитных полей, облучение, загрязнение атмосферы, водоемов и земли).

Сомнительную нравственную позицию А.И. Майорец заложил в основу своей деятельности с первых месяцев работы в новом министерстве. Он действовал в рамках давно отлаженной системы. Еще Сократ сказал: "Каждый мудр в том, что хорошо знает". Обезопасив себя, А.И. Майорец первым делом ликвидировал в Минэнерго СССР Главниипроект - главк, ведавший проектированием и научно-исследовательскими работами, пустив этот важный сектор инженерной и научной деятельности на самотек. Далее, за счет сокращения ремонтов оборудования электростанций он повысил коэффициент использования установленной мощности, тем самым снизив резерв наличных мощностей на электростанциях страны и резко увеличив риск крупной аварии.

Заместитель Председателя Совета Министров СССР Б.Е. Щербина. Опытный администратор, беспощадно требовательный, автоматически перенесший в энергетику методы управления из газовой промышленности, где он долгое время был министром, Щербина обладает поистине жесткой хваткой, навязывая строителям АЭС свои сроки пуска энергоблоков, а спустя время обвиняет их же в срыве "принятых обязательств".

Помню, 20 февраля 1986 года на совещании в Кремле директоров АЭС и начальников атомных строек сложился своеобразный регламент: не более двух минут говорил отчитывавшийся директор или начальник стройки и как минимум тридцать пять - сорок минут прерывавший их Щербина.

Наиболее интересным было выступление начальника управления строительства Запорожской АЭС Р.Г. Хеноха, который набрался мужества и густым басом (бас на таком совещании расценивался как бестактность) заявил, что третий блок Запорожской АЭС будет пущен

в лучшем случае не ранее августа 1986 года (реальный пуск состоялся 30 декабря 1986 года) из-за поздней поставки оборудования и неготовности вычислительного комплекса, к монтажу которого только приступили.

"Видали, какой герой! - возмутился Щербина.- Он назначает свои собственные сроки! - И взметнул голос до крика: - Кто дал вам право, товарищ Хенох, устанавливать свои сроки взамен правительственных?"

"Сроки диктует технология производства работ", - упрямылся начальник стройки.

"Бросьте! Не заводите рака за камень! Правительственный срок-май 1986 года. Извольте пускать в мае!"

"Но только в конце мая завершат поставку специальной арматуры", - парировал Хенох.

"Поставляйте раньше!" - И Щербина обратился к сидевшему рядом Майорцу: - "Заметьте, Анатолий Иванович, ваши начальники строек прикрываются отсутствием оборудования и срывают сроки..."

"Мы это пресечем, Борис Евдокимович",- обещал Майорец.

"Непонятно, как без оборудования можно строить и пускать атомную станцию... Ведь оборудование поставляю не я, а промышленность через заказчика", - пробурчал Хенох и, удрученный, сел. Уже после совещания, в фойе Кремлевского Дворца, он сказал мне: "В этом вся наша национальная трагедия. Лжем сами и учим лгать подчиненных. До добра это не доведет". Разговор был, напомню, за два месяца до чернобыльской катастрофы.

В апреле 1983 года я написал статью о ползучем планировании в атомном энергетическом строительстве и предложил ее в одну из центральных газет. Статья не была принята. Приведу краткую выдержку:

"В чем же причины нереальности планирования в атомостроительной отрасли и стойких, десятилетиями продолжающихся срывов? Их три:

1. Некомпетентность работников, осуществляющих планирование вводов энергомошностей и управление атомостроительной отраслью.
2. Нереальность и, как следствие, ползучесть планирования, вызванные некомпетентностью оценок.

3. Неготовность машиностроительных министерств к производству в должном количестве и надлежащего качества оборудования для атомных станций..."

Факт, что компетентность имеет непосредственное отношение как к качеству и реальности плана, так и к безопасности атомных станций, более чем очевиден но, к сожалению, об этом приходится снова и снова напоминать. Ведь многие руководящие должности в атомной отрасли заняты не по праву.

Так, центральный аппарат Минэнерго СССР, включая министра и ряд его заместителей, был некомпетентен в атомной специфике. Атомным направлением в энергетическом строительстве руководил заместитель министра А.Н. Семенов, четыре года назад поставленный на это сложное дело, будучи по образованию и многолетнему опыту работы строителем гидростанций. (В январе 1987 года он был отстранен от руководства ходом строительства атомных станций по итогам 1986 года за срыв ввода энергомощностей.)

Не лучшим образом обстояло дело и в ведомстве, которое в канун катастрофы осуществляло руководство эксплуатацией действующих атомных электростанций (сокращенно - ВПО Союзатомэнерго). Начальником его был Г.А. Веретенников, на эксплуатации АЭС никогда не работавший. Атомной технологии он не знал и после пятнадцатилетней работы в Госплане СССР решил пойти на живое дело. (В июле 1986 года он был исключен из партии и снят с работы.)

Уже после чернобыльской аварии, в июле 1986 года, Б.Е. Щербина с трибуны расширенной коллегии Минэнерго СССР воскликнул, обращаясь к сидящим в зале энергетикам: "Вы все эти годы шли к Чернобылю!" Если это так, то следует добавить, что вся атмосфера в атомной энергетике ускорила это шествие.

Считаю необходимым познакомить читателя с выдержками из статьи Ф. Олдса "О двух подходах к ядерной энергетике", опубликованной в журнале "Павер энжиниринг" еще в октябре 1979 года:

"В то время как страны - члены Организации экономического сотрудничества и развития (СЭСР) сталкиваются с многочисленными затруднениями в ходе реализации своих ядерных программ, страны - члены СЭВ приступили к выполнению совместного плана, который

предусматривает увеличение установленной мощности АЭС к 1990 году на 150000 МВт (это более чем одна треть современной мощности всех АЭС на земном шаре)..."

Академия наук СССР - этого, впрочем, следовало ожидать - заверяет широкую общественность, что советские ядерные реакторы являются абсолютно надежными и что последствия аварии на АЭС "Тримайл-Айленд" чрезмерно драматизированы в зарубежной печати. Выдающийся советский ученый-атомщик А.П. Александров, президент Академии наук и директор Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, недавно дал интервью лондонскому корреспонденту газеты "Вашингтон стар"... Он убежден, что мировые запасы нефти и газа иссякнут через тридцать - пятьдесят лет, поэтому необходимо строить АЭС во всех частях света, иначе неизбежно возникнут военные конфликты из-за обладания остатками минерального топлива. Он считает, что эти вооруженные столкновения произойдут только между капиталистическими странами, так как СССР будет к тому времени в изобилии обеспечен энергией атома.

Организации СЭСР и СЭВ действуют в противоположных направлениях. СЭВ делает основной упор на развитие атомной энергетики и не придает большого значения перспективам использования солнечной энергии и другим вариантам постепенного перехода к альтернативным источникам энергоснабжения...

США на протяжении многих лет лидировали среди стран - членов СЭСР и в области практического использования ядерной энергии, и по объему ассигнований на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Но затем это положение довольно быстро изменилось, и теперь развитие ядерной энергетики рассматривается в США не как приоритетная задача государственной важности, а всего лишь как крайнее средство решения энергетической проблемы. Главное внимание при обсуждении любого законопроекта, относящегося к энергетике, уделяется защите окружающей среды. Таким образом, ведущие страны - члены СЭСР и СЭВ занимают диаметрально противоположные позиции по отношению к развитию ядерной энергетики.

Позиции, конечно, не диаметрально противоположные, особенно в

вопросах, касающихся повышения безопасности АЭС. Ф.Олдс здесь допускает неточность, обе стороны уделяют максимум внимания этому вопросу. Но есть и бесспорные различия в оценках проблемы развития ядерной энергетики:

чрезмерная критика и явное завышение опасности атомных станций в США,

в течение трех с половиной десятилетий полное отсутствие критики и явно занижаемая опасность АЭС для персонала и окружающей среды в СССР.

Удивителен явно выраженный конформизм нашей общественности, безоглядно верившей академикам. Не потому ли громом среди ясного неба свалился на нас и многих так перепахал Чернобыль?

Перепахал, да не всех. К сожалению, конформизма и легковерия не убавилось. Что ж, верить легче, чем подвергать трезвому сомнению. Поначалу меньше хлопот...

На состоявшейся 4 ноября 1986 года в Бухаресте 41-й сессии СЭВ, отмечая отсутствие альтернативы атомной энергетике, Председатель Совета Министров СССР, в частности, сказал: "Трагедия в Чернобыле не только не перечеркнула перспективы ядерной энергетики в сотрудничестве, но, напротив, поставив в центр внимания вопросы обеспечения большей безопасности, укрепляет ее значение как единственного источника, гарантирующего надежное энергообеспечение на будущее... Социалистические страны еще более активно включаются в международное сотрудничество в этой области, исходя из предложений, внесенных нами в МАГАТЭ... Кроме того, мы будем строить атомные станции теплоснабжения, экономя ценное и дефицитное органическое топливо - газ и мазут".

Энергичная постановка вопроса о развитии атомной энергетики заставляет еще и еще раз вдуматься, взглянуться в чернобыльский урок, в причины, существо и последствия пережитой всеми нами, всем человечеством катастрофы на ядерной станции в украинском Полесье. Попробуем это сделать. Проследим день за днем, час за часом, как развивались события в предаварийные и аварийные дни и ночи.

25 АПРЕЛЯ 1986 ГОДА

В канун катастрофы я работал заместителем начальника главного производственного управления Минэнерго СССР по строительству атомных электростанций.

25 апреля 1986 года в 16 часов 50 минут вечера (за восемь с половиной часов до взрыва) самолетом "ИЛ-86" возвращался из Симферополя в Москву после инспекции строительно-монтажных работ на Крымской АЭС. Не припомню каких-нибудь предчувствий, беспокойства. При взлете и посадке, правда, сильно чадило керосином. В полете же воздух был идеально чистым. И только слегка раздражало непрерывное тарыхтение плохоотрегулированного лифта, возившего вверх-вниз стюардесс и стюардов с прохладительными напитками. В их действиях было много сутолоки, казалось, они делали лишнюю работу.

Летели над Украиной, утопающей в цветущих садах. Пройдет каких-нибудь семь-восемь часов, и наступит для этой земли новая эра, эра беды и ядерной грязи. А пока я смотрел через иллюминатор на землю. В синеватой дымке внизу проплыл Харьков. Помню, пожалел, что Киев остался в стороне. Там, в ста тридцати километрах от Киева, в 70-е годы я работал заместителем главного инженера на первом энергоблоке Чернобыльской АЭС, жил в Припяти на улице Ленина, в 1-м микрорайоне (наиболее подвергшемся радиоактивному заражению после взрыва).

Чернобыльская АЭС расположена на востоке большого региона, именуемого белорусско-украинским Полесьем, на берегу реки Припяти, впадающей в Днепр. Места в основном равнинные, с относительно плоским рельефом, с очень небольшим уклоном поверхности в сторону реки и ее притоков. Общая длина Припяти до впадения в Днепр - 748 километров. Площадь водосбора у створа атомной станции - 106 тысяч квадратных километров. Именно с этой площади радиоактивность будет уходить в грунт, а также смываться дождями и талыми водами...

Хороша река Припять! Вода в ней коричневая, видимо, потому, что вытекает из торфяных полесских болот, течение мощное, быстрое, во время купания сильно сносит. Кожу после купания стягивает, потрешь

ее рукой - поскрипывает. Много поплавал я в этой воде и погреб на академических лодках. Перестанешь грести, зачерпнешь рукой терпкой коричневатой воды, и кожу сразу стянет от болотных кислот (которые впоследствии, после взрыва реактора и радиоактивного выброса, станут хорошими коагулянтами-носителями радиоактивных частиц и осколков деления).

Но вернемся к характеристике местности. Это немаловажно. Водоносный горизонт, который используется здесь для хозяйственного водоснабжения, залегает на глубине десять-пятнадцать метров относительно уровня реки Припяти и отделен от четвертичных отложений почти непроницаемыми глинистыми мергелями. Это означает, что радиоактивность, достигнув этой глубины, будет разноситься грунтовыми водами."

В Полесье плотность населения небольшая, до начала строительства Чернобыльской атомной станции - примерно семьдесят человек на квадратный километр. В канун катастрофы в тридцатикилометровой зоне вокруг атомной электростанции проживало уже около 110 тысяч человек, из которых почти половина - в Припяти, к западу от трехкилометровой санитарной зоны АЭС, и 13 тысяч - в районном центре Чернобыле, в восемнадцати километрах к юго-востоку.

Я часто вспоминал Припять, городок атомных энергетиков. Он при мне строился почти с нуля. Когда я уезжал в Москву, было уже заселено три микрорайона. Городок уютный, удобный для жизни и очень чистый. Часто можно было слышать от приезжих: "Какая прелесть Припять!" Сюда стремились и приезжали на постоянное место жительства многие отставники. Порою с трудом через правительственные учреждения и даже суд добивались права жить в этом райском уголке, сочетавшем прекрасную природу и удачные градостроительные находки.

Совсем недавно, 25 марта 1986 года, я проверял ход работ на строящемся пятом энергоблоке Чернобыльской АЭС. Все та же свежесть чистого пьянящего воздуха, все те же тишина и уют теперь уже не поселка, а города с пятидесятитысячным населением...

Киев и Чернобыльская АЭС остались северо-западнее трассы полета. Воспоминания отошли, реальностью стал огромный салон

авиалайнера. Два прохода, три ряда полупустых кресел. Ощущение - будто находишься в большущем амбаре. Если крикнуть - аукнется. Рядом постоянный грохот и тарахтенье снующего туда-сюда лифта, кажется, что не в самолете летишь, а едешь в огромном пустопорожнем тарантасе по голубой булыжной дороге. И в багажнике гремят бидоны из-под молока.

Домой из аэропорта Внуково добрался я к девяти вечера. За пять часов до взрыва...

В этот день, 25 апреля 1986 года, на Чернобыльской АЭС готовились к остановке четвертого энергоблока на планово-предупредительный ремонт.

Во время остановки блока по утвержденной главным инженером Н.М.Фоминим программе предполагалось провести испытания с отключенными защитами реактора в режиме полного обесточивания оборудования АЭС. Для выработки электроэнергии предполагалось использовать механическую энергию выбега ротора турбогенератора (вращение по инерции). Кстати, проведение подобного опыта предлагалось многим атомным электростанциям, но из-за рискованности эксперимента все отказывались. Руководство Чернобыльской АЭС согласилось.

В чем суть эксперимента и зачем он понадобился? Дело в том, что если атомная станция окажется вдруг обесточенной, то, естественно, останавливаются все механизмы, в том числе и насосы, прокачивающие охлаждающую воду через активную зону атомного реактора. В результате происходит расплавление активной зоны, что равносильно максимальной проектной аварии. Использование любых возможных источников электроэнергии в таких случаях и предусматривает эксперимент с выбегом ротора турбогенератора. Ведь пока вращается ротор генератора, вырабатывается электроэнергия. Ее можно и должно использовать в критических случаях. Режим выбега - одна из подсистем при максимальной проектной аварии (МПА).

Подобные испытания, но с действующими защитами реактора проводились и раньше на Чернобыльской АЭС и на других атомных станциях. И все проходило успешно. Мне также приходилось

принимать в них участие.

Обычно программы таких работ готовят заранее, согласуют с главным конструктором реактора, генеральным проектировщиком электростанции, Госатомэнергонадзором. Программа обязательно предусматривает в этих случаях резервное электроснабжение на время проведения эксперимента. То есть обесточивание электростанции во время испытаний только подразумевается, а не происходит на самом деле. При надлежащем порядке выполнения работ и дополнительных мерах безопасности такие испытания на работающей АЭС не запрещались.

Тут же следует подчеркнуть, что испытания с выбегом ротора генератора позволительно проводить только после глушения реактора, то есть с момента нажатия кнопки АЗ (аварийной защиты) и входа в активную зону поглощающих стержней. Реактор перед этим должен находиться в стабильном, управляемом режиме, имея регламентный запас реактивности.

Несколько необходимых пояснений для широкого читателя. Упрощенно активная зона реактора РБМК4 представляет собой цилиндр диаметром четырнадцать метров и высотой семь метров. Внутри этот цилиндр заполнен ядерным топливом и графитом. С торцевой стороны цилиндр активной зоны равномерно пронизан сквозными отверстиями (трубами), в которых перемещаются стержни регулирования, поглощающие нейтроны. Если все стержни внизу (то есть в пределах активной зоны), реактор заглушен. По мере извлечения стержней начинается цепная реакция деления ядер, и мощность реактора растет. Чем выше извлечены стержни, тем больше мощность реактора.

Когда реактор загружен свежим топливом, его запас реактивности (упрощенно - способность к росту нейтронной мощности) превышает способность поглощающих стержней заглушить реакцию. В этом случае извлекается часть топлива (кассеты) и на их место вставляются неподвижные поглощающие стержни (их называют дополнительными поглотителями-ДП) как бы на помощь подвижным стержням. По мере выгорания урана эти дополнительные поглотители извлекаются и на их место устанавливается ядерное топливо.

Однако остается непреложным правило: по мере выгорания топлива число погруженных в активную зону поглощающих стержней не должно быть менее двадцати восьми - тридцати штук (после чернобыльской аварии это число увеличено до семидесяти двух), поскольку в любой момент может возникнуть ситуация, когда способность топлива к росту мощности окажется большей, чем поглощающая способность стержней регулирования.

Эти двадцать восемь - тридцать стержней, находящиеся в зоне высокой эффективности, и составляют оперативный запас реактивности. Иными словами, на всех этапах эксплуатации реактора его способность к разгону не должна превышать способности поглощающих стержней заглушить реактор.

Возникает вопрос: почему прежние испытания такого рода, в том числе и в Чернобыле, обходились без ЧП? Ответ простой: реактор находился в стабильном, управляемом состоянии, весь комплекс защит оставался в работе.

Программа, утвержденная главным инженером Чернобыльской АЭС Н.М.Фоминим, не соответствовала ни одному из перечисленных требований.

Раздел о мерах безопасности был составлен чисто формально, дополнительных мер предусмотрено не было, больше того - программой предписывалось отключение САОР (системы аварийного охлаждения реактора), а это означало, что в течение всего периода испытаний - около четырех часов - безопасность реактора будет существенно снижена. Кроме того, как это будет видно из дальнейшего, работники АЭС допускали отклонения и от самой программы, создавая дополнительные условия для аварийной ситуации.

Операторы не представляли также в полной мере, что реактор типа РБМК обладает серией положительных эффектов реактивности, которые в отдельных случаях срабатывают одновременно, приводя к так называемому положительному останову, то есть к взрыву, когда способность реактора к разгону намного превышает способность средств защиты к его глушению. Этот мгновенный мощностной эффект и сыграл свою роковую роль...

Но вернемся к программе испытаний. Попытаемся понять, почему она оказалась не согласованной с вышестоящими организациями, с теми, кто несет, как и руководство атомной станции, ответственность за ядерную безопасность не только самой АЭС, но и государства.

В январе 1986 года директор АЭС В.П. Брюханов направил программу испытаний для согласования генеральному проектировщику в Гидропроект и в Госатомэнергонадзор. Ответа не последовало. Ни дирекцию Чернобыльской АЭС, ни эксплуатационное объединение Союзатомэнерго это не обеспокоило. Не обеспокоило это и Гидропроект и Госатомэнергонадзор.

Тут уж вроде можно позволить себе далеко идущие выводы: безответственность во всех этих государственных учреждениях достигла такой степени, что они сочли возможным отмолчаться, не применив никаких санкций, хотя и генеральный проектировщик, и генеральный заказчик (ВПО Союзатомэнерго), и Госатомэнергонадзор наделены такими правами, более того, это их прямая обязанность. Но в этих организациях есть конкретные ответственные люди. Кто же они?

В Гидропроекте - генпроектанте Чернобыльской АЭС - за безопасность атомных станций отвечал В.С. Конвиз. Это опытный проектировщик гидростанций, кандидат технических наук по гидротехническим сооружениям. Долгие годы (с 1972-го по 1982-й) - руководитель сектора проектирования АЭС, с 1983 года - ответственный за безопасность АЭС. Взявшись в 70-е годы за проектирование атомных станций, Конвиз вряд ли имел основательное понятие о том, что такое атомный реактор, привлекал к работе в основном специалистов по проектированию гидросооружений. Тут, пожалуй, все ясно. Такой человек не мог предвидеть возможности катастрофы, заложенной в программе да и в самом реакторе.

В Союзатомэнерго - объединении Министерства энергетики и электрификации СССР, эксплуатирующем АЭС и фактически отвечающем за все действия эксплуатационного персонала, - руководителем был Г. А. Веретенников, человек, никогда не имевший дела с эксплуатацией АЭС. С 1970 по 1982 год он работал в Госплане СССР, планировал поставки оборудования для атомных станций. Дело

по разным причинам шло плохо, из года в год оборудование поставлялось лишь наполовину. Веретенников часто болел, у него была, как говорили, "слабая голова", спазмировали сосуды мозга. Но внутренняя установка на занятие высокой должности была в нем, видимо, сильно развита. В 1982 году он занял освободившуюся совмещенную должность заместителя министра – начальника объединения Союзатомэнерго. Она оказалась ему не по силам, снова начались спазмы сосудов мозга, обмороки, кремлевская больница. Один из старых работников Главатомэнерго, Ю.Измайлов, заметил по этому поводу: "При Веретенникове отыскать атомщика в главке, знающего толк в реакторах и ядерной физике, стало почти невозможно. Зато раздулись бухгалтерия, отдел снабжения и плановый отдел..." В 1984 году должность - приставку замминистра сократили, и Веретенников стал просто начальником объединения Союзатомэнерго. Обмороки у него участились, и он надолго слег в больницу.

Начальник производственного отдела Союзатомэнерго Е.С.Иванов так оправдывал незадолго до Чернобыля участившиеся аварийные ситуации на атомных станциях: "Ни одна АЭС не выполняет до конца технологический регламент. Да это и невозможно. Практика эксплуатации постоянно вносит свои коррективы..."

Только ядерная катастрофа в Чернобыле вышвырнула Веретенникова из партии и из кресла начальника Союзатомэнерго.

В Госатомэнергонадзоре собрался довольно грамотный и опытный народ во главе с председателем комитета Е.В.Куловым, физиком-ядерщиком, долгое время работавшим на атомных реакторах Минсредмаша. Но как ни странно, и Кулов оставил сырую программу испытаний из Чернобыля без внимания. Почему? Ведь положением о Госатомэнергонадзоре, утвержденным постановлением Совета Министров СССР No 409 от 4 мая 1984 года, предусматривалось, что главной задачей комитета является "государственный надзор за соблюдением всеми министерствами, ведомствами, предприятиями, организациями, учреждениями и должностными лицами установленных правил, норм и инструкций по ядерной и технической безопасности при проектировании, сооружении и эксплуатации

объектов атомной энергетики".

Комитету дано также право (в частности, в пункте "ж") "применять ответственные меры, вплоть до приостановки работы объектов атомной энергетики, при несоблюдении правил и норм безопасности, обнаружении дефектов оборудования, недостаточной компетентности персонала, а также в других случаях, когда создается угроза эксплуатации этих объектов...".

Помнится, на одном из совещаний в 1984 году Е.В.Кулов, только что назначенный председателем Госатомэнергонадзора, так разъяснил атомным энергетикам свои функции: "Не думайте, что я буду за вас работать. Образно говоря, я милиционер. Мое дело - запрещать, отменять неправильные ваши действия". К сожалению, и как "милиционер" Е.В.Кулов в случае с Чернобылем не сработал.

Что же помешало ему приостановить работы на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС? Ведь программа испытаний не выдерживала критики. А Гидропроекту и Союзатомэнерго что помешало?

Никто не отреагировал, будто сговорились. В чем же тут дело? А дело в заговоре умолчания. Нет гласности - нет уроков. Стало быть, и аварий не было. Все безопасно, все надежно. Но не зря Абуталиб сказал: кто выстрелит по прошлому из пистолета, по тому будущее выстрелит из пушки. Я бы перефразировал специально для атомных энергетиков: по тому будущее ударит взрывом атомного реактора. Ядерной катастрофой.

Тут необходимо добавить еще одну деталь, о которой не было речи ни в одном из технических отчетов о происшедшем. Вот эта деталь: режим с выбегом ротора генератора при выведенной практически из работы аварийной защите планировался заранее и не только был отражен в программе испытаний, но и подготовлен технически. За две недели до эксперимента на панели блочного щита управления четвертого энергоблока была врезана кнопка МПА (максимальной проектной аварии), сигнал которой завели лишь во вторичные электроцепи, но без контрольно-измерительных приборов и насосной части. То есть сигнал этой кнопки был чисто имитационный.

Еще раз поясним широкому читателю: при срабатывании аварийной защиты (АЗ) все двести одиннадцать штук поглощающих стержней

падают вниз, врубается охлаждающая вода, включаются аварийные насосы и разворачиваются дизель-генераторы надежного электропитания. Включаются также насосы аварийной подачи воды из баков чистого конденсата и насосы, подающие воду из бассейна-барбатера в реактор. То есть средств защиты более чем достаточно, если они сработают в нужный момент.

Так вот, все эти защиты и надо было завести на кнопку МПА. Но они, к сожалению, были выведены из работы - поскольку операторы опасались теплового удара по реактору, то есть поступления холодной воды в горячий реактор. Эта хилая мысль, видимо, загипнотизировала руководство АЭС (Брюханова, Фомина, Дятлова) и вышестоящие организации в Москве. Таким образом, была нарушена святая святых атомной технологии: ведь если максимальная проектная авария была предусмотрена проектом, значит, она могла произойти в любой момент. И кто же давал в таком случае право лишать реактор всех предписанных правилами ядерной безопасности защит? Никто не давал. Сами себе разрешили...

Но, спрашивается, почему безответственность Госатомэнергонадзора, Гидропроекта и Союзатомэнерго не насторожила директора Чернобыльской АЭС Брюханова и главного инженера Фомина? Ведь по несогласованной программе работать нельзя. Что это за люди, что за специалисты? Коротко расскажу о них.

Познакомился я с Виктором Петровичем Брюхановым зимой 1971 года, приехав на площадку строительства АЭС в поселок Припять прямо из московской клиники, где лечился по поводу лучевой болезни. Чувствовал я себя еще плохо, но ходить мог и решил, что, работая, приду в норму быстрее. Дал подписку, что покидаю клинику по собственному желанию, сел в поезд и утром уже был в Киеве. Оттуда на такси за два часа домчался до Припяти.

Лечился я в той самой 6-й московской клинике, куда через пятнадцать лет привезут смертельно облученных пожарников и эксплуатационников, пострадавших при ядерной катастрофе четвертого энергоблока...

А тогда, в начале 70-х, на месте будущей АЭС еще ничего не было. Рыли котлован под главный корпус. Вокруг - редкий молодой сосняк,

как нигде в другом месте пьянящий воздух. Песчаные холмы, поросшие низкорослым лесом, проплешины чистого желтого песка на фоне темно-зеленого мха. Снега нет. Кое-где пригретая солнцем зеленая трава. Тишина и первозданность.

"Бросовые земли, - сказал таксист, - но древние. Здесь, в Чернобыле, князь Святослав невесту себе выбирал. Норовистая, говорят, была невеста. Более тысячи лет этому маленькому городку. А ведь выстоял, не умер..."

Зимний день в поселке Припять был солнечный и теплый. Так здесь часто бывало - вроде зима, а все время весной пахнет. Таксист остановился возле длинного барака, в котором расположились дирекция и управление строительства.

Я вошел в барак. Пол прогибался и скрипел под ногами. Вот и кабинет директора - комнатенка в шесть квадратных метров. Брюханов встал навстречу, маленького роста, сильно кудрявый, темноволосый, с морщинистым загорелым лицом, смущенно улыбаясь, пожал мне руку. Позднее первое впечатление мягкости характера, покладистости подтвердилось, но открылось в нем и другое, в частности стремление из-за недостатка знания людей окружать себя многоопытными в житейском смысле, но порою не всегда чисто плотными работниками. Ведь тогда Брюханов был совсем молодой - тридцати шести лет от роду. По профессии и опыту работы он турбинист. С отличием окончил Энергетический институт, выдвинулся на Славянской ГРЭС (угольной станции), где хорошо проявил себя на пуске блока. Домой не уходил сутками, работал оперативно и грамотно. И вообще, я позже узнал, трудясь с ним бок о бок несколько лет: инженер он хороший, сметливый, работоспособный. Но вот беда - не атомщик. Тем не менее курирующий Славянскую ГРЭС замминистра из Минэнерго Украины заметил Брюханова и выдвинул директором на Чернобыль.

Главный инженер Михаил Петрович Алексеев приехал в Припять с Белоярской АЭС, где работал заместителем главного инженера по третьему строящемуся блоку, который числился пока только на бумаге. Опыта атомной эксплуатации Алексеев не имел и до Белоярки двадцать лет трудился на тепловых станциях. Как вскоре выяснилось, рвался в Москву, куда месяца через три после начала моей работы на

АЭС и уехал... После чернобыльской катастрофы зампреду Госатомэнергонадзора М.П. Алексееву объявили строгий партийный выговор с занесением в учетную карточку. Его начальника по московской работе председателя Госатомэнергонадзора Е.В. Кулова настигла более суровая кара, его сняли с работы и исключили из партии. Такая же кара настигла Брюханова.

Но это случилось через пятнадцать лет. А привела к этому, на мой взгляд, в числе прочего кадровая политика на АЭС. С первых же месяцев (до Чернобыля я много лет был начальником смены на другой АЭС), формируя персонал цехов и служб, я предлагал Брюханову людей с многолетним опытом работы на атомных станциях. Как правило, Брюханов прямо не отказывал, но исподволь проводил на эти должности работников тепловых станций. По его мнению, на АЭС должны работать опытные станционники, хорошо знающие мощные турбинные системы, распредустройства и линии выдачи мощности. С большим трудом, через голову Брюханова заручившись поддержкой Главатомэнерго, удалось тогда укомплектовать реакторный и спецхимический цехи нужными специалистами. Брюханов комплектовал турбинистов и электриков. В конце 1972 года на Чернобыльскую АЭС пришли Н.М. Фомин и Т.Г. Плохий. Первого Брюханов предложил на должность начальника электроцеха, второго - на должность заместителя начальника турбинного цеха. Оба эти человека - прямые кандидатуры Брюханова. Фомин, электрик по опыту работы и образованию, был выдвинут на Чернобыльскую станцию с Запорожской ГРЭС (тепловая станция), до которой работал в полтавских энергосетях. Называю эти две фамилии, ибо с ними через пятнадцать лет будут связаны крупнейшие аварии в Балакове и Чернобыле.

Как заместитель главного инженера по эксплуатации, я беседовал с Фоминым: атомная станция - предприятие радиоактивное и чрезвычайно сложное, крепко ли он подумал, оставив электроцех Запорожской ГРЭС? У Фомина неотразимая белозубая улыбка. Похоже, он знает это и улыбается к месту и не к месту. Он ответил мне тогда, что АЭС - дело престижное и суперсовременное. Довольно приятный напористый баритон перемежался у него в минуты волнения

альтовыми нотками. Квадратная угловатая фигура, наркотический блеск темных глаз. В работе четок, исполнитель, требователен, импульсивен. Честолюбив, злопамятен. Чувствовалось, что внутренне он всегда сжат, как пружина, и готов для прыжка. Рассказываю о нем так подробно потому, что ему предстояло стать своеобразным атомным Геростратом, личностью в некотором роде исторической, с именем которой начиная с 26 апреля 1986 года будет связываться одна из страшнейших ядерных катастроф на АЭС.

Тарас Григорьевич Плохий, напротив, вял, обстоятелен, типичный флегматик, но дотошен, упорен, работающ. О нем по первому впечатлению можно было бы сказать: тухля, размазня, если бы не его методичность и упорство в работе. К тому же многое скрадывала его близость к Брюханову (вместе работали на Славянской ГРЭС), в отсвете этой дружбы он казался более значительным и энергичным.

Брюханов активно продвигал Плохия и Фомина в руководящий эшелон Чернобыльской АЭС. Впереди шел Плохий - он стал заместителем главного инженера по эксплуатации, затем главным инженером. По предложению Брюханова был выдвинут главным инженером на строящуюся Балаковскую АЭС, станцию с водо-водяным реактором, проекта которой он не знал, а в итоге в июне 1985 года во время пусконаладочных работ из-за халатности эксплуатационного персонала и грубого нарушения технологического регламента произошла авария, при которой погибли, живьем сварились четырнадцать человек. Трупы из кольцевых помещений вокруг шахты реактора вытаскивали к аварийному шлюзу и складывали к ногам бледного как смерть некомпетентного главного инженера.

А тем временем на Чернобыльской АЭС Фомин семимильными шагами прошел должность заместителя главного инженера по монтажу и эксплуатации и заменил Плохия на посту главного инженера. Тут следует отметить, что Минэнерго СССР не поддерживало кандидатуру Фомина, на эту должность предлагался В.К.Бронников, опытный реакторщик. Но Бронникова не согласовывал Киев, называя его обыкновенным технарем. Мол, Фомин - жесткий, требовательный руководитель, хотим его. И Москва уступила. Фомина согласовали в отделе ЦК КПСС, и дело было решено. Цена этой уступки известна.

Тут бы впору остановиться, осмотреться, задуматься над балаковским опытом, усилить ответственность и осторожность, но...

В конце 1985 года Фомин попадает в автокатастрофу и ломает позвоночник. Длительный паралич, крушение надежд. Но могучий организм справился с недугом, и Фомин вышел на работу 25 марта 1986 года, за месяц до чернобыльского взрыва. Я был в Припяти как раз в это время с инспекцией строящегося пятого энергоблока: дела шли неважно, ход работ сдерживался нехваткой проектной документации и технологического оборудования. Видел Фомина на совещании, которое мы собрали специально по пятому энергоблоку. Он здорово сдал. Во всем облике его была какая-то заторможенность, печать перенесенных страданий. Я поделился опасениями с Брюхановым, он успокоил: "Ничего страшного, в работе скорее дойдет до нормы..."

Мы разговорились, Брюханов пожаловался, что на Чернобыльской АЭС много течей, не держит арматура, текут дренажи и воздушники. Общий расход течей почти постоянно составляет около 50 кубометров радиоактивной воды в час. Еле успевают перерабатывать на выпарных установках. Много радиоактивной грязи. Сказал, что ощущает сильную усталость и хотел бы уйти куда-нибудь на другую работу... Он недавно вернулся из Москвы с XXVII съезда КПСС, на котором был делегатом.

Так что же происходило на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС в канун катастрофы?

В 1 час 00 минут ночи 25 апреля 1986 года оперативный персонал приступил к снижению мощности реактора №4, работавшего на номинальных параметрах.

В 13 часов 05 минут того же дня турбогенератор № 7 был отключен от сети. Электропитание собственных нужд блока (четыре главных циркуляционных насоса, два питательных электронасоса и др.) было переведено на шины оставшегося в работе турбогенератора № 8.

В 14 часов 00 минут в соответствии с программой эксперимента была отключена система аварийного охлаждения реактора (САОР) - одна из грубейших и роковых ошибок Фомина. Нужно еще раз подчеркнуть,

что сделано это было сознательно, чтобы исключить возможный тепловой удар при поступлении холодной воды из емкостей системы аварийного охлаждения в горячий реактор.

А ведь эти 350 кубометров аварийной воды из емкостей САОР, когда начался разгон на мгновенных нейтронах, когда сорвали главные циркуляционные насосы и реактор остался без охлаждения, возможно, могли бы спасти положение и погасить паровой эффект реактивности, самый весомый из всех...

Трудно сейчас предположить, какие резоны двигали Фоминым в те роковые часы, но отключить систему аварийного охлаждения реактора, которая в критические секунды резко могла бы снизить паросодержание в активной зоне и, быть может, спасти от взрыва, мог только человек, совершенно не понимающий нейтронно-физических процессов в атомном реакторе или по меньшей мере крайне самонадеянный.

Итак, это было сделано, и сделано, как мы уже знаем, сознательно. Видимо, гипнозу самонадеянности, идущей вразрез с законами ядерной физики, поддались и заместитель главного инженера по эксплуатации А.С.Дятлов и весь персонал службы управления четвертого энергоблока. В противном случае хотя бы кто-нибудь один должен был в момент отключения САОР опомниться и сказать: "Отставить! Что творите, братцы?!" Но никто не опомнился, никто не крикнул. САОР была спокойно отключена, задвижки на линии подачи воды в реактор заранее обесточены и закрыты на замок, чтобы в случае надобности не открыть их даже вручную. А то сдуру и открыть могут, и 350 кубометров холодной воды ударят по раскаленному реактору.

Но ведь в случае максимальной проектной аварии в активную зону все равно пойдет холодная вода! Здесь из двух зол нужно было выбирать меньшее: лучше подать холодную воду в горячий реактор, нежели оставить раскаленную активную зону без воды. Ведь вода из системы аварийного охлаждения поступает как раз тогда, когда ей надо поступить, и тепловой удар тут несоизмерим со взрывом.

Психологически вопрос очень сложный. Ну конечно же, конформизм операторов, отвыкших самостоятельно думать, халатность и

разгильдяйство, которые в службе управления АЭС стали нормой. Еще - неуважение к атомному реактору, который воспринимался эксплуатационниками чуть ли не как тульский самовар, может, малость посложнее. Забвение золотого правила работников взрывоопасных производств: "Помни! Неверные действия - взрыв!" Был тут и электротехнический крен в мышлении, ведь главный инженер - электрик, к тому же после тяжелой спинномозговой травмы. Бесспорен и недосмотр медсанчасти Чернобыльской АЭС, которая должна зорко следить за здоровьем и работоспособностью атомных операторов, а также руководства АЭС и отстранять их от дела в случае необходимости.

И тут снова надо вспомнить, что аварийное охлаждение было выведено из работы сознательно, чтобы избежать теплового удара по реактору при нажатии кнопки МПА. Стало быть Дятлов и операторы были уверены, что реактор не подведет. Именно здесь начинаешь понимать, что эксплуатационники не представляли до конца физики реактора, не предвидели крайнего развития ситуации. Думаю, что сравнительно успешная работа АЭС в течение десяти лет также способствовала размагничиванию людей. И даже серьезный сигнал с того света - частичное расплавление активной зоны на первом энергоблоке Чернобыльской АЭС в сентябре 1982 года не послужил уроком. Раз уж начальство помалкивает, нам сам бог велел. Информация на уровне слухов, без отрезвляющего анализа негативного опыта.

Но продолжим. По требованию диспетчера Киевэнерго в 14 часов 00 минут вывод блока из работы был задержан. Эксплуатация четвертого энергоблока в это время продолжалась с отключенной системой аварийного охлаждения реактора - грубейшее нарушение технологического регламента, хотя формальный повод был - наличие кнопки МПА.

В 23 часа 10 минут (начальником смены четвертого энергоблока в это время был Трегуб) снижение мощности было продолжено.

В 24 часа 00 минут Трегуб сдал смену Александру Акимову, а старший инженер управления реактором (сокращенно - СИУР) сдал смену Леониду Топтунову.

Тут возникает вопрос: а если бы эксперимент проводился раньше, в смену Трегуба, произошел бы взрыв реактора? Думаю, что нет. Реактор находился в стабильном, управляемом состоянии. Но опыт мог завершиться взрывом и в этой вахте, если бы при отключении системы локального автоматического регулирования реактора (сокращенно-ЛАР) СИУР Трегуба допустил ту же ошибку, что и Топтунов, а допустив ее, стал бы подниматься из "йодной ямы"...

Но события развивались так, как запрограммировала судьба. И кажущаяся отсрочка, которую дал нам диспетчер Киевэнерго, сдвинув испытания с 14 часов 25 апреля на 1 час 23 минуты 26 апреля, оказалась на самом деле лишь прямым путем к взрыву.

В соответствии с программой испытаний выбег ротора генератора предполагалось произвести при мощности реактора 700 - 1000 МВт. Тут следует подчеркнуть, что такой выбег следовало производить в момент глушения реактора, ибо при максимальной проектной аварии аварийная защита реактора (АЗ) по пяти аварийным уставкам падает вниз и глушит аппарат. Но был выбран другой, катастрофически опасный путь - продолжить эксперимент при работающем реакторе. Почему был выбран такой опасный режим, остается загадкой. Можно только предположить, что Фомин желал чистого опыта.

Дальше произошло вот что. Надо пояснить, что поглощающими стержнями можно управлять всеми сразу или по частям, группами. В ряде режимов эксплуатации реактора возникает необходимость переключать или отключать управление локальными группами. При отключении одной из таких локальных систем, что предусмотрено регламентом эксплуатации атомного реактора на малой мощности, СИУР Леонид Топтунов не смог достаточно быстро устранить появившийся разбаланс в системе регулирования (в ее измерительной части). В результате этого мощность реактора упала до величины ниже 30 МВт тепловых. Началось отравление реактора продуктами распада. Это было начало конца...

Тут пора познакомиться с заместителем главного инженера по эксплуатации второй очереди Чернобыльской АЭС Анатолием Степановичем Дятловым.

Худощавый, с гладко зачесанной, серой от седины шевелюрой и

уклончивыми, глубоко запавшими тусклыми глазами, Дятлов появился на атомной станции в середине 1973 года. До этого заведовал физлабораторией на одном из предприятий Дальнего Востока, занимался небольшими корабельными атомными установками. На АЭС никогда не работал. Тепловых схем станции и уранграфитовых реакторов не знал. "Как будете работать? - спросил я его. "Объект для вас новый". "Выучим," - сказал он как-то натужно, " задвижки там, трубопроводы... Это проще, чем физика реактора..." Казалось, он с трудом выдавливал слова, разделяя их долгими паузами. Характер в нем ощущался тяжелый, а в нашем деле это немаловажно.

Я сказал Брюханову, что принимать Дятлова на должность начальника реакторного цеха нельзя. Управлять операторами ему будет трудно не только в силу характера (искусством общения он явно не владел), но и по опыту предшествующей работы: чистый физик, атомной технологии не знает. Через день вышел приказ о назначении Дятлова заместителем начальника реакторного цеха. Брюханов прислушался к моему мнению, назначил Дятлова на должность пониже, однако направление - реакторный цех, осталось. После моего отъезда из Чернобыля Брюханов двинул Дятлова в начальники реакторного цеха, а затем сделал заместителем главного инженера по эксплуатации второй очереди атомной станции.

Приведу характеристики, данные Дятлову его подчиненными, проработавшими с ним бок о бок много лет. Давлетбаев Разим Ильгамович, заместитель начальника турбинного цеха четвертого блока: "Дятлов - человек непростой, тяжелый характер, персонал по мелочам не дергал, копил замечания (злопамятен) и потом отчитывал сразу за несколько проступков или ошибок. Упрямый, нудный, не держит слова..."

Смагин Виктор Григорьевич, начальник смены четвертого блока: "Дятлов - человек тяжелый, замедленный. Подчиненным обычно говорил: "Я сразу не наказываю. Я обдумываю проступок подчиненного не менее суток и, когда уже не остается в душе осадка, принимаю решение..." Костяк физиков управленцев собрал с Дальнего Востока, где сам работал начальником физлаборатории. Орлов, Ситников (оба погибли) тоже оттуда. И многие другие друзья -

товарищи по прежней работе. Общая тенденция на Чернобыльской АЭС до взрыва - дрючить оперативный персонал смен, щадить и поощрять дневной (неоперативный) персонал цехов. Обычно больше аварий было в турбинном зале, меньше в реакторном отделении. Отсюда размагниченное отношение к реактору. Мол, надежный, безопасный..."

Так вот. способен ли был Дятлов к мгновенной, единственно правильной оценке ситуации в момент ее перехода в аварию? Думаю, нет. Более того, в нем, видимо, не были в достаточной степени развиты необходимая осторожность и чувство опасности, столь нужные руководителю атомных операторов. Зато неуважения к операторам и технологическому регламенту хоть отбавляй...

Именно эти качества развернулись в Дятлове в полную силу, когда при отключении системы локального автоматического регулирования старший инженер управления реактором Леонид Топтунов не сумел удержать реактор на мощности 1500 МВт и провалил ее до 30 МВт тепловых.

При такой малой мощности начинается интенсивное отравление реактора продуктами распада (ксенон, йод). Восстановить параметры становится очень трудно или даже невозможно. Стало ясно: эксперимент с выбегом ротора срывается. Это сразу поняли все атомные операторы, в том числе Леонид Топтунов и начальник смены блока Александр Акимов. Понял это и заместитель главного инженера по эксплуатации Анатолий Дятлов. Ситуация создалась довольно-таки драматическая. Обычно замедленный Дятлов забежал вокруг панелей пульта операторов. Сиплый тихий голос его обрел гневное металлическое звучание: "Японские караси! Не умеете! Бездарно провалились! Срываете эксперимент!"

Его можно было понять. Реактор отравляется, надо или немедленно поднимать мощность, или ждать сутки, пока он разотравится... Вот и надо было ждать. Ах, Дятлов Дятлов... Не учел ты, как быстро идет отравление. Остановись, безумный... Может и минет человечество чернобыльская катастрофа...

Но он не желал останавливаться. Метал громы, носился по помещению блочного щита управления и терял драгоценные минуты.

Старший инженер управления реактором Леонид Топтунов и начальник смены блока Акимов задумались, и было над чем. Падение мощности до столь низких значений произошло с уровня 1500 МВт, то есть с пятидесятипроцентной величины. Оперативный запас реактивности при этом составлял двадцать восемь стержней (то есть двадцать восемь стержней были погружены в активную зону). Восстановление параметров еще было возможно... Время шло, реактор отравлялся. Топтунову было ясно, что подняться до прежнего уровня мощности ему вряд ли удастся, а если и удастся, то с резким уменьшением числа погруженных в зону стержней, что требовало немедленной остановки реактора. Стало быть... Топтунов принял единственно правильное решение. "Я подниматься не буду!" - твердо сказал Топтунов. Акимов поддержал его. Оба изложили свои опасения Дятлову. "Что ты брешешь, японский карась!" - накинулся Дятлов на Топтунова." - После падения с восьмидесяти процентов по регламенту разрешается подъем через сутки, а ты упал с пятидесяти процентов! Регламент не запрещает. А не будете подниматься, Трегуб поднимется..." Это была уже психическая атака.

Трегуб - начальник смены блока, сдавший смену Акимову и оставшийся посмотреть, как идут испытания, был рядом. Неизвестно, правда, согласился ли бы он поднимать мощность. Но Дятлов рассчитал правильно: Леонид Топтунов испугался окрика, изменил профессиональному чутью. Молод, конечно, всего двадцать шесть лет от роду, неопытен. Эх, Топтунов, Топтунов...

Но он уже прикидывал: "Оперативный запас реактивности двадцать восемь стержней... Чтобы компенсировать отравление, придется подвыдернуть еще пять - семь стержней из группы запаса... Может, проскочу... Ослушаюсь - уволят..." (Топтунов рассказал об этом в припятской медсанчасти незадолго до отправки в Москву.)

Леонид Топтунов начал подъем мощности, тем самым подписав смертный приговор себе и многим своим товарищам. Под этим символическим приговором четко видны также подписи Дятлова и Фомина. Разборчиво видна подпись Брюханова и многих других более высокопоставленных товарищей...

И все же справедливости ради надо сказать, что смертный приговор

был predetermined в некоторой степени и самой конструкцией РБМК. Нужно было только обеспечить стечение обстоятельств, при которых возможен взрыв. И это было сделано...

Но мы забегаем вперед. Было, было еще время одуматься. Но Топтунов продолжал поднимать мощность реактора. Только к 1 часу 00 минутам 26 апреля 1986 года ее удалось стабилизировать на уровне 200 МВт тепловых. Оравление реактора продуктами распада продолжалось, дальше поднимать мощность было нельзя из-за малого оперативного запаса реактивности - он к тому моменту был гораздо ниже регламентного. (По отчету СССР в МАГАТЭ, запас реактивности составлял шесть - восемь стержней, по заявлению умирающего Топтунова, который смотрел распечатку машины "Скала" за семь минут до взрыва - восемнадцать стержней. Тут нет противоречия. Отчет составлялся по материалам, доставленным с аварийного блока, и что-то могло быть утеряно.)

Для реактора типа РБМК, как я уже говорил, запас реактивности - тридцать стержней. Реактор стал малоуправляемым из-за того, что Топтунов, выходя из "йодной ямы", извлек несколько стержней из группы неприкосновенного запаса. То есть способность реактора к разгону превышала теперь способность имеющихся защит заглушить аппарат. И все же испытания решено было продолжить. Слишком прочна была внутренняя установка на успех. Надежда, что не подведет и на этот раз выручит реактор. Основным мотивом в поведении персонала было стремление быстрее закончить испытания: "Еще поднажмем, и дело сделано. Веселей, парни!.." До взрыва оставалось двадцать четыре минуты."

Подытожим грубейшие нарушения, как заложенные в программу, так и допущенные в процессе подготовки и проведения эксперимента:

стремясь выйти из "йодной ямы", значительно снизили оперативный запас реактивности, сделав аварийную защиту реактора неэффективной;

ошибочно отключили систему ЛАР (локальное автоматическое регулирование), что привело к недопустимому провалу мощности:

подключили к реактору все восемь главных циркуляционных насосов (ГЦН) с аварийным превышением расходов, что сделало температуру

теплоносителя близкой к температуре насыщения;
намереваясь при необходимости повторить эксперимент с обесточиванием, заблокировали защиту реактора по многим параметрам (по сигналу остановки при отключении двух турбин, по уровню воды и давлению пара в барабанах-сепараторах, по тепловым параметрам);

отключили также систему защиты от максимальной проектной аварии (стремясь избежать ложного срабатывания САОР во время проведения испытаний);

наконец, заблокировали оба аварийных дизель-генератора, а также рабочий и пускорезервный трансформаторы, отключив блок от источников аварийного электропитания и от энергосистемы. Стремясь провести "чистый опыт", фактически завершили цепь предпосылок для предельной ядерной катастрофы.

Все перечисленное обретало еще более зловещую окраску на фоне ряда неблагоприятных нейтронно-физических коэффициентов реактора типа РБМК и порочной конструкции поглощающих стержней системы управления защитой.

Дело в том, что при высоте активной зоны, равной семи метрам, поглощающая часть стержня имела длину пять метров, а ниже и выше находились метровой длины полые участки. Нижний же концевик поглощающего стержня, уходящий при полном погружении ниже активной зоны, заполнен графитом. При такой конструкции стержни регулирования входят в активную зону реактора вначале нижним графитовым концевиком, затем в зону попадает пустотелый метровой участок и только после этого - поглощающая часть. Всего на чернобыльском четвертом энергоблоке двести одиннадцать поглощающих стержней. По данным отчета СССР МАГАТЭ, двести пять стержней находились в крайнем верхнем положении; по свидетельству Топтунова, вверху находились сто девяносто три стержня. Одновременное введение такого количества стержней в активную зону дает в первый момент положительный всплеск реактивности, поскольку в зону вначале входят графитовые концевики (длина пять метров) и пустотелые участки метровой длины. Всплеск реактивности при стабильном, управляемом реакторе не страшен, однако при

совпадении неблагоприятных факторов эта добавка может оказаться роковой, ибо потянет за собой неуправляемый разгон.

Знали об этом операторы или находились в святом неведении? Думаю, что знали, во всяком случае обязаны были знать, СИУР Леонид Топтунов в особенности. Но он молодой специалист, знания не вошли еще в плоть и кровь...

А вот начальник смены блока Александр Акимов мог и не знать, потому что СИУРом никогда не работал. Реактор, конечно, изучал, сдавал экзамены на рабочее место, но всякие тонкости в конструкции поглощающего стержня могли пройти мимо сознания оператора, ибо напрямую не связывались с опасностью для жизни. А ведь именно в этой конструкции и притаились до времени смерть и ужас чернобыльской ядерной катастрофы.

Думаю также, что вчерне конструкцию стержня представляли Брюханов, Фомин и Дятлов, не говоря уж о конструкторах-разработчиках реактора, однако не думали, что будущий взрыв спрячется в каких-то концевых участках поглощающих стержней, которые являются наиглавнейшей системой защиты ядерного реактора. Убило то, что должно было защитить, потому и не ждали отсюда смерти...

Но ведь конструировать реакторы надо так, чтобы они при непредвиденных разгонах самозатухали. Это правило - святая святых конструирования ядерных управляемых устройств. И надо сказать, что водо-водяной реактор типа нововоронежского отвечает этим требованиям.

Тут необходимо еще одно короткое пояснение. Атомным реактором возможно управлять только благодаря доле запаздывающих нейтронов, которая обозначается греческой буквой β (бета). По правилам ядерной безопасности скорость увеличения мощности реактора не должна превышать 0,0065 β за 60 секунд. Если доля запаздывающих нейтронов - 0,5 β , начинается разгон на мгновенных нейтронах. Нарушения регламента и защит реактора, о которых я говорил выше, грозили высвобождением реактивности, равной по меньшей мере 5 - 6, что означало фатальный взрывной разгон.

Представляли всю эту цепочку Брюханов, Фомин, Дятлов, Акимов,

Топтунов? Первые два наверняка не представляли. Трое других теоретически должны были знать, практически, думаю, нет. Акимов вплоть до самой смерти 11 мая 1986 года повторял, пока мог говорить, одну мучившую его мысль: "Я все делал правильно. Не понимаю, почему так произошло".

Все это говорит еще и о том, что противоаварийные тренировки на АЭС, теоретическая и практическая подготовка персонала велись в основном в пределах примитивного управленческого алгоритма. Как же докатились до такой размагниченности, до такой преступной халатности? Кто и когда заложил в программу нашей судьбы возможность ядерной катастрофы в украинском Полесье? И почему именно уран-графитовый реактор был выбран к установке в ста тридцати километрах от Киева? Уже пятнадцать лет назад у многих возникали сомнения по этому поводу.

Как-то мы с Брюхановым поехали на "газике" в Киев по вызову тогдашнего министра энергетики Украинской ССР А.Н.Макухина. Сам Макухин по образованию и опыту работы теплоэнергетик. По дороге в Киев Брюханов сказал: "Не возражаешь, если выкроим часок-другой, прочтешь министру и его замам лекцию об атомной энергетике, о конструкции ядерного реактора? Постарайся популярнее, а то они, как и я, в атомных станциях не все понимают..."

Министр энергетики Украинской ССР Алексей Наумович Макухин держался очень начальственно. Говорил отрывисто. Я рассказал об устройстве чернобыльского реактора, о компоновке атомной станции и об особенностях АЭС данного типа. Помню, Макухин спросил:

- "На ваш взгляд, реактор выбран удачно или...? Я имею в виду - рядом все же Киев..."

Я ответил, что для Чернобыльской АЭС, на мой взгляд, больше подошел бы не уран-графитовый, а водо-водяной реактор нововоронежского типа. Двухконтурная станция чище, меньше протяженность трубопроводных коммуникаций, меньше активность выбросов. Словом, безопасней.

- "Вы читали статью академика Доллежала в "Коммунисте"? Он не советует выдвигать реакторы типа РБМК в европейскую часть страны, но вот что-то неотчетливо аргументирует..."

- "Ну что я могу сказать. Доллежалъ прав, выдвигать не стоит. У этих реакторов большой сибирский опыт работы, они там зарекомендовали себя, если можно так выразиться, с грязной стороны. Это серьезный аргумент..."

- "А почему Доллежалъ не проявил настойчивость в отстаивании своей позиции?" - строго спросил Макухин.

- "Не знаю, Алексей Наумович," - я развел руками, - "видимо, нашлись силы помощнее академика Доллежала".

- "Какие у чернобыльского реактора проектные выбросы?" - уже озабоченно поинтересовался министр.

- "До четырех тысяч кюри в сутки".

- "А у нововоронежского?"

- "До ста кюри. Разница существенная".

- "Но ведь академики... Применение этого реактора утверждено Совмином. Анатолий Петрович Александров хвалит этот реактор как наиболее безопасный и экономичный. Вы сгустили краски. Но ничего, освоим... Эксплуатационникам предстоит организовать дело так, чтобы наш первый украинский реактор был чище и безопасней нововоронежского!"

В 1982 году А. Н. Макухин был переведен в центральный аппарат Минэнерго СССР на должность первого заместителя министра по эксплуатации электростанций и сетей. 14 августа 1986 года уже по итогам чернобыльской катастрофы решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС "за непринятие должных мер по повышению надежности эксплуатации Чернобыльской АЭС" первому заместителю министра энергетики и электрификации СССР А.Н.Макухину был объявлен строгий партийный выговор.

А ведь тогда, в 1972 году, еще можно было сменить тип чернобыльского реактора на водо-водяной и тем самым резко уменьшить вероятность того, что случилось в апреле 1986 года. И слово министра энергетики УССР было бы здесь не последним.

Еще один характерный эпизод. В декабре 1979 года, уже работая в Москве, мы выехали с инспекционной поездкой на Чернобыльскую АЭС. На совещании атомостроителей выступил тогдашний первый секретарь Киевского обкома КПУ Владимир Михайлович Цибулько. Его

обожженное лицо со следами келоидных рубцов (во время войны он был танкистом и горел в танке) густо покраснело, он смотрел в пространство перед собой и говорил тоном человека, не привыкшего к возражениям. Но в голосе проскакивали и отеческие нотки, нотки заботы и доброго напутствия: "Посмотрите, товарищи, какой прекрасный город Припять, глаз радуется! Вы говорите: четыре энергоблока. А я скажу так: мало! Я бы построил здесь восемь, двенадцать, а то и все двадцать атомных энергоблоков!.. А что?! И город вымахнет до ста тысяч человек. Не город, а сказка... Вы имеете прекрасный обкатанный коллектив атомных строителей и монтажников. Чем открывать площадку на новом месте, давайте строить здесь..."

Во время одной из пауз я вклинился и сказал, что чрезмерное скопление атомных активных зон весьма чревато, ибо снижает ядерную безопасность государства как в случае военного конфликта и нападения на атомные станции, так и в случае предельной ядерной аварии... Реплика моя осталась незамеченной, зато предложение товарища Цибулько было воспринято с энтузиазмом, как директивное указание. Вскоре началось строительство третьей очереди Чернобыльской АЭС, приступили к проектированию четвертой...

Однако 26 апреля 1986 года было не за горами, и взрыв атомного реактора четвертого энергоблока одним махом вырубил из единой энергосистемы страны 4 миллиона киловатт и прекратил строительство пятого энергоблока, ввод которого был реален в 1986 году.

Теперь представим, что мечта В.М.Цибулько сбылась. Если бы это случилось, то 26 апреля 1986 года все двенадцать энергоблоков были бы выбиты из энергосистемы на длительный срок, обезлюдел бы город со сотысячным населением и ущерб государству исчислялся бы не восемью, а как минимум двадцатью миллиардами рублей.

Следует также упомянуть, что энергоблок № 4, спроектированный Гидропроектом с расположением взрывоопасного прочноплотного бокса и бассейна-барбатера под атомным реактором, вызвал в свое время категорические возражения экспертной комиссии. Будучи председателем этой комиссии, я выступал против такой компоновки и предлагал убрать взрывоопасное устройство из-под реактора. Однако

мнение экспертизы было проигнорировано. Как показала жизнь, взрыв произошел и в самом реакторе и в прочноплотном боксе...

-3-

26 АПРЕЛЯ 1986 ГОДА

Вечером 25 апреля, вернувшись из командировки на Крымскую АЭС, я просмотрел свои записи, протоколы совещаний, в том числе конспект заседания бюро Крымского обкома КПСС, в работе которого принимал участие.

Перед заседанием бюро обкома я беседовал с заведующим промышленным отделом обкома В.В.Курашиком и секретарем обкома по промышленности В.И.Пигаревым. Меня удивило тогда, что оба обеспокоены одним: не опрометчиво ли строительство атомной станции в Крыму, в курортной здравнице страны, неужели нет других мест в Советском Союзе?

- "Есть. Есть много бросовых и малозаселенных или вообще не заселенных земель, где можно было бы строить атомные станции".

- "Так почему же?.. Кто принимает решение?" - "Министр энергетики, Госплан СССР. А проектирует распределение мощностей по территории страны Электросетьпроект, сообразуясь с потребностями в энергии в том или ином районе".

- "Но ведь мы тянем на тысячи километров линии электропередач из Сибири в европейскую часть страны, неужели..."

- "Да, вы правы".

- "Значит, в Крыму можно не строить?"

- "Можно".

- "И нужно..." - Пигарев невесело улыбнулся.

- "Но будем строить," - уже деловито поправился секретарь обкома. "Об этом поговорим сегодня на бюро со всей принципиальностью. Строители и дирекция работают вяло, срывают показатели. Такое положение терпеть дальше нельзя." - Пигарев просительно посмотрел на меня. - "Обрисуйте мне, как в действительности обстоят дела на стройке, чтобы я мог поубедительней выступить на бюро обкома" Я проанализировал ситуацию. Секретарь выступил убедительно

В ночь с 25 на 26 апреля 1986 года все будущие ответственные за

ядерную катастрофу в Чернобыле спокойно спали. И министры А.И.Майорец и Е.П.Славский, и президент Академии наук СССР А.П.Александров, и председатель Госатомэнергонадзора Е.В.Кулов, и даже директор Чернобыльской АЭС В.П.Брюханов и главный инженер станции Н.М.Фомин. Спали Москва и вся ночная половина земного шара.

А тем временем в 24 часа 00 минут, то есть за час двадцать пять минут до взрыва, на блочном щите управления четвертым энергоблоком Чернобыльской атомной станции заступила на вахту смена Александра Акимова. Многие из заступивших на смену не доработают до утра. Двое погибли сразу...

Итак, в 1 час 00 минут 26 апреля 1986 года мощность атомного реактора четвертого энергоблока благодаря грубому нажиму заместителя главного инженера А.С.Дятлова была стабилизирована на уровне 200 МВт тепловых. Продолжалось отравление реактора продуктами распада. Дальнейший подъем мощности был невозможен, запас реактивности был значительно ниже регламентного и, как я уже говорил ранее, по словам СИУРа Топтунова, составлял восемнадцать стержней. Этот расчет дала ЭВМ "Скала" за семь минут до нажатия кнопки АЗ (аварийной защиты).

Реактор находился в неуправляемом состоянии и был взрывоопасен. Это означало, что нажатие кнопки АЗ в любое из оставшихся мгновений до катастрофы привело бы к неуправляемому фатальному разгону. Воздействовать на реактивность было нечем.

До взрыва оставалось еще семнадцать минут сорок секунд. Это очень большое время. Почти вечность. Сколько можно передумать за эти семнадцать минут сорок секунд, всю жизнь вспомнить, всю историю человечества. Но, к сожалению, это было всего лишь время движения к взрыву...

В 1 час 07 минут шести работавшим главным циркуляционным насосам (ГЦН) дополнительно было включено еще по одному насосу с таким расчетом, чтобы после окончания эксперимента в контуре циркуляции осталось четыре ГЦН для надежного охлаждения активной зоны.

Тут важно понять, что гидравлическое сопротивление активной зоны напрямую зависит от мощности реактора. А поскольку мощность

реактора была мала, гидравлическое сопротивление активной зоны тоже было низкое. В работе же находились все восемь насосов, суммарный расход воды через реактор возрос до 60 тысяч кубических метров в час при норме 45 тысяч, что является грубым нарушением регламента эксплуатации. При таком режиме насосы могут сорвать подачу, возможно возникновение вибрации трубопроводов контура вследствие кавитации (вскипание воды с сильными гидроударами).

Старший инженер управления реактором Л.Топтунов, начальник смены блока А.Акимов и старший инженер управления блоком Б.Столярчук пытались вручную поддерживать параметры реактора, однако в полной мере сделать это не смогли. Чтобы избежать остановки реактора в таких условиях, А.Акимов с согласия А.С.Дятлова приказал заблокировать сигналы аварийной защиты.

Спрашивается: можно ли в этой ситуации избежать катастрофы? Можно. Нужно только было категорически отказаться от проведения эксперимента, подключить к реактору систему аварийного охлаждения и зарезервировать электропитание на случай полного обесточивания. Вручную, ступенями приступить к снижению мощности реактора вплоть до его полной остановки, ни в коем случае не сбрасывая АЗ - аварийную защиту, ибо это было бы равносильно взрыву... Но этот шанс не был использован. Реактивность реактора продолжала медленно падать.

В 1 час 22 минуты 30 секунд (за полторы минуты до взрыва) СИУР Леонид Топтунов по распечатке программы быстрой оценки запаса реактивности увидел, что он составлял величину, требующую немедленной остановки реактора. То есть те самые восемнадцать стержней вместо необходимых двадцати восьми. Некоторое время он колебался. Ведь бывали случаи, когда вычислительная машина врала. Тем не менее Топтунов доложил обстановку Акимову и Дятлову.

Еще не поздно было прекратить эксперимент и осторожно, вручную снизить мощность реактора, пока цела активная зона. Но этот шанс был упущен, и испытания начались. Все операторы, кроме Топтунова и Акимова, которых все же смутили данные вычислительной машины, были спокойны и уверены в своих действиях. Спокоен был и Дятлов. Он прохаживался по помещению блочного щита управления и

поторапливал ребят: "Еще две-три минуты, и все будет кончено. Веселей, парни!"

В 1 час 23 минуты 04 секунды старший инженер управления турбиной Игорь Кершенбаум по команде Г.П.Метленко "осциллограф включен!" закрыл стопорно-дроссельные клапаны восьмой турбины, и начался выбег ротора генератора. Одновременно была нажата и кнопка МПА (максимальной проектной аварии). Таким образом, оба турбоагрегата - седьмой и восьмой - были отключены. Аварийная защита реактора была заблокирована, чтобы иметь возможность повторить испытания, если первая попытка окажется неудачной. Тем самым было сделано еще одно отступление от программы, но весь парадокс заключался в том, что если бы действия операторов были в данном случае правильными, а блокировка не выведена, то по отключении второй турбины сработала бы аварийная защита и взрыв настиг бы нас на полторы минуты раньше...

В этот же момент, то есть в 1 час 23 минуты 04 секунды, началось запаривание главных циркуляционных насосов, отчего уменьшился расход воды через активную зону. В технологических каналах реактора вскипел теплоноситель. Процесс развивался вначале медленно. Кто знает, может быть, рост мощности и в дальнейшем оказался бы плавным, кто знает...

Старший инженер управления реактором Леонид Топтунов первым забил тревогу. "Надо бросать аварийную защиту, Александр Федорович, разгоняемся", - сказал он Акимову. Акимов быстро посмотрел распечатку вычислительной машины. Процесс развивался медленно. Да, медленно... Акимов колебался. Был, правда, и другой сигнал: восемнадцать стержней вместо двадцати восьми, но... Начальник смены блока испытывал сложные чувства. Ведь он не хотел подниматься после падения мощности до 30 МВт. Не хотел... До ощущения тошноты, до слабости в ногах не хотел. Не сумел, правда, противостоять Дятлову. Характера не хватило. Скрепя сердце подчинился. А когда подчинился, пришла уверенность. Поднял мощность реактора из нерегламентного состояния и все это время ждал достаточно серьезной новой причины для нажатия кнопки аварийной защиты. Теперь, похоже, такое время настало. "Бросаю

аварийную защиту!" - крикнул Акимов и протянул руку к красной кнопке.

В 1 час 23 минуты 40 секунд начальник смены блока Александр Акимов нажал кнопку аварийной защиты, по сигналу которой в активную зону вошли все регулирующие стержни, находившиеся сверху, а также стержни собственно аварийной защиты. Но прежде всего в зону вошли те роковые концевые участки стержней, которые дают приращение реактивности в половину беты. И они вошли в реактор как раз в тот момент, когда там началось обширное парообразование. Тот же эффект дал рост температуры активной зоны. Сошлись воедино три неблагоприятных для активной зоны фактора. Эти проклятые 0,5 В и были той последней каплей, которая переполнила чашу терпения реактора.

Вот тут-то Акимову и Топтунову надо было бы повременить, не нажимать кнопку, тут-то ой как пригодилась бы система аварийного охлаждения реактора, которая была отключена, закрыта на цепь и опломбирована, тут бы надо было им срочно заняться главными циркуляционными насосами, подать во всасывающую линию холодную воду, сбить кавитацию, прекратить запаривание и тем самым подать воду в реактор и уменьшить парообразование, а стало быть, высвобождение избыточной реактивности. Тут бы им обеспечить включение дизель-генераторов и рабочего трансформатора, чтобы подать электропитание на электродвигатели ответственных потребителей, но увы!.. Такая команда перед нажатием кнопки дана не была. Была нажата кнопка, и начался разгон реактора на мгновенных нейтронах...

Стержни пошли вниз, однако почти сразу же остановились. Вслед за тем со стороны центрального зала донеслись удары. Леонид Топтунов растерянно топтался на месте. Начальник смены блока Александр Акимов, увидев, что стержни-поглотители прошли всего лишь два - два с половиной метра вместо положенных семи, рванулся к пульту оператора и обесточил муфты сервоприводов, чтобы стержни упали в активную зону под действием собственной тяжести. Но этого не произошло. Видимо, каналы реактора деформировались, и стержни заклинило...

Потом реактор будет разрушен. Значительную часть топлива, реакторного графита и других внутриреакторных конструкций взрывом выбросит наружу. Но на сельсинах-указателях положения стержней-поглотителей блочного щита управления четвертого блока, как на знаменитых часах в Хиросиме, стрелки навечно застынут в промежуточном положении, показывая глубину погружения два - два с половиной метра вместо положенных семи, и в таком положении будут захоронены в укрытие...

Время - 1 час 23 минуты 40 секунд... В момент нажатия кнопки АЗ-5 (аварийная защита пятого рода) пугающе вспыхнула яркая подсветка шкал сельсинов-указателей. Даже у самых опытных и хладнокровных операторов в такие секунды сжимается сердце. В недрах активной зоны началось уже разрушение реактора, но это еще не взрыв. До времени икс оставалось двадцать секунд...

На блочном щите управления четвертого энергоблока в это время находились, напомним, начальник смены блока Александр Акимов, старший инженер управления реактором Леонид Топтунов, заместитель главного инженера по эксплуатации Анатолий Дятлов, старший инженер управления блоком Борис Столярчук, старший инженер управления турбиной Игорь Кершенбаум, заместитель начальника турбинного цеха блока № 4 Разим Давлетбаев, начальник лаборатории чернобыльского пуска наладочного предприятия Петр Паламарчук, начальник смены блока Юрий Трегуб сдавший смену Акимову, старший инженер управления турбиной из предыдущей смены Сергей Газин, стажеры СИУРа из других смен Виктор Проскуряков и Александр Кудрявцев, а также представитель Донтехэнерго Геннадий Метленко и два его помощника, находившиеся в соседних помещениях.

Что испытывали Акимов и Топтунов, операторы атомного технологического процесса, в момент, когда на полпути застряли поглощающие стержни и раздались первые грозные удары со стороны центрального зала? Трудно сказать, потому что оба оператора погибли мучительной смертью от радиации, не оставив на этот счет никаких свидетельств. Но представить, что испытывали они, можно. Мне знакомо чувство, переживаемое операторами в первый момент аварии.

Неоднократно бывал в их шкуре, когда работал на эксплуатации атомных станций. В первый миг - онемение, в груди все обрушивается лавиной, обдает холодной волной невольного страха прежде всего оттого, что застигнут врасплох и вначале не знаешь, что делать, пока стрелки самописцев и показывающих приборов разбегаются в разные стороны, а твои глаза враздрай вслед за ними, когда неясна еще причина и закономерность аварийного режима, когда одновременно (опять же невольно) думается где-то в глубине, третьим планом, об ответственности и последствиях случившегося. Но уже в следующее мгновение наступает необычайная ясность головы и хладнокровие. Следствие - быстрые и точные действия по локализации аварии...

Топтунов, Дятлов, Акимов, Столярчук - в замешательстве. Кершенбаум, Метленко, Давлетбаев ничего не понимают в ядерной физике, но тревога операторов передалась им тоже.

Поглощающие стержни остановились на полпути, не идут вниз даже после того, как начальник смены блока Акимов обесточил муфты сервоприводов. Со стороны центрального зала слышны резкие удары, пол дрожит. Но это еще не взрыв...

Время - 1 час 23 минуты 40 секунд... Покинем на эти оставшиеся до взрыва двадцать секунд блочный щит управления четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС...

В этот самый момент в центральный зал четвертого энергоблока на отметку плюс пятьдесят (балкон в районе узла развески свежего топлива) вошел начальник смены реакторного цеха из вахты Акимова Валерий Иванович Перевозченко. Он посмотрел на перегрузочную машину, застывшую у противоположной стены, на дверь, за которой в небольшом помещении находились операторы центрального зала Кургуз и Генрих, на пол центрального зала, осмотрел бассейны выдержки топлива, битком набитые выгруженным отработавшим топливом, на пятачок реактора...

Пятачок - так называется круг пятнадцатиметрового диаметра, состоящий из двух тысяч кубиков. Эти кубики в совокупности представляют собой верхнюю биологическую защиту реактора. Каждый из таких кубиков весом триста пятьдесят килограммов насаживается в виде шапки на головку технологического канала, в

котором находится топливная кассета. Вокруг пяточка – нержавеющий пол, образованный коробами биозащиты, под ними – помещения пароводяных трубопроводов от реактора к барабанам-сепараторам.

И вдруг Перевозченко вздрогнул. Начались сильные и частые гидроудары, и трехсотпятидесятикилограммовые кубики – у них еще есть проектное название "сборка одиннадцать" – стали подпрыгивать и опускаться на головки каналов, будто тысяча семьсот человек стали подбрасывать вверх свои шапки. Вся поверхность пяточка ожила, заходила ходуном в дикой пляске. Вздрагивали и прогибались короба биозащиты вокруг реактора. Это означало, что хлопки гремучей смеси уже происходили под ними...

Обдирая руки и больно ударяясь об углы поручней, Перевозченко бросился по крутой, почти вертикальной винтовой лестнице вниз, на отметку плюс десять, в переходной коридор, соединяющий помещения главных циркуляционных насосов. Фактически он провалился, чуть притормаживая себя на лету, в яму глубиной сорок метров. С гулко бьющимся сердцем, с паническим чувством, сознавая, что происходит что-то ужасное, непоправимое, на слабеющих от невольного страха ногах он побежал влево, к выходу на деаэрационную этажерку, где за спасительным поворотом в двадцати метрах от двери начинался стометровый коридор, посередине которого был вход в помещение блочного щита управления четвертого энергоблока. Он спешил туда, чтобы доложить Акимову о происходящем в центральном зале.

В то мгновение, когда Перевозченко выскочил в соединительный коридор, в дальнем конце помещения главных циркуляционных насосов находился машинист Валерий Ходемчук. Он следил за поведением насосов. Насосы сильно трясло, и Ходемчук собирался сообщить об этом Акимову, но тут грохнул взрыв.

На отметке плюс двадцать четыре, в помещении, расположенном под питательным узлом реактора, дежурил с приборами наладчик из чернобыльского пусконаладочного предприятия Владимир Шашенок. Он снимал показания приборов в режиме выбега и поддерживал телефонную связь с блочным щитом управления и с вычислительным комплексом "Скала".

Что же происходило в реакторе? Чтобы это понять, надо вернуться

немного назад и проследить цепочку действий операторов.

В 1 час 23 минуты параметры реактора были наиболее близки к стабильным. За минуту до этого старший инженер управления блоком Борис Столярчук резко снизил расход питательной воды на барабаны-сепараторы, что, естественно, повлекло увеличение температуры воды на входе в реактор.

После того как был закрыт стопорно-регулирующий клапан и отключен турбогенератор № 8, начался выбег ротора. Из-за уменьшения расхода пара из барабанов-сепараторов его давление стало слабо расти, со скоростью 0,5 атмосферы в секунду. Суммарный расход через реактор начал падать из-за того, что все восемь главных циркуляционных насосов работали от выбегающего турбогенератора. Их тряску и наблюдал Валерий Ходемчук (не хватало энергии, мощность насосов падала пропорционально снижению оборотов генератора, соответственно падала и подача воды в реактор).

Повышение давления пара, с одной стороны, и снижение расхода воды через реактор, а также подачи питательной воды в барабаны-сепараторы - с другой, явились конкурирующими факторами, определившими паросодержание в активной зоне, а следовательно, мощность реактора.

Напомню, паровой коэффициент реактивности (от 2 до 4 В) – наиболее весомый в уран-графитовых реакторах. Эффективность аварийной защиты оказалась существенно сниженной. В свою очередь суммарная положительная реактивность в активной зоне в результате резкого снижения расхода охлаждающей воды через реактор начала расти. То есть рост температуры вел, с одной стороны, к росту парообразования, с другой - к стремительному росту температурного и парового эффектов. Это и послужило толчком к нажатию кнопки аварийной защиты. Но, об этом мы тоже говорили, с нажатием кнопки АЗ была введена дополнительная реактивность 0,5 В. Через три секунды после нажатия кнопки мощность реактора превысила 530 МВт, а период разгона стал намного меньше двадцати секунд.

С ростом мощности реактора гидравлическое сопротивление активной зоны резко возросло, расход воды еще более снизился, возникло интенсивное парообразование, кризис теплоотдачи, разрушение

топливных ядерных кассет, бурное вскипание теплоносителя, в который попали уже частицы разрушенного топлива, резко повысилось давление в технологических каналах, и они стали разрушаться. С резким ростом давления в реакторе захлопнулись обратные клапаны главных циркуляционных насосов и полностью прекратилась подача воды через активную зону. Парообразование усилилось. Давление росло со скоростью 15 атмосфер в секунду.

Момент начала массового разрушения технологических каналов и наблюдал начальник смены реакторного цеха Перевозченко в 1 ч а с 23минуты 40 секунд. Затем в последние двадцать секунд до взрыва, когда Перевозченко стремглав летел с пятидесятиметровой высоты вниз, на отметку плюс десять, в активной зоне происходила бурная пароциркониевая и другие химические и экзотермические реакции с образованием водорода и кислорода, то есть гремучей смеси.

В это время произошел мощный паровой выброс - сработали главные предохранительные клапаны реактора. Однако выброс длился недолго, клапаны не способны были справиться с таким давлением и расходом и разрушились. В это же время огромным давлением оторвало нижние водяные и верхние пароводяные коммуникации (трубопроводы). Реактор сверху получил свободное сообщение с центральным залом и помещениями барабанов-сепараторов, а снизу с прочноплотным боксом, который проектировщиками предусматривался для локализации предельной ядерной аварии. Но той аварии, какая случилась, никто не предполагал, и потому прочноплотный бокс послужил в данном случае просто огромной емкостью, в которой стал скапливаться гремучий газ.

В 1 час 23 минуты 58 секунд концентрация водорода в гремучей смеси в разных помещениях блока достигла взрывоопасной, и, по свидетельству одних очевидцев, раздалось последовательно два, а по свидетельству других - три и более взрыва. По сути дела, реактор и здание четвертого энергоблока были разрушены серией мощных взрывов гремучей смеси.

Взрывы раздались как раз в тот момент, когда машинист Валерий Ходемчук находился в дальнем конце помещения главных циркуляционных насосов, а начальник смены реакторного цеха

Перевозченко бежал по коридору деаэрационной этажерки в сторону блочного щита управления... Над четвертым энергоблоком взлетели горящие куски, искры, пламя. Это были раскаленные куски ядерного топлива и графита, которые частично упали на крышу машинного зала и вызвали ее загорание, поскольку кровля имела битумное покрытие. Чтобы понять, сколько было выброшено взрывом радиоактивных веществ в атмосферу и на территорию станции, надо представить характеристику нейтронного поля за минуту двадцать восемь секунд до взрыва. В 1 час 22 минуты 30 секунд на вычислительной системе "Скала" была получена распечатка фактических полей энерговыделений и положений всех поглощающих стержней регулирования. (Тут надо заметить, что машина считает в течение семи - десяти минут, стало быть, она показала состояние аппарата примерно за десять минут до взрыва.) Нейтронное поле на момент расчета было по диаметру активной зоны выпуклым, а по высоте в среднем - двугорбым с более высоким энерговыделением в верхней части активной зоны.

Таким образом, если верить машине, в верхней трети активной зоны образовался как бы приплюснутый шар области высокого энерговыделения диаметром около семи метров и высотой до трех метров. Именно в этой части активной зоны (ее вес около пятидесяти тонн) и происходил прежде всего разгон на мгновенных нейтронах, именно здесь произошел кризис теплоотдачи, произошло разрушение, расплавление, а затем и испарение ядерного топлива. Именно эту часть активной зоны выбросило взрывом гремучей смеси в атмосферу на большую высоту и унесло ветром в северо-западном направлении, через Белоруссию и республики Прибалтики за пределы границ СССР. То, что радиоактивное облако передвигалось на высоте от одного до одиннадцати километров, косвенно подтверждается свидетельством техника аэродромного обслуживания аэропорта Шереметьево Антонова, который рассказал, что прибывавшие самолеты (известно, что современные реактивные лайнеры летают на высоте до тринадцати километров) подвергали дезактивации в течение недели после взрыва в Чернобыле...

Таким образом, около пятидесяти тонн ядерного топлива испарилось и

было выброшено взрывом в атмосферу в виде мелкодисперсных частичек двуокиси урана, высокорadioактивных радионуклидов йода-131, плутония-239, непуния-139, цезия-137, стронция-90 и многих других радиоактивных изотопов с различными периодами полураспада. Еще около семидесяти тонн топлива было выброшено с периферийных участков активной зоны боковыми лучами взрыва в завал со строительными конструкциями, на крышу деаэрационной этажерки и машинного зала четвертого энергоблока, а также на околостанционную территорию. Часть топлива оказалась заброшенной на оборудование, трансформаторы подстанции, шинопроводы, крышу центрального зала третьего энергоблока, вентиляционную трубу АЭС. Следует подчеркнуть, что активность выброшенного топлива достигала 15 - 20 тысяч рентген в час и вокруг аварийного энергоблока сразу же образовалось мощное радиационное поле, практически равное активности выброшенного топлива (активности ядерного взрыва). С удалением от завала активность спадала пропорционально квадрату расстояния.

Тут же надо отметить, что испарившаяся часть топлива образовала мощный атмосферный резервуар высокорadioактивных аэрозолей, особенно плотный и интенсивно излучающий в районе аварийного энергоблока да и всей АЭС. Резервуар этот, быстро наполняясь, разрастался в радиальном направлении, а разносимый меняющимся ветром, обретал форму огромного зловещего радиоактивного цветка.

Примерно пятьдесят тонн ядерного топлива и около восьмисот тонн реакторного графита (всего загрузка графита составляет тысячу семьсот тонн) остались в шахте реактора, образовав воронку, напоминающую кратер вулкана. (Оставшийся в реакторе графит в последующие дни полностью выгорел.) Частично ядерная труха через образовавшиеся дыры просыпалась вниз, в подреакторное пространство, на пол, ведь нижние водяные коммуникации были оторваны взрывом...

Чтобы весомо оценить масштабы радиоактивного выброса, вспомним, что атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, весила четыре с половиной тонны, то есть вес радиоактивных веществ, образовавшихся при взрыве, составил четыре с половиной тонны.

Реактор же четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС вышвырнул в атмосферу пятьдесят тонн испарившегося топлива, создав колоссальный атмосферный резервуар долгоживущих радионуклидов (то есть десять хиросимских бомб без первичных факторов поражения плюс семьдесят тонн топлива и около семисот тонн радиоактивного реакторного графита, осевшего в районе аварийного энергоблока).

Подводя предварительные итоги, скажем, что активность в районе аварийного энергоблока составляла от 1000 до 15 тысяч рентген в час. Правда, были места в удалении и за укрытиями, где активность была значительно ниже. Зампред Совета Министров СССР Б.Е.Щербина, председатель Госкомгидромета СССР Ю.А.Израэль и его заместитель Ю.С.Седунов на пресс-конференции 6 мая 1986 года в Москве заявили о том, что радиоактивность в районе аварийного энергоблока Чернобыльской АЭС составляет всего лишь 15 миллирентген в час, то есть 0,015 рентгена в час. Думаю, такая, мягко говоря, неточность непростительна. Достаточно сказать, что только в городе Припяти радиоактивность на улицах весь день 26 апреля и несколько последующих дней составляла от 0,5 до 1 рентгена в час повсеместно, и своевременная правдивая информация и организационные меры уберегли бы десятки тысяч людей от переоблучения, но... Но вернемся несколько назад.

Тут важны последовательность, количество и места взрывов гремучей смеси, разрушившей атомный реактор и здание четвертого энергоблока.

После разрушения технологических каналов и отрыва от них пароводяных и водяных коммуникаций пар, насыщенный испарившимся топливом, вместе с продуктами радиолиза и пароциркониевой реакции (водород плюс кислород) поступил в центральный зал, в помещения барабанов-сепараторов справа и слева, в подаппаратные помещения прочноплотного бокса. С обрывом нижних водяных коммуникаций, через которые в активную зону подавалась охлаждающая вода, атомный реактор был полностью обезвожен. К сожалению, как мы увидим позже, операторы не поняли этого или не захотели в это поверить, что вызвало целую цепь неправильных действий, переоблучения и смерти, которые можно

было бы избежать.

Итак - взрывы... Как я уже говорил, они произошли вначале в технологических каналах реактора, когда непомерно возросшее давление стало их разрушать. Та же участь постигла нижние и верхние коммуникации реактора. Ведь давление, как мы помним, росло почти со взрывной скоростью 15 атмосфер в секунду - и очень быстро достигло 250 - 300 атмосфер. Рабочие конструкции технологических каналов и трубопроводных коммуникаций рассчитаны максимум на 150 атмосфер (оптимальное давление в каналах реактора - 83 атмосферы).

Разорвав каналы и попав в реакторное пространство, рассчитанное на давление 0,8 атмосферы, пар надул его, и прежде всего произошел паровой взрыв металлоконструкций. Имеющийся паро-сбросный трубопровод из реакторного пространства рассчитан на разрушение только одного-двух технологических каналов, а тут разрушились все. Приведу фрагмент записи из журнала, сделанной одним из пожарников в 6-й клинике Москвы: "Во время взрыва находился возле диспетчерской, на посту дневального. Вдруг послышался сильный выброс пара. Мы этому не придали значения, потому что выбросы пара происходили неоднократно за мое время работы (имеется в виду срабатывание предохранительных клапанов в процессе нормальной работы АЭС. - Г. М.). Я собирался уходить отдыхать, и в это время - взрыв. Я бросился к окну, за взрывом мгновенно последовали следующие взрывы..."

Итак-"...сильный выброс пара... взрыв... за взрывом мгновенно последовали следующие взрывы...". Сколько же было взрывов? По свидетельству пожарника, как минимум три. Или больше.

Где могли произойти взрывы? Шум от сильного выброса пара - это сработали предохранительные клапаны реактора, но тут же разрушились. Далее рвались трубопроводы пароводяных и водяных коммуникаций. Возможно, и трубопроводы контура циркуляции в прочноплотном боксе. Следовательно, водород с паром поступил прежде всего в помещения пароводяных коммуникаций, возникли первые мелкие удары гремучей смеси, которые наблюдал начальник смены реакторного цеха В. Перевозченко в 1 час 23 минуты 40 секунд.

Водород с паром поступил также в помещения барабанов-сепараторов справа и слева, в центральный зал, в прочноплотный бокс. Всего 4,2 процента водорода в объеме помещения достаточно, чтобы началась взрывная реакция гидролиза, в результате которой образуется всего-навсего обыкновенная вода.

Итак, взрывы должны были прозвучать справа и слева в шахтах опускных трубопроводов прочноплотного бокса, справа и слева в помещениях барабанов-сепараторов, в парораспределительном коридоре под самим реактором. В результате этой серии взрывов разрушило помещения барабанов-сепараторов, сами барабаны-сепараторы весом сто тридцать тонн каждый сдвинуло с мертвых опор и оторвало от трубопроводов. Взрывы в шахтах опускных трубопроводов разрушили помещения главных циркуляционных насосов справа и слева. В одном из них нашел свою могилу Валерий Ходемчук.

Затем должен был последовать большой взрыв в центральном зале. Этим взрывом снесло железобетонный шатер, пятидесятитонный кран и двухсотпятидесятитонную перегрузочную машину вместе с мостовым краном, на котором она смонтирована. Взрыв в центральном зале был как бы запалом для атомного реактора, который был откупорен и в котором было полно водорода. Возможно, оба взрыва - в центральном зале и в реакторе - произошли одновременно. Во всяком случае произошел самый страшный, и последний, взрыв гремучей смеси в активной зоне, которая была разрушена внутренними разрывами технологических каналов, частью расплавлена, частью доведена до газообразного состояния. Этот последний взрыв, выбросивший огромное количество активности и раскаленных кусков ядерного топлива, частью упавшего на крышу машинного зала и деаэрационной этажерки, и вызвал пожар кровли.

Вот продолжение записи пожарника из журнала 6-й клиники Москвы: "Я увидел черный огненный шар, который взвился над крышей машинного отделения четвертого энергоблока..." Или другая запись: "В центральном зале (отметка плюс 35,6 пол, самого центрального зала не существовало. - Г. М.) просматривалось не то зарево, не то свечение. Но там кроме пятка реактора гореть нечему. Совместно

решили, что это свечение исходит от реактора..." Эту картину пожарники наблюдали уже с крыши деаэрационной этажерки и с крыши блока спецхимии (отметка плюс семьдесят один метр), куда они взбирались, чтобы сверху оценить ситуацию.

Взрывом в реакторе подбросило и развернуло в воздухе плиту верхней биозащиты весом пятьсот тонн. В развернутом, слегка наклонном положении она вновь рухнула на аппарат, оставив приоткрытой активную зону справа и слева. Один из пожарников поднялся на отметку пола центрального зала (плюс 35,6) и заглянул в реактор. Из жерла "вулкана" исходило излучение около 30 тысяч рентген в час плюс мощное нейтронное излучение. Однако молодые пожарники хотя и догадывались, но до конца не представляли степени грозящей им радиационной опасности. От топлива и графита, по которым они ходили длительное время на крыше машзала, тоже светило до 20 тысяч рентген в час.

Но оставим на время пожарников, которые вели себя поистине как герои. Они гасили видимое пламя и победили его. Но их сжигало, и многих сожгло, пламя невидимое, пламя нейтронного и гамма-излучений, которые водой не загасишь...

Их было немного, тех, кто видел взрывы и начало катастрофы со стороны, но на близком расстоянии. Свидетельства их очень важны. В момент взрыва в управлении Гидроэлектромонтаж, которое располагалось в трехстах метрах от четвертого энергоблока, дежурил сторож Даниил Терентьевич Мируженко, сорока шести лет от роду. Услышав первые взрывы, подбежал к окну. В это время раздался последний страшный взрыв, мощный удар, похожий на звук во время преодоления звукового барьера реактивным истребителем, яркая световая вспышка озарила помещение. Вздогнули стены, задребезжали и во многих местах повылетали стекла, тряхнуло пол под ногами. Это взорвался атомный реактор. В ночное небо взлетели столб пламени, искры, раскаленные куски чего-то. В огне взрыва кувыркались обломки бетонных и металлических конструкций.

"Що ж воно так бухає?" - в растерянности, со страхом и тревогой подумал сторож, ощутив подпрыгивающее сердце в груди и какую-то сразу сжатость и сухость во всем теле, будто он вмиг похудел.

Большой клубящийся черно-огненный шар стал подниматься в небеса, сносимый ветром. Потом сразу же за главным взрывом начался пожар кровли машинного зала и деаэрационной этажерки. Стало видно, как с крыши полился расплавленный битум. "Вжэ горыть... Бис его.. Вжэ горыть..." - не успев опомниться от взрывов и ощутимых сотрясений пола под ногами, прошептал сторож. Проехали к блоку первые пожарные расчеты от поездепо промплощадки, из окна дежурки которого пожарники видели картину начала катастрофы. Это были машины из караула лейтенанта Владимира Правика.

Мируженко бросился к телефону и позвонил в управление строительства Чернобыльской АЭС, но никто не ответил. Часы показывали половину второго ночи. Дежурный отсутствовал или спал. Тогда сторож позвонил начальнику Гидроэлектромонтажа Ю.Н.Выпирайло, но того также не оказалось дома. Видимо, был на рыбалке. Мируженко стал дожидаться утра, рабочего места не покинул.

В это же время с противоположной стороны от атомной станции, ближе к городу Припяти и железнодорожной ветке Москва-Хмельницкий, на расстоянии четырехсот метров от четвертого энергоблока оператор бетоносмесительного узла комбината строительных конструкций Чернобыльской АЭС Ирина Петровна Цечельская, находясь на смене, также услышала взрывы - четыре удара, но осталась работать до утра. Ведь ее бетоносмесительный узел обеспечивал бетоном изготовление конструкций для строящегося пятого энергоблока, на котором в ночь с 25 на 26 апреля работало около двухсот семидесяти человек и от которого напрямую до четвертого блока было тысяча двести метров. Радиационный фон там составлял 1-2 рентгена в час, но воздух тут и всюду уже был густо насыщен коротко- и долгоживущими радионуклидами, графитовым пеплом, радиоактивность которых была очень высока и которыми дышали все эти люди.

Когда грохнули взрывы, вспоминает Цечельская, невольно подумалось: преодоление звукового барьера... Взрыв котла в ПРК (пуско-резервной котельной)... А может, рвануло водород в ресиверах? На ум приходило уже известное из прошлого опыта. Но

котельная мирно стояла на месте, там шел плановый ремонт оборудования (на улице теплынь)... Звука летящего самолета не было слышно, как это обычно бывает после звукового скачка. В ста метрах ближе к городу Припяти прогремел тяжелый товарный состав, и все стихло. Потом стал слышен плеск, треск и клекот бушующего пламени над крышей машзала четвертого блока. Это горели керамзит и битум кровли, подожженные ядерным запалом. "Потушат!" - уверенно решила Цечельская, продолжая работу.

На бетоносмесительном узле, где находилась оператор Цечельская, радиационный фон составлял 10-15 рентген в час.

Наиболее неблагоприятной была радиационная обстановка в северо-западном направлении от четвертого энергоблока, в сторону железнодорожной станции Янов, переходного путепровода через железную дорогу от города Припяти до автомобильного шоссе Чернобыль - Киев. Туда прошло радиоактивное облако после взрыва реактора. На пути облака лежала и база Гидроэлектромонтажа, из окна которой сторож Мируженко наблюдал взрывы и развитие событий на крыше машинного зала. Облако прошло над молодым сосновым лесом, отсекающим город от промплощадки, обильно посыпав его ядерным пеплом. И станет он к осени и навсегда уже рыжим лесом, смертельно опасным для всего живого. Радиационный фон снаружи, в районе базы Гидроэлектромонтажа, составлял около 30 рентген в час.

Кто еще мог видеть взрыв реактора четвертого энергоблока в ту роковую ночь 26 апреля 1986 года? Рыбаки - они практически дено и ночно как бы сменяли друг друга у места впадения отводящего канала в пруд-охладитель, каждый рыбачил в свободное от вахты время. Вода после работающих турбин и теплообменного оборудования всегда теплая, и тут хорошо клюет. К тому же весна, нерест, клев и вовсе отменный.

Расстояние от места рыбалки до четвертого блока около двух километров. Радиационный фон достигал здесь полрентгена в час. Услышав взрывы и увидев пожар, многие остались рыбачить до утра, иные, ощутив непонятную тревогу, внезапную сухость в горле и жжение в глазах, вернулись в Припять. Пушечные удары при

срабатывании предохранительных клапанов, похожие на взрывы, приучили людей не обращать на подобные шумы внимания, а пожар... Потушат. Велика невидаль!

В момент взрыва в двухстах сорока метрах от четвертого блока, как раз напротив машинного зала, сидели два рыбака на берегу подводящего канала и ловили мальков. Всякий серьезный рыбак о судаке мечтает. А без малька на судака лучше не ходить, пустое дело. А он весной особенно норовит поближе к блоку, аккурат к насосной станции, и гуляет здесь и кишит. Один из рыбаков - человек без определенных занятий по фамилии Пустовойт. Второй - командированный, наладчик из Харькова Протасов. Очень ему понравились здешние места, хмельной воздух, отличная рыбалка. Подумал даже: "Перебраться бы сюда на постоянное жительство! Если удастся, конечно. Столичная область, лимит на прописку, так просто не устроишься". Хорошо ловился малек, и настроение было хорошее. Теплая звездная украинская ночь. И не поверишь, что апрель, больше на июль смахивает. Четвертый энергоблок, белоснежный красавец, перед глазами. И приятно удивляет душу вот это неожиданное сочетание великолепной, ослепляющей атомной мощи и нежных плещущихся рыбок в садке.

Они услышали вначале два глухих, словно подземных, взрыва внутри блока. Ощутимо тряхнуло почву, последовал мощный паровой взрыв, и только потом, с ослепляющим выбросом пламени, взрыв реактора с фейерверком из кусков раскаленного топлива и графита. В разные стороны летели, кувыркаясь в воздухе, куски железобетона и стальных балок. Ядерным светом фигуры рыбаков выхватило из ночи, но они не догадывались об этом. Ну что-то там рвануло. Бочка с бензином, что ли... Оба продолжали ловить мальков, не подозревая, что сами они, как мальки, попали в мощные тенета ядерной катастрофы. Ловили и ловили мальков, с любопытством наблюдая за разворотом событий. У них на глазах развернули свои пожарные расчеты Правик и Кибенок, люди бесстрашно взбирались на тридцатиметровую высоту и бросались в огонь.

"Глянь! Видал? Один пожарник аж на блок "В" залез! (Плюс семьдесят один метр над землей.-Г. М.). Каску снял! От дает! Герой! Жарко,

видать". Рыбаки схватили по 400 рентген каждый, ближе к утру стало неудержимо тошнить, очень плохо стало обоим. Жаром, огнем будто обжигало внутри грудь, резало веки, голова дурная, как после дикой похмельюги. И рвота, непрерывная, изматывающая. За ночь они загорели до черноты, будто в Сочи месяц на солнце жарились. Это и есть ядерный загар. Но они об этом еще понятия не имели. Заметили, тут уже рассвело, и ребята с крыши сползают вроде одурелые, и тоже выворачивает их. Будто легче при этом стало, вроде как за компанию. Так и добрались до медсанчасти, а потом и в московскую клинику попали...

Даже утром 26 апреля к месту рыбалки продолжали подъезжать все новые и новые рыбаки. Это говорит о многом: о беспечности и безграмотности людей, о давней привычке к аварийным ситуациям, которые многие годы, оставаясь вне гласности, сходили с рук. Но к рыбакам вернемся позднее, утром, когда солнышко поднимется в ядерные небеса...

Вот свидетельство еще одного очевидца - бывшего начальника отдела оборудования монтажного управления Южатоэнергомонтаж Г. Н. Петрова: "Из Минска на своей машине я выехал в сторону города Припяти через Мозырь 25 апреля 1986 года. В Минске проводил сына в армию для прохождения службы в ГДР. Младший сын, студент, был в стройотряде на юге Белоруссии. К вечеру 26 апреля он тоже пытался пробраться в Припять, но уже стояли кордоны, и его не пустили.

К городу Припяти я подъезжал где-то около двух часов тридцати минут ночи с северо-запада, со стороны Шипеличей. Уже возле станции Янов увидел огонь над четвертым энергоблоком. Четко видна была освещенная пламенем вентиляционная труба с поперечными красными полосами. Хорошо помню, что пламя было выше трубы. То есть достигало высоты около ста семидесяти метров над землей. Я не стал заворачивать домой, а решил подъехать поближе к четвертому энергоблоку, чтобы лучше рассмотреть. Подъехал со стороны управления строительства и остановился метрах в ста от торца аварийного блока. Увидел в ближнем свете пожара, что здание полуразрушено, нет центрального зала, сепараторных помещений, красновато поблескивают сдвинутые со своих мест барабаны-

сепараторы. Аж сердцу больно стало от такой картины. Потом рассмотрел завал и разрушенное гцээнновское помещение. Возле блока стояли пожарные машины. Проехала к городу "скорая" с включенной мигалкой... (Прерывая рассказ Петрова, скажу, что в том месте, где он остановил машину, радиационный фон достигал 800-1500 рентген в час, главным образом от разбросанного взрывом графита, топлива и летящего радиоактивного облака. - Г. М.) Постоял с минуту, было гнетущее ощущение непонятной тревоги, онемение, глаза впитывали все и запоминали навсегда. А тревога все шла в душу, и появился невольный страх. Ощущение невидимой близкой угрозы. Пахло как после сильного разряда молнии, еще терпким дымом, стало жечь глаза, сушить горло. Душил кашель. А я еще, чтобы лучше рассмотреть, приопустил стекла. Была ведь теплая весенняя ночь. Я хорошо видел, что горит кровля машзала и деаэрационной этажерки, видел фигурки пожарников, мелькавшие в клубах пламени и дыма, протянутые вверх от пожарных машин вздрагивающие шланги. Один пожарник взобрался аж на крышу блока "В", на отметку плюс семьдесят, видимо, наблюдал за реактором и координировал действия товарищей на кровле машзала. Они находились на тридцать метров ниже его... Теперь, спустя время, мне понятно, что он поднялся тогда на недостижимую высоту первый во всем человечестве. Даже в Хиросиме люди не были так близко от ядерного взрыва, бомба там взорвалась на высоте семьсот метров. А здесь - совсем рядом, вплотную к взрыву... Ведь под ним был кратер ядерного вулкана и 30 тысяч рентген в час... Но тогда я этого не знал. Я развернул машину и поехал к себе домой, в 5-й микрорайон города Припяти. Когда вошел в дом, мои спали, было около трех часов ночи. Они проснулись и сказали, что слышали взрывы, но не знают, что это такое. Вскоре прибежала возбужденная соседка, муж которой уже был на блоке. Она сообщила нам об аварии и предложила распить бутылку водки для дезактивации организма. Бутылку дружно, с шутками распили и легли спать..."

Тут уместно напомнить читателю, что на многих пресс-конференциях говорилось, что непосредственно перед взрывом реактор был надежно заглушен, стержни были введены в активную зону. Однако, как уже

говорилось, эффективность аварийной защиты из-за грубых нарушений технологического регламента была сведена практически к нулю. Поглощающие стержни после нажатия кнопки АЗ вошли, как было уже сказано, в активную зону всего на два с половиной метра вместо положенных семи и не заглушили реакцию, а, наоборот, способствовали разгону на мгновенных нейтронах. Об этой грубейшей ошибке конструкторов аппарата, в конечном счете послужившей главной причиной ядерной катастрофы, не было сообщено ни на одной пресс-конференции.

Итак, активная зона разрушилась.

Вернемся на блочный щит управления четвертого энергоблока. 1 час 23 минуты 58 секунд. СИУР Леонид Топтунов и начальник смены блока Акимов находились возле левой реакторной части пульта операторов. Рядом с ними начальник смены блока из предыдущей вахты Трегуб и два молодых стажера, недавно только сдавшие экзамены на СИУРа. Они вышли в ночь, чтобы посмотреть, как будет работать их дружок Леня Топтунов, и подучиться. Это были Александр Кудрявцев и Виктор Проскуряков. После нажатия кнопки АЗ загорелись лампы подсветки шкал сельсинов, и создавалось впечатление, что они раскалились докрасна. Акимов бросился к ключу обесточивания сервоприводов, нажал его, но стержни вниз не пошли и уже навечно застряли в промежуточном положении.

"Ничего не понимаю!" - смятенно выкрикнул Акимов.

Топтунов тоже с выражением недоумения на побледневшем лице поочередно нажимал кнопки вызова расхода воды... Загорелось МТК (мнемотабло каналов) - расходы на нуле, что означало: реактор без воды, превышен запас до кризиса теплоотдачи... Грохот со стороны центрального зала говорил о том, что произошел кризис теплоотдачи и каналы взрываются.

"Ничего не понимаю! Что за чертовщина?! Мы все правильно делали..." - снова выкрикивает Акимов.

К левой, реакторной, части пульта подошел высокий, бледный, с гладко зачесанной назад седой шевелюрой заместитель главного инженера Анатолий Дятлов. На лице стереотипное недоумение: "Все правильно делали... Не может быть... Мы все..."

У пульта "П" - в центральной части помещения БЩУ, откуда производилось управление питательно-деаэраторной установкой, - находился старший инженер управления блоком Борис Столярчук. Он производил переключения на деаэраторно-питательных линиях станции, регулировал подачу питательной воды в барабаны-сепараторы. Он тоже был растерян и тоже убежден в полной правильности своих действий. Били по нервам резкие удары, доносившиеся из утробы здания блока, возникало желание что-то делать, чтобы прекратить этот угрожающий грохот. Но он не знал, что делать, ибо природу происходящего не понимал.

У пульта "Т" управления турбоагрегатами (правая часть пульта операторов) находились старший инженер управления турбинами Игорь Кершенбаум и сдавший ему смену и оставшийся посмотреть, как все будет, Сергей Газин. Именно Игорь Кершенбаум производил все операции по отключению турбоагрегата № 8 и выводу турбогенератора в режим выбега ротора генератора. Работу производил в соответствии с утвержденной программой и по указанию начальника смены блока Акимова, действия свои считал правильными. Увидев смятение Акимова, Топтунова и Дятлова, ощутил тревогу. Но у него было дело, волноваться особенно некогда. Он следил по тахометру вместе с Метленко за оборотами выбегающего ротора. Все как будто шло нормально. Тут же, у пульта управления турбинами, за старшего находился заместитель начальника турбинного цеха четвертого блока Разим Ильгамович Давлетбаев... А слева, у пульта управления реактором... на мнемотабло каналов видно: нет воды!

"Что за черт?! С возмущением и одновременно смятением думал Акимов.- Ведь восемь главных циркуляционных насосов в работе!" - И тут он глянул на амперметры нагрузки. Стрелки болтались у нулей. "Сорвали!.." - рухнуло у него внутри, но только на мгновение. Снова ощутил собранность. - "Надо подавать воду..."

В это время - страшные удары справа, слева, снизу и сразу следом - сокрушительной силы взрыв всеохватный. Казалось, везде, всюду все рушится, ударная волна с белой, как молоко, пылью, с горячей влагой радиоактивного пара удушающим напором ворвалась в помещение блочного щита управления четвертого, теперь уже бывшего,

энергоблока. Как при землетрясении, волнами заходили стены и пол. С потолка посыпалось. Звон стекол в коридоре деаэрационной этажерки, погас свет, остались гореть только три аварийных светильника, что сидели на аккумуляторной батарее, треск и молниевые вспышки коротких замыканий - взрывом рвало все электрические связи, силовые и контрольные кабели...

Дятлов, перекрывая грохот и шум, истошным голосом отдал команду: "Расхолаживаться с аварийной скоростью!" Но это была скорее не команда, а вопль ужаса... Шипение пара, клекот льющейся откуда-то горячей воды. Рот, нос, глаза, уши забило мучнистой пылью, сухость во рту и полная атрофия сознания и воли. Молниеносный неожиданный удар лишил всех чувств - боли, страха, ощущения тяжелой вины и невосполнимого горя. Но все придет, хотя и не сразу. И первыми вернутся к этим людям бесстрашие и мужество отчаяния. Но долго еще, почти до самой смерти, у некоторых верховодить будет спасительная, убаюкивающая ложь, мифы и легенды, рожденные задним, уже полубезумным, умом.

"Это все!..- панически мелькнуло у Дятлова. - Рванула гремучка... Где?.. Похоже, в аварийном баке СУЗ (системы управления защитой. - Г. М.)". Эта версия, родившаяся в потрясенном мозгу Анатолия Дятлова, еще долго потом гуляла в умах, тешила кровоточащее сознание, парализованную, порой конвульсивно вздрагивающую волю, дошла до Москвы, и вплоть до 29 апреля в нее верили, она была основой многих, порою гибельных для жизни действий. Но почему же? А потому что это был наиболее легкий подход. В нем и оправдание и спасение для виновных снизу доверху. Особенно для тех, кто чудом уцелел в радиоактивном чреве взрыва. Им нужны были силы, а их давала хотя бы отчасти успокоенная совесть. Ведь впереди была вся ночь, непереносимая и все же побежденная ими ночь смерти...

"Что происходит?! Что это?!" - вскричал Александр Акимов, когда пылевой туман чуть рассеялся, грохот смолк и только шипение радиоактивного пара и шум льющейся воды остались главными негромкими звуками издыхающего ядерного гиганта.

Рослый, могучий тридцатипятилетний парень с широким розовощеим

лицом, в очках, с темной волнистой шевелюрой, теперь покрытой пудрой радиоактивной пыли, Александр Акимов метался, не зная, что предпринять: "Диверсия?! Не может быть!.. Все правильно делали.."

СИУР Леонид Топтунов - молоденький, пухлый, румяный, усы щеточкой, всего три года после института - растерян, бледен, впечатление, будто ожидает удара, но не знает, с какой стороны он последует.

В помещение БЩУ вбежал задыхающийся Перевозченко.

- Александр Федорович! - сбивчиво дыша, бледный, весь в пыли и ссадинах, крикнул он Акимову. - Там... - Он вскинул руку вверх, в сторону центрального зала. - Там что-то страшное... Разваливается пятачок реактора... Плиты сборки одиннадцать прыгают, как живые... И эти... взрывы... Вы слышали? Что это?..

На блоке в этот миг стояла глухая, ватная тишина, нарушаемая только непривычным, поражающим до глубины души незнакомым шипением пара и звуком льющейся воды. В ушах звенело от этой тишины, которая наступила после вулканических, оглушающих ударов стихии. Остро стал ощущаться воздух. Будто запах озона, только очень резкий. Запершило в горле...

Старший инженер управления блоком Борис Столярчук, бледный, с каким-то ищущим, беспомощным выражением смотрел на Акимова и Дятлова.

- Спокойно! - сказал Акимов. - Мы все делали правильно...- И к Перевозченко: - Сбегай, Валера, наверх, посмотри, что там... В этот миг распахнулась дверь из машинного зала. Влетел закопченный старший машинист турбины Вячеслав Бражник. - "Пожар в машзале!" - пронзительно выкрикнул он, добавил еще что-то непонятное и выскочил назад, в огонь и бешеную радиацию.

Вслед за ним в машзал бросились Разим Давлетбаев и руководитель группы черновыского пуска наладочного предприятия Петр Паламарчук. Он вышел в ночь для снятия вибрационных характеристик восьмого генератора совместно с сотрудниками Харьковского турбинного завода. К открытой двери подскочили Акимов и Дятлов. Там был ужас. Что-то невообразимое. Горело в нескольких местах на двенадцатой и нулевой отметках, на желтом

пластике валялись раскаленные графитовые блоки и куски топлива, вокруг них разгоралось новое копящее пламя. Седьмую турбину завалило обломками кровли. От завала вверх поднимался сизый дым. Чад, черный пепел, хлопьями спадающий вниз, хлещущее из разбитой трубы горячее масло, проломленная кровля, покачивающаяся над пропастью машзала и вот-вот готовая рухнуть панель перекрытия. Из разбитого фланца питательного насоса мощная струя кипятка бьет в стену конденсатного бокса. От пролома кровли вниз опускается густой черный столб радиоактивной графитовой пыли, расширяется у двенадцатой отметки и спускается вниз, накрывая людей и оборудование - Акимов бросается к телефону: "Ноль два! Быстро!.. Да-да! Пожар в машзале!.. Кровля тоже!.. Да-да!.. Уже выехали?! Молодцы!.. Быстро!.." Караул лейтенанта Правика уже разворачивал свои машины у стен машзала, уже началось...

Дятлов выскочил из БЦУ и, гремя бутсами, поскользываясь с раздрающим душу скрежетом на битом стекле, вбежал в помещение резервного пульта управления, что вплотную к лестнично-лифтовому блоку. Нажал кнопку АЗ-5 и ключ обесточивания сервоприводов. Поздно. Зачем? Реактор разрушен... Но Анатолий Степанович Дятлов считал иначе: реактор цел, взорвался бак СУЗ в центральном зале. Реактор цел... Реактор цел...

Стекла в помещении РПУ выбиты, с визгом проскальзывают под ногами, сильно пахнет озоном. Дятлов выглянул в окно, высунув голову наружу. Ночь. Гул и клекот бушующего наверху пожара. В красноватом отсвете огня виден страшный завал из строительных конструкций, балок, бетона и кирпича. На асфальте вокруг блока что-то валяется. Очень густо. Черным-черно... Но в сознание не шло, что это графит из реактора. Как и в машзале. Там тоже глаза видели раскаленные куски графита и топлива. Однако сознание не принимало страшный смысл увиденного.

Он вернулся в помещение блочного щита. В душе то вздымалась упругая до звона воля к действию, немедленному, чудотворному, спасающему действию, то обрушивалось все в пропасть безнадежности и апатии. Дятлов вернулся в помещение блочного щита, прислушался. Петр Паламарчук тщетно пытался связаться с 604-

м помещением, где находился с приборами его подчиненный Володя Шашенок. Связи не было. К этому времени Паламарчук успел уже обежать восьмой турбоагрегат, спустился на ноль, нашел харьковчан в передвижной лаборатории, смонтированной на машине "мерседес-бенц", и настоял, чтобы он срочно покинули блок. Правда, двое уже успели сходить к завалу около реактора и получили летальную дозу. Акимов успел обзвонить всех начальников служб и цехов, Просил помощи. Срочно электриков. Пожар в машзале, нужно вытеснять водород из восьмого генератора, восстанавливать энергоснабжение ответственных потребителей...

"Стоят гэцээны! - кричал он в трубку заместителю начальника электроцеха Александру Лелеченко. - Ни один насос запустить не могу!. Реактор без воды! Быстро на помощь!.."

Нет связи с дозиметристом. Коммутатор отрубился. Работают только городские телефоны. Все нутром ощущают радиацию. Но сколько? Какой фон? Неизвестно... Приборов на БЩУ нет. Респираторов "лепесток" тоже нет. Нет и йодистого калия. Сейчас бы неплохо глотнуть всем по таблетке. Мало ли что...

Со щитом дозиметрии связь не получается.

- Иди, Петро, - просит Акимов Паламарчука, - заскочи к Коле Горбаченко, узнай, почему молчит...

- Мне к Шашенку, к Шашенку надо... Там что-то неладно... Тоже молчит...

- Бери Горбаченко и идите к Шашенку.

Акимов переключился на другое: надо доложить Брюханову, Фомину... Надо... Ох как много всего надо... Реактор без воды... Стержни СУЗ застряли на полпути... Сознание спутывалось, его душил... да, его душил стыд... То горячая, то ледяная волна обжигала сердце, как только воспаленное сознание пыталось донести до него всю правду случившегося. Ах этот чертов шок... шок от сознания величайшей ответственности. Вся тяжесть ее горой навалилась на него. Что-то надо делать. Все ждут от него... Рядом без дела толкаются стажеры СИУРа Проскуряков и Кудрявцев. Стержни застряли... Конечно... А если вручную из центрального зала опустить вниз?.. Идея...

- Проскуряков, Кудрявцев... - В тоне Акимова просительность, хотя

имел полное право приказывать. Все, кто оказался в помещении БЩУ в момент аварии, попали в его непосредственное распоряжение. Но он просил: - Парни, надо быстренько в центральный зал... за рукояточки покрутите... надо опустить СУЗы вниз вручную. Что-то отсюда не идет...

Проскуряков и Кудрявцев пошли. Хорошие мои, пошли. Молодые, такие молодые и ни в чем не виноватые. Пошли к смерти.

Валерий Перевозченко, кажется, первый понял весь ужас случившегося. Он видел начало катастрофы. Он уже верил в невосполнимость, в страшную правду разрушений. Он видел в центральном зале такое... После того, что он видел, реактор существовать не может. Его просто нет. А раз его нет, значит... Надо спасать людей. Ему подчиненных парней надо спасать. Он за их жизни головой в ответе. Так свою ответственность определил в эти минуты начальник смены реакторного цеха Валерий Иванович Перевозченко. И первое, что он сделал, пошел искать Валеру Ходемчука...

Свидетельствует Николай Феодосьевич Горбачевко, дежурный службы дозиметрии в смене Акимова: "В момент и после взрыва я находился на щите дозиметрии. Тряхнуло несколько раз со страшной силой. Я подумал: все, крышка. Но смотрю, живой, стою на ногах. Со мной на щите дозиметрии был еще один товарищ, мой помощник Пшеничников, совсем молодой парень. Я открыл дверь в коридор деаэраторной этажерки, оттуда - клубы белой пыли и пара. Пахнет характерным запахом пара. Еще вспышки разрядов. Короткие замыкания. Панели четвертого блока на щите дозиметрии сразу погасли. Никаких показаний. Что творится на блоке, какая радиационная обстановка - не знаю. На панелях третьего блока (у нас объединенный щит на очередь) сработала аварийная сигнализация. Все приборы пошли на зашкал. Я нажал тумблер БЩУ, но коммутатор обесточился. Связи с Акимовым нет. По городскому телефону доложил начальнику смены службы дозиметрии Самойленко, который находился на щите первой очереди. Тот перезвонил руководству службы радиационной безопасности Красножону и Каплуну. Попытался определить радиационную обстановку у себя в помещении и в коридоре за дверью. Имелся только радиометр ДРГЗ на тысячу микрорентген в

секунду. Показал зашкал. Был у меня еще один прибор со шкалой на 1000 рентген, но при включении он, как назло, сгорел. Другого не было. Тогда я прошел на блочный щит управления и доложил Акимову ситуацию. Везде зашкал на 1000 микрорентген в секунду. Стало быть, около 4 рентген в час. Если так, то работать можно около пяти часов. Конечно, из условий аварийной ситуации. Акимов сказал, чтобы я прошел по блоку и определил дозиметрическую обстановку. Я поднимался до плюс двадцать седьмой отметки по лестнично-лифтовому блоку, но дальше не пошел. Прибор всюду зашкаливал. Пришел Петя Паламарчук, и мы с ним пошли в 604-е помещение искать Володю Шашенка..."

А в это время в машзале, на отметке ноль, горело в нескольких местах. Проломило перекрытие, на пол и на оборудование упали раскаленные куски топлива и графита, куском бетонного перекрытия разбило маслопровод, горело масло. Разбило также задвижку на напоре питательного насоса, хлестал радиоактивный кипяток. В любой момент могли взорваться маслбак турбины и водород в генераторе. Надо было действовать.

Но оставим на некоторое время машзал, где эксплуатационники, не щадя жизни, проявляли чудеса героизма и не дали огню распространиться на другие блоки. Это был подвиг. Не меньший, чем тот, который совершили пожарники.

Тем временем стажеры СИУРа Проскуряков и Кудрявцев, выполняя распоряжение Акимова, выбежали в коридор деаэраторной этажерки и по привычке свернули направо, к лифту в блоке ВСРО, но увидели, что шахта разрушена, покореженный неведомой силой лифт валяется на обломках строительных конструкций. Тогда они вернулись назад, к лестнично-лифтовому блоку. Резко - как после грозы, но еще сильнее, пахло озоном. Расчихались. И еще какая-то сила ощущалась вокруг. Но они стали подниматься вверх...

За ними в коридор деаэраторной этажерки выскочил Перевозченко, предупредивший Акимова и Дятлова, что пошел искать подчиненных, которые могли оказаться в завале. Перво - наперво он подбежал к выбитым окнам, выглянул наружу. Чрезмерно сильно пахло как бы свежестью, послегрозовым воздухом, но во много крат сильнее. На

дворе - ночь. В ближнем ночном небе красные отсветы горячей кровли машзала. Если нет ветра, воздух обычно не ощущается. А здесь Перевозченко ощущал будто давление невидимых лучей, пронизывающих его насквозь. Его охватил идущий из глубины организма какой-то нутряной панический страх. Но тревога за товарищей брала верх. Он посильнее высунул голову и посмотрел вправо. Понял, что реакторный блок разрушен. Там, где были стены помещений главных циркуляционных насосов, в темноте виден завал из битых строительных конструкций, труб и оборудования. Выше?.. Он поднял голову. Помещений барабанов-сепараторов тоже нет. Значит, взрыв в центральном зале. Там видны очаги пожаров. Их много... "Ах, нет защитных средств... Ничего нет..." – с досадой подумал он, вдыхая полной грудью воздух с радионуклидами. Легкие обжигало огнем. Первая подавленность прошла, Перевозченко ощутил в груди, в лице, во всем существе своем внутренний жар. Будто весь он загорелся изнутри. Горит! Горит! "Что же мы сотворили?! Ребята гибнут... В центральном зале, где был взрыв, - операторы Кургуз и Генрих.-. В помещениях ГЦН – Валера Ходемчук... В киповском помещении под питательным узлом реактора – Володя Шашенок... Куда бежать, кого искать первым?.."

Прежде всего надо выяснить радиационную обстановку. Перевозченко побежал, поскользываясь на осколках стекол, к помещению щита РБ, к Горбаченко. Дозиметрист был бледен, но собран.

- Какой фон, Коля? - спросил Перевозченко. Лицо его уже горело бурым огнем.

- Да вот... На диапазоне тысяча микрорентген в секунду зашкал, панели четвертого блока погасли...- Горбаченко виновато улыбнулся.

- Будем считать, что пять рентген в час. Но, похоже, много больше...

- Что ж вы даже приборами не разжились?

- Да был вот прибор на тысячу рентген, но сгорел. Второй в каптерке закрыт. Ключ у Красножона. Только я смотрел, та каптерка в завале. Не подступишься. Сейчас пойду с Паламарчуком Шашенка искать. Не откликается из шестисот четвертого...

Перевозченко покинул щит дозиметрии и побежал к помещению главных циркуляционных насосов, где оставался перед взрывом Валера Ходемчук -

Это ближе всего.

В сторону щита дозиметрии бежал из БЩУ Петя Паламарчук, начальник лаборатории чернобыльского пусконаладочного предприятия. Напомню, он и его подчиненные обеспечивали снятие характеристик и параметров различных систем в режиме выбега ротора. Теперь было ясно, что в наиболее опасном месте – в монолитном реакторном блоке, где только что долбанула стихия, – в 604-м помещении безмолвствовал Шашенок. Что с ним? Помещение это ключевое. Туда сходились импульсные линии от главных технологических систем к датчикам. Если порвало мембраны... Трехсотградусный пар, перегретая вода. На звонки не отвечает. В трубке непрерывные гудки. Стало быть, трубку сбило с аппарата. За пять минут до взрыва с ним была отличная связь.

Паламарчук и Горбаченко бежали к лестнично-лифтовому блоку. "Я за Ходемчуком!" – крикнул им Перевозченко, глядя, как они нырнули из коридора деаэрационной этажерки в монолитную часть разрушенного реакторного отделения. А ведь там всюду были разбросаны топливо и реакторный графит. Паламарчук с Горбаченко побежали по лестнице вверх, на двадцать четвертую отметку. Перевозченко по недлинному коридору на десятой отметке – в сторону разрушенного помещения ГЦН...

В это время молодые стажеры СИУРа Кудрявцев и Проскуряков приближались, продираясь сквозь завалы, к тридцать шестой отметке, на которой находился реакторный зал. Наверху, усиленный эхом каньона лифтового блока, слышен был клекот пламени, крики пожарников, долетавшие с кровли машзала и откуда-то совсем близко, видимо, с пятачка реактора.

"Там тоже горит?.." – мелькнуло у парней.

На тридцать шестой отметке все было разрушено. Через завалы и нагромождения конструкций стажеры прошли в большое помещение вентиляционного центра, отделенного от реакторного зала теперь разрушенной монолитной стеной. Было хорошо видно, что центральный зал надуло взрывом, как хороший пузырь, а потом оторвало верхнюю часть, и стена осталась прогнутой, арматура торчит радиальными рванинами. Кое-где бетон осыпался, и видна голая

арматурная сетка. Ребята постояли немного, потрясенные, с трудом узнавая столь знакомые раньше помещения. Их распирала необычная и необъяснимая для такого горя веселость, несмотря на то, что страшно жгло грудь при дыхании, ломило в висках, горели веки. будто туда капнули соляной кислотой.

Вдоль коридора прошли к входу в центральный зал. Коридор узкий, заваленный битыми конструкциями, стеклом. Над головой ночное небо в красных отблесках пожара, в воздухе дым, гарь, едкая и удушливая, и сверх всего этого ощущение присутствия еще какой-то иной силы в воздухе, пульсирующем, плотном, жгучем. Это мощная ядерная радиация ионизировала воздух, и он воспринимался теперь как новая, пугающая, непригодная для жизни среда.

Без респираторов и защитной одежды они подошли к входу в ЦЗ и, минуя три распахнутые настежь двери, вошли в бывший реакторный зал, заваленный покореженной рухлядью, тлеющими обломками. Они увидели пожарные шланги, свисающие в сторону реактора. Из стволов лилась вода. Но людей уже не было. Пожарники отступили отсюда несколько минут назад, теряя сознание и последние силы.

Проскуряков и Кудрявцев оказались у ядра атомного взрыва. Но где же реактор? Круглая плита верхней биологической защиты с торчащими во все стороны обрывками тонких нержавеющей трубок (система КЦТК) под некоторым углом лежала на шахте реактора. Бесформенно свисала во все стороны арматура разрушенных стен. Значит, плиту подбросило взрывом, и она снова, наклонно уже, упала на реактор. Из жерла разрушенного реактора шел красный и голубой огонь с сильным подвывом. Видно, была хорошая тяга - сквозной проток воздуха. В лица стажеров ударил ядерный жар с активностью 30 тысяч рентген в час. Они невольно прикрыли лица руками, заслоняясь как бы от солнца. Было совершенно ясно, что никаких поглощающих стержней нет, унесло взрывом. Так что в активную зону опускать теперь нечего. Просто нечего...

Проскуряков и Кудрявцев, накрепко запоминая все, что увидели, пробыли возле реактора около минуты. Этого оказалось достаточно, чтобы получить смертельную дозу радиации (оба умерли в страшных муках в 6-й клинике Москвы).

Тем же путем с чувством глубокой подавленности и внутреннего панического чувства, сменившего ядерное возбуждение, вернулись они на десятую отметку, вошли в помещение БЩУ и доложили обстановку Акимову и Дятлову. Лица и руки у них были бурокоричневые (ядерный загар). Такого же цвета была кожа и под одеждой, что выяснилось уже в медсанчасти.

- Центрального зала нет, - сказал Проскуряков. - Все снесло взрывом. Небо над головой. Из реактора огонь...

- Вы, мужики, не разобрались... - растягивая слова, глухо произнес Дятлов. - Это что-то горело на полу, а вы подумали, реактор. Видимо, взрыв гремучей смеси в аварийном баке снес шатер. Неудивительно сто десять кубов - немало, так что... тут не только шатер, но и весь блок могло разнести... Надо спасать реактор. Он цел... Надо подавать воду в активную зону. Так родилась легенда: реактор цел, взорвался бак аварийной воды СУЗ, надо подавать воду в реактор.

Легенда была доложена Брюханову и Фомину. И далее - в Москву. Все это породило много ненужной, лишней, вредной работы, усугубившей положение на атомной станции и увеличившей число смертей.

Генрих и Кургуз после осмотра центрального зала ждали Перевозченко, чтобы получить задание на всю смену. Примерно за четыре минуты до взрыва реактора Генрих сказал Кургузу, что устал и немного поспит. Вошел в небольшую соседнюю комнатку, примерно шесть квадратных метров, глухую, без окон. Там находился топчан. Он закрыл дверь и лег. Кургуз сел за рабочий стол и учинил запись в оперативный журнал. Его отделяли от центрального зала три открытые двери. Когда взорвался атомный реактор, высокорadioактивный пар с топливом хлынул в помещение, где сидел Кургуз. В этом кромешном огненном аду он бросился к двери. Закрыл ее. Крикнул Генриху: "Очень жжет! Очень жжет!" Генрих вскочил с топчана, бросился открывать свою дверь, но из-за двери пахнуло таким нестерпимым жаром, что он не стал больше пытаться, инстинктивно лег на пластикатовый пол, здесь было прохладней, и крикнул Кургузу: "Толя, ложись! Внизу холоднее!"

"Здесь хоть можно было дышать. Не жгло так легкие", - вспоминал потом Генрих.

Они подождали минуты три. Жар стал спадать (над головой ведь открылось небо). Потом вышли в коридор. У Кургуза сварило кожу на лице и руках. Она висела лоскутьями. На лице и руках сильно шла кровь. Они пошли не к лестнично-лифтовому блоку, откуда вскоре придут стажеры Проскуряков и Кудрявцев, а в противоположную сторону - к "чистой" лестнице и спустились на десятую отметку. Если бы они встретили стажеров, то наверняка завернули бы их назад и спасли им жизнь. Но они разминулись.

По пути к БЩУ на двенадцатой отметке к Генриху и Кургузу присоединились операторы газового контура Симеконов и Симоненко. Вместе направились на БЩУ-4. Кургузу было очень плохо. Он истекал кровью. Ему трудно было помогать. Кожа под одеждой тоже вздулась пузырями. Любое прикосновение причиняло пострадавшему нестерпимую боль. Откуда он еще брал силы идти своими ногами... Генриха обожгло меньше - спасла глухая комнатенка. Но оба схватили по 600 рентген... Они уже шли по коридору деаэрационной этажерки, когда из помещения БЩУ вышел Дятлов. Бросился к ним - "Немедленно в медсанчасть!"

До здравпункта, а он находился в административном корпусе первого блока, по коридору деаэрационной этажерки четыреста пятьдесят метров.

"Сможешь дойти, Толя?" - спросили ребята Кургуза. "Не знаю... Нет, наверное... Все тело болит... Все болит..."

И правильно сделали, что не пошли. Здравпункт первой очереди оказался закрытым. В здравпункте второй очереди фельдшера тоже не было. Такая была самоуверенность у товарища Брюханова. Все безопасно. Концепция недавней эпохи в действии. Вызвали "скорую" к АБК второй очереди, спустились на нулевую отметку, вышибли чудом уцелевшее стекло и через окно вышли наружу...

Дятлов бегал на БЩУ третьего блока. Приказал Багдасарову глушить реактор. Вернувшись на БЩУ-4, отдал команду Акимову: Еще раз обзвони дневной персонал цехов. Всех на аварийный блок! В первую голову электриков, Лелеченко. Надо отрубить водород с электролизерной на восьмой генератор. Это сделают только они. Действуй! Я пройдуь вокруг блока..." Дятлов покинул блочный щит

управления.

Давлетбаев несколько раз вбегал из машзала в помещение БЩУ, докладывал обстановку. Там полно разного народу. Дозиметрист Самойленко замерил Давлетбаева прибором: "От тебя, Разим, на всех диапазонах зашкал! Срочно переодевайся!" Как назло, комплект защитных средств машзала закрыт на замок. Послали богатыря Бражника взломать ломиком.

Акимов приказал СИУРу Столярчуку и машинисту Бусыгину включить аварийные питательные насосы, чтобы подать воду в реактор.

"Александр Федорович! - вскричал Давлетбаев. - Оборудование обесточено! Надо срочно электриков задействовать, распредустройства на нуле... Не знаю, как они будут делать. Порвало кабельные связи. Всюду молнии коротких замыканий. Ультрафиолетовое свечение на нуле возле питательных насосов. То ли тэвээска светит (кусок топлива.-Г. М.), то ли вольтова дуга короткого замыкания..." "Сейчас прибудет Лелеченко со своими орлами!.."

Давлетбаев снова нырнул в кромешный ад машинного зала. На нуле Тормозин забивал деревянные чопы в дырки на маслопроводе. Чтобы было ловчее, сел на трубопровод и получил аппликационный ожог ягодиц. Давлетбаев бросился к завалу седьмой турбины, но подойти было невозможно. Масло на пластике. Очень скользко. Включили душирующее устройство. Турбину обволокло водяным туманом. С пульта отключили маслонасос.

Возле седьмой машины телефонная будка, из которой машинисты все время звонили на БЩУ. Против будки за окном - пятый трансформатор, на нем оказался кусок топлива, о котором не знали. Там получили смертельную дозу Перчук, Вершинин, Бражник, Новик. Тем временем в помещении БЩУ без дела толкался руководитель неудавшегося электроэксперимента Геннадий Петрович Метленко. Его наконец заметил Акимов: "Будь другом, иди в машзал, помоги крутить задвижки. Все обесточено. Вручную каждую открывать или закрывать не менее четырех часов. Диаметры огромные..." Щупленький, небольшого роста, с остроносым сухощавым лицом, представитель Донтехэнерго побежал в машинный зал.

Трагедия развернулась там на нулевой отметке. Упавшей фермой

перебило маслопровод турбины. Горячее масло хлынуло наружу и загорелось от кусков раскаленного ядерного топлива. Машинист Вершинин погасил огонь и бросился помогать товарищам, чтобы предотвратить взрыв маслобака. Бражник, Перчук, Тормозин тушили очаги пожара в других местах. В пролом кровли упали высокоактивное топливо и реакторный графит. Валялись повсюду. Гарь, радиация, сильно ионизированный воздух, черный ядерный пепел от горящего графита и сгорающей наверху битумной кровли. Куском фермы перекрытия разбило фланец на одном из аварийных питательных насосов. Его надо было отключить от деаэраторов. Задвижки крутить вручную не менее четырех часов. Другой насос готовить к работе на реактор, тоже вручную крутить задвижки. Радиационные поля на нулевой отметке машзала - от 500 до 15 тысяч рентген в час. Метленко отправили назад на блочный щит; "Обойдемся! Не мешай!.." С электриками акимовской смены Давлетбаеву удалось заменить в генераторе водород азотом, чтобы избежать взрыва. Слили аварийное масло из маслобаков турбины в аварийные емкости снаружи энергоблока. Маслобаки залиты водой... Турбинисты в эту роковую ночь 26 апреля 1986 года совершили выдающийся подвиг. Если бы они не сделали то, что сделали, пожаром охватило бы весь машзал изнутри, рухнула бы кровля, огонь перекинулся бы на другие блоки, а это могло привести к разрушению всех четырех реакторов. Последствия трудно вообразить...

Когда пожарные Телятникова, погасив огонь на кровле, в пять утра появились внутри машзала, там все уже было сделано... Был подготовлен второй аварийный питательный насос и включен в работу на не существующий уже реактор. Акимов и Дятлов предполагали, что вода пошла в реактор, однако она туда не могла пойти по той простой причине, что все коммуникации низа были оторваны взрывом и вода от второго АПЭНа шла в подаппаратное помещение, куда просыпалось много разрушенного ядерного топлива. Смешиваясь с топливом, высокорadioактивная вода уходила на низовые отметки деаэрационной этажерки, затапливая кабельные полуэтажи и распредустройства, приводя к коротким замыканиям и угрожая потерей энергоснабжения работающим еще энергоблокам. Ведь все энергоблоки Чернобыльской

АЭС по деаэрационной этажерке, где проходят основные кабельные трассы, связаны между собой. К пяти утра - многократная рвота и очень плохое самочувствие у Давлетбаева, Бусыгина, Корнеева, Бражника, Тормозина, Вершинина, Новика, Перчука. Отправлены в медсанчасть. Давлетбаев, Тормозин, Бусыгин и Корнеев выживут. Взяли по 350 рентген. Бражник, Перчук, Вершинин и Новик получили по тысяче и более рад. Мученической смертью умрут в Москве...

Но вернемся к началу аварии. Пройдем с Валерием Ивановичем Перевозченко его путь к смерти. Он ведь искал Ходемчука, он хотел спасти всех своих подчиненных. Этот человек не знал страха. Мужество и долг вели его в ад крошечный. Тем временем Паламарчук и Горбаченко по лестнично-лифтовому блоку продвигались через завалы к двадцать четвертой отметке, в 604-е киповское помещение, где замолчал Володя Шашенок. Что с ним?.. Хоть бы жив...

После серии грозных взрывов на блоке теперь было относительно тихо, только через проломы слышны клекот и шум пламени горячей кровли машзала, пронзительные выкрики людей, гасящих огонь, надсадное подвывание разрушенного атомного реактора, в котором горел графит. Все это как бы дальним фоном, а ближе - ручейковое журчание или дождевой шум льющейся откуда-то радиоактивной воды, вверху внизу - не поймешь, какое-то усталое остаточное шипение радиоактивного пара и воздух... Воздух был загустевший, непривычный. Сильно ионизированный газ, острый запах озона, жжение в горле и легких, надсадный кашель, резь в глазах.

Они бежали без респираторов, в полной темноте, освещая себе дорогу карманными фонариками, которые имел всегда при себе каждый эксплуатационник. А.Перевозченко по короткому переходному коридору на десятой отметке пробежал в сторону гцээнковского помещения, где остался Валера Ходемчук, и остановился, пораженный. Помещения не было. Вверху - небо, отсветы бушующего над машзалом пламени, а прямо перед ним - груды обломков, нагромождение крошева строительных конструкций, изуродованного оборудования и трубопроводов.

В завале было также очень много реакторного графита и топлива, от которых светило не менее 10 тысяч рентген в час. Перевозченко,

ошеломленный, водил лучом фонаря по всей этой разрухе. Он напряженно прислушивался, пытаясь уловить хотя бы слабый голос или стон человека. Надо найти, спасти Валеру. Обязательно спасти. А еще наверху Генрих, Кургуз... Там, где был взрыв... Он их тоже спасет... Обязательно... Это его люди, его подчиненные... Он не оставит их...

А время шло. Каждая секунда, каждая лишняя минута здесь гибельны. Тело начальника смены реакторного цеха все поглощает и поглощает рентгены, все темнее становится ядерный загар в темноте ночи. И загорают не только лицо и руки, но и все тело под одеждой Загорает... горит, горит... Жжет нутро...

"Валера-а !- изо всех сил закричал Перевозченко. - Валера-а Откликнись! Я зде-есь!" Он рванул прямо к завалу, полез по обломкам, тщательно ища расщелины среди разрушенных конструкций, обжигая руки о куски топлива и графита, за которые нечаянно хватался в темноте. Напрягал слух, пытаясь уловить малейший стон или шорох, но тщетно. Но все равно искал, обдирая тело о торчащие крючья арматуры и острые сколы бетонных блоков, протиснулся в 304-е помещение, но в нем никого не было. Валера дежурил в дальней стороне... Там был его пост... И Перевозченко пробрался по завалу туда, в дальний конец, и искал там. Но все впустую.

"Валера-а! - кричал Перевозченко, вскинув руки к небу и потрясая кулаками. - Валера-а, милый! - Слезы бессилия и горя лились по загоревшим от излучений до черноты, отекившим щекам. - Да что ж это такое?! Ходемчук! Откликнись!"

Но в ответ лицо Перевозченко озаряли только отсветы огня, бушующего в ночном небе над крышей машзала, и доносились пронзительные, похожие на отчаянные крики израненных птиц голоса пожарников. Там тоже шла борьба со смертью, и там люди принимали в себя смерть.

Изнемогая от навалившейся ядерной усталости, Перевозченко полез по завалу назад, пробрался, шатаясь, к лестнично-лифтовому блоку и стал подниматься наверх, на тридцать шестую отметку, к центральному залу. Ведь там, в ядерном аду и огне, гибнут Кургус и

Генрих. Он не знал, что Анатолий Кургуз и Олег Генрих, сильно облученные и ошпаренные радиоактивным паром, уже спустились по условно чистой лестнице на десятую отметку и отправлены в медсанчасть.

Перевозченко повторил путь стажеров Кудрявцева и Проскурякова, вошел сначала в каморку операторов, их там не было, тогда он вошел в центральный зал и принял на себя дополнительный ядерный удар гудящего огнем реактора. Опытный физик, Перевозченко понял, что реактора больше нет, что он превратился в гигантский ядерный вулкан, что водой его не загасить, ибо нижние коммуникации оторваны от реактора взрывом, что Акимов, Топтунов и ребята в машзале, запускающие питательные насосы, чтобы подавать в реактор воду, зря гибнут. Ведь воду сюда не подашь... Надо выводить всех людей с блока. Это самое правильное. Надо спасать людей.

Перевозченко спустился вниз, его непрерывно рвало, мутилось и мгновениями отключалось сознание, он падал, но приходил в себя, снова вставал и шел, шел. Войдя в помещение БЩУ, он сказал Акимову:

- Реактор разрушен, Саша... Надо уводить людей с блока...
- Реактор цел! Мы подадим в него воду! - запальчиво возразил Акимов. – Мы все правильно делали... Иди в медсанчасть, Валера, тебе плохо... Ты перепутал, уверяю тебя... Это не реактор, это горят строения, конструкции. Их потушат."

В то самое время, когда Перевозченко искал захороненного в завале Ходемчука, Петр Паламарчук и дозиметрист Николай Горбаченко, с трудом преодолевая завалы и разломы на двадцать четвертой отметке реакторного блока, проникли наконец в киповское помещение, где в момент взрыва находился Владимир Шашенок. Паламарчук и Горбаченко нашли товарища в разломе 604-го помещения, придавленного упавшей балкой, сильно обожженного паром и горячей водой. Потом в медсанчасти выяснилось, что у него перелом позвоночника, сломаны ребра, а сейчас... надо было спасать. Перед самым взрывом, когда давление в контуре росло со скоростью 15 атмосфер в секунду, в этом помещении разорвало трубы и датчики, оттуда пошли радиоактивные пар и перегретая вода, упало что-то

сверху, и Шашенок потерял сознание. Вся поверхность кожи получила глубокий тепловой и радиационный ожог. Ребята освободили товарища из-под завала, Паламарчук, стараясь не причинить новых страданий, взвалил его на спину с помощью Горбаченко и, с трудом пробираясь через завалы бетона и труб, вынес на десятую отметку. Оттуда, чередуясь с Горбаченко, по коридору деаэрационной этажерки, примерно четыреста пятьдесят метров, - к здравпункту на АБК первого блока. Здравпункт оказался заколоченным на гвоздь. Вызвали "скорую". Через десять минут приехал фельдшер Саша Скачок, и Шашенка увезли в медсанчасть. Потом приехал на своей "скорой" педиатр Белоконов и дежурил здесь до утра, пока его самого не увезли в медсанчасть.

Паламарчук и Горбаченко, вынося товарища, тоже сильно облучились и вскоре были отправлены в медсанчасть. Горбаченко до того успел еще обойти блок, измеряя гамма-фон, был в машзале, обошел блок снаружи. Но все было фактически впустую. Прибором со шкалой измерений всего на 3,6 рентгена он не мог замерить бешеные радиационные поля и поэтому не смог должным образом предостеречь товарищей.

В 2 часа 30 минут ночи на БЩУ-4 пришел директор АЭС Брюханов. Вид пудрено-серый, растерян, почти невменяем.

- Что произошло? - сдавленным голосом спросил он Акимов. На БЩУ-4 активность воздуха в это время составляла около 3- 5 рентген в час, а в местах прострела от завала и того больше.

Акимов доложил, что произошла тяжелая радиационная авария, но реактор, по его мнению, цел что пожар в машзале в стадии ликвидации, пожарники майора Телятникова тушат пожар на кровле, что готовится в работу второй аварийный питательный насос и скоро будет включен. Лелеченко и его люди должны только подать электропитание. Трансформатор отключился от блока по защите от коротких замыканий.

- Вы говорите - тяжелая радиационная авария, но если реактор цел... Какая активность сейчас на блоке?

- Имеющийся у Горбаченко радиометр показывает тысячу микрорентген в секунду...

- Ну, это немного, - чуть успокаиваясь, сказал Брюханов.

- Я тоже так думаю, - возбужденно подтвердил Акимов.

- Могу я доложить в Москву, что реактор цел?

- Да, можете, - уверенно ответил Акимов.

Брюханов ушел на АБК-1 в свой кабинет и оттуда в 3 часа ночи позвонил домой заведующему сектором атомной энергетики ЦК КПСС Владимиру Васильевичу Марьину...

К этому времени на аварийный блок прибыл начальник гражданской обороны атомной станции Соловьев (фамилия изменена.- Г. М.). У него был радиометр со шкалой измерений на 250 рентген. Это уже было кое-что. Пройдя по деаэрационной этажерке, в машзал, к завалу, понял, что положение крайне тяжелое. На шкале 250 рентген радиометр показывал зашкал в разных местах блока и завала. Соловьев доложил обстановку Брюханову.

- У тебя неисправный прибор, - сказал Брюханов. - Таких полей быть не может. Ты понимаешь, что это такое? Разберись-ка со своим прибором или выбрось его на свалку...

- Прибор исправный, - сказал Соловьев.

В 4 часа 30 минут утра на БЩУ прибыл главный инженер Фомин. Его долго разыскивали. Дома почему-то трубку не брал, жена бормотала что-то невнятное. Кто-то сказал что он на рыбалке, потому и не подходил к телефону. Что-то знали люди...

- Доложите обстановку!

Акимов доложил. Подробно перечислил последовательность технологических операций до взрыва.

- Мы все делали правильно, Николай Максимович. Претензий к персоналу смены не имею. К моменту нажатия кнопки АЗ-5 запас реактивности составлял восемнадцать стержней СУЗ. Разрушения произвел взрыв стодесятикубового бака аварийной воды СУЗ в центральном зале, на отметке плюс семьдесят один метр...

- Реактор цел? - спросил Фомин красивым баском.

- Реактор цел! - твердо ответил Акимов.

- Непрерывно подавайте в аппарат воду!

- Сейчас в работе аварийный питательный насос из деаэраторов на реактор.

Фомин удалился. Внутри он то метался, как затравленный зверь, то проваливался в бездонную пропасть, мысленно панически вскрикивая: "Конец! Конец!" - то обретал вдруг железную уверенность: "Выстоим!"

Но не выстоял. Этот человек сломался первым перед чудовищной ответственностью, которая только сейчас обрела свою свинцовую тяжесть и расплющивала все его слабое, по сути, державшееся на гордыне и тщеславии существо...

Приказав в два ночи Акимову подавать воду в реактор, заместитель главного инженера по эксплуатации Анатолий Дятлов покинул блочный щит управления и вышел в сопровождении дозиметриста наружу, спустившись по лестнично-лифтовому блоку. Весь асфальт вокруг был усыпан блоками реакторного графита, кусками конструкций, топлива. Воздух был густой и пульсирующий. Такой ощущалась ионизированная высокорadioактивная плазма.

- Активность? - спросил Дятлов дозиметриста.

- Зашкал, Анатолий Степанович... Кха-кха! Ч-черт! Сушит глотку... На тысяче микрорентген в секунду зашкал...

- Японские караси!.. Приборов у вас ни хрена нет! В бирюльки играете!..

- Да кто думал, что будут такие поля?! - вдруг возмутился дозиметрист. - В каптерке есть один радиометр со шкалой на десять тысяч рентген, да закрыта. А ключ у Красножона. Да к каптерке, я смотрел, и не подобраться. Завалило ее. И светит дай бог. Без прибора чувствую...

- Индюки! Японские караси! Прибор в каптерке держат! Обалдуи! Носом измеряй!

- Да я и так уж измеряю, Анатолий Степанович... - сказал дозиметрист.

- Если бы только ты... Я ведь тоже измеряю, сукин ты сын. А ведь не должен. Это твоя работа... Усек?!

Они подошли вплотную к завалу. Он возвышался горой, поднимаясь наклонно от самой земли аж до сепараторных помещений...

- Ё-мое! - воскликнул Дятлов. - Что натворили! Крышка!

Дозиметрист щелкал туда-сюда переключателем диапазонов, бормоча:

"Зашкал... Зашкал..."

- Выбрось ты его к едрене фене!.. Японские караси... Пошли в обход вокруг машзала...

Кругом на асфальте графит и куски топлива. В темноте не совсем различимо, но при желании понять можно. То и дело спотыкаешься о графитовые блоки, футолишь ногами. Реальная активность до 15 тысяч рентген в час. Поэтому и зашкал на радиометре у дозиметриста. В сознании не укладывается увиденное. Обогнули торец машзала. Вдоль бетонной стенки напорного бассейна девятнадцать пожарных машин. Слышен клекот и рев огня на кровле машзала. Пламя высокое. Выше венттрубы. Но странное дело! В сознании у заместителя главного инженера по эксплуатации четвертого энергоблока возникло и жило теперь как бы два образа, две мысли. Одна: "Реактор цел. Подавать воду". Вторая: "Графит на земле, топливо на земле. Откуда, спрашивается? Непонятно откуда. Активность бешеная. Нутром чую активность".

- Все! - приказал Дятлов.- Откатываемся!

Они вернулись на БЩУ. Горбаченко прошел к себе, на щит дозиметрии. Должен вот-вот подойти зам начальника службы РБ Красножон.

Общая экспозиционная доза, ими полученная, составила 400 рад. К пяти утра началась рвота. Смертельная слабость. Головная боль. Буро-коричневый цвет лица. Ядерный загар. Горбаченко и Дятлов своим ходом ушли на АБК-1 и далее – на "скорой" в медсанчасть.

-4-

Свидетельствует Альфа Федоровна Мартынова, жена заведующего сектором атомной энергетики ЦК КПСС В.В.Марьина: "26 апреля 1986 года в три часа ночи раздался у нас дома междугородный звонок. Из Чернобыля звонил Марьину Брюханов. Закончив разговор, Марьин сказал мне: "На Чернобыле страшная авария! Но реактор цел..." Он быстро оделся и вызвал машину. Перед уходом позвонил высшему руководству ЦК партии по инстанции. Прежде всего Фролышеву. Тот - Долгих. Долгих - Горбачеву и членам Политбюро. После чего уехал в ЦК. В восемь утра позвонил домой и попросил меня собрать его в

дорогу: мыло, зубной порошок, щетку, полотенце и т. д."

В 4 часа 00 минут утра Брюханову из Москвы последовал приказ: организуйте непрерывное охлаждение атомного реактора.

На щите дозиметрии второй очереди Николая Горбаченко сменил заместитель начальника службы радиационной безопасности АЭС Красножон. На вопросы операторов, сколько работать, отвечал стереотипно: на диапазоне 1000 микрорентген в секунду зашкал. Работать пять часов из расчета 25 бэр. (Это говорит о том, что зам начальника службы РБ АЭС также не смог определить подлинную интенсивность радиации.)

Акимов и Топтунов по несколько раз уже бегали наверх к реактору посмотреть, как действует подача воды от второго аварийного питательного насоса. Но огонь все гудел и гудел. Акимов и Топтунов уже были буро-коричневыми от ядерного загара, уже рвота выворачивала нутро, уже в медсанчасти Дятлов, Давлетбаев, люди из машзала, уже на подмену Акимову прислали начальника смены блока Владимира Алексеевича Бабичева, но Акимов и Топтунов не уходили. Можно только склонить голову перед их мужеством и бесстрашием. Ведь они обрекли себя на верную смерть. И тем не менее все их действия вытекали из ложной первоначальной посылки: реактор цел! Никак не хотели поверить, что реактор разрушен, что вода в него не попадает, а, захватывая с собой ядерную труху, сливается на минусовые отметки, заливая кабельные трассы и высоковольтные распредустройства и создает угрозу обесточивания трех других работающих энергоблоков.

Что-то мешает воде поступать в реактор, догадывался Акимов. Где-то на линии трубопроводов закрыты задвижки... Они проникли с Топтуновым в помещение питательного узла на двадцать четвертой отметке реакторного отделения. Помещение было полуразрушено взрывом В дальнем конце пролом, видно небо, пол залит водой с ядерным топливом, активность до 5 тысяч рентген в час. Сколько может жить и работать человек в таких радиационных полях? Бесспорно, что недолго. Но здесь были сверхдопинговое состояние, необычайная внутренняя собранность, мобилизация всех сил от запоздалого сознания вины, ответственности и долга перед людьми. И

силы откуда-то брались сами собой. Они должны уже были умереть, но они работали!..

А воздух здесь, как и везде вокруг и внутри четвертого энергоблока, был плотным, пульсировал радиоактивным ионизированным газом, насыщенным всем спектром долгоживущих радионуклидов, которые извергал из себя разрушенный реактор.

Они вручную с большим трудом приоткрыли регулирующие клапаны на двух нитках питательного трубопровода, а затем поднялись через завалы на двадцать седьмую отметку и в небольшом трубопроводном помещении, в котором было почти по колено воды с топливом, подорвали (приоткрыли) по две задвижки трехсотки. Было еще по одной задвижке на левой и правой нитках трубопровода, но открыть их сил уже не хватило ни у Акимова и Топтунова, ни у помогавших им Нехаева, Орлова, Ускова...

Предварительно оценивая ситуацию и действия эксплуатационного персонала после взрыва, можно сказать, что безусловный героизм и самоотверженность проявили турбинисты в машинном зале, пожарники на кровле и электрики во главе с заместителем начальника электроцеха Александром Григорьевичем Лелеченко. Эти люди предотвратили развитие катастрофы как внутри, так и снаружи машинного зала и спасли таким образом всю станцию.

Александр Григорьевич Лелеченко, оберегая молодых электриков от лишних хождений в зону высокой радиации, сам трижды ходил в электролизерную, чтобы отключить подачу водорода к аварийным генераторам. Если учесть, что электролизерная находилась рядом с завалом, всюду обломки топлива и реакторного графита, активность достигала от 5 до 15 тысяч рентген в час, можно представить, насколько высоконравственным и героическим был этот пятидесятилетний человек, сознательно прикрывший собою молодые жизни. А потом по колено в высокоактивной воде изучал состояние распредустройств, пытаясь подать напряжение на питательные насосы... Общая экспозиционная доза, им полученная, составила 2500 рад, этого хватило бы на пять смертей. Но, получив в припятской медсанчасти первую помощь (ему влили в вену физраствор), Лелеченко сбежал на блок и работал там еще несколько часов. Умер

он страшной мученической смертью в Киеве.

Бесспорен героизм начальника смены реакторного цеха Валерия Ивановича Перевозченко, наладчика Петра Паламарчука и дозиметриста Николая Горбаченко, бросившихся спасать своих товарищей.

Что же касается действий Акимова, Дятлова и Топтунова и помогавших им, то их работа, полная самоотверженности и бесстрашия, тем не менее была направлена на усугубление аварийной ситуации. Ложная модель, оценка происшедшего: реактор цел, его нужно охлаждать, разрушения произошли от взрыва бака СУЗ в центральном зале, - с одной стороны, несколько успокоила Брюханова и Фомина, которые доложили модель ситуации в Москву и тут же получили ответный приказ непрерывно подавать воду в реактор, охлаждать, - с другой стороны... Временно такой приказ как бы облегчал душу и вроде бы вносил ясность в ситуацию: подавайте воду, и все будет хорошо. Это и определило весь характер действий Акимова, Топтунова, Дятлова, Нехаева, Орлова, Ускова и других, которые сделали все, чтобы включить в работу аварийный питательный насос и подать воду в воображаемый целый и невредимый реактор.

Эта мысль позволила не сойти с ума Брюханову и Фомину, ведь она давала надежду... Но запас воды в деаэраторных баках истощался (всего 480 кубометров). Правда, туда переключили подпитку с химводоочистки, из других запасных баков, тем самым оставив без возможности восполнения утечек три других работающих энергоблока. Там, особенно на соседнем, третьем блоке, сложилась крайне тяжелая ситуация, грозившая потерей охлаждения активной зоны.

Нужно отдать должное начальнику смены блока № 3 Юрию Эдуардовичу Багдасарову, у которого на БЩУ в момент аварии на соседнем блоке оказались и респираторы "лепесток" и таблетки йодистого калия. Как только ухудшилась радиационная обстановка, он всем подчиненным приказал надеть респираторы и принять таблетки. Когда он понял, что всю воду из баков чистого конденсата и с химводоочистки переключили на аварийный блок, он тут же доложил в бункер Фомину, что остановит реактор. Фомин запретил. К утру Багдасаров сам остановил третий блок и перевел реактор в режим

расхолаживания, подпитывая контур циркуляции водой из бассейна-барбатера. Действовал мужественно и в высшей степени профессионально, предотвратив расплавление активной зоны третьего реактора в свою смену...

Тем временем в бункере АБК-1 Брюханов и Фомин непрерывно сидели на телефонах. Брюханов держал связь с Москвой, Фомин - с блочным щитом управления четвертого энергоблока. В Москву в ЦК Марьину, министру Майорцу, начальнику Союзатомэнерго Веретенникову, в Киев министру энергетики Украины Склярору, секретарю обкома Ревенко - тысячи раз повторялась одна и та же модель ситуации: "Реактор цел. Подаем воду в аппарат. Взорвался аварийный бак СУЗ в центральном зале. Взрывом снесло шатер. Радиационная обстановка в пределах нормы. Погиб один человек - Валерий Ходемчук. У Владимира Шашенка стопроцентный ожог. В тяжелом состоянии".

"Радиационная обстановка в пределах нормы..." Подумать только! Конечно, у него были приборы с диапазоном измерений всего на 1000 микрорентген в секунду (это 3,6 рентгена в час) - но кто мешал Брюханову иметь достаточное количество приборов с большим диапазоном измерений? Почему приборы оказались запертыми в каптерку, а те, что были у дозиметристов, неисправными? Почему Брюханов пренебрег докладом начальника гражданской обороны АЭС Соловьева и не передал в Москву и Киев его данные о радиационной обстановке? Здесь, конечно, были и трусость, боязнь ответственности, и - в силу некомпетентности - неверие в возможность такой страшной катастрофы. Да, для него происшедшее было уму непостижимым. Но это лишь объясняет, а не оправдывает его действия.

Из Москвы Брюханову было передано, что организована правительственная комиссия, первая группа специалистов из Москвы вылетит в девять утра.

"Держитесь! Охлаждайте реактор!"

Фомин порою терял самообладание. То впадал в ступор, то начинал голосить, плакать, бить кулаками и лбом о стол, то развивал бурную, лихорадочную деятельность. Звучный баритон его был насыщен предельным напряжением. Он давил на Акимова и Дятлова, требуя непрерывной подачи воды в реактор, бросал на четвертый блок все

новых и новых людей взамен выбывающих из строя.

Когда Дятлова отправили в медсанчасть, Фомин вызвал из дому заместителя главного инженера по эксплуатации первой очереди Анатолия Андреевича Ситникова и сказал; "Ты опытный физик. Определи, в каком состоянии реактор. Ты будешь как бы человек со стороны, не заинтересованный врать. Прошу тебя. Лучше взобраться на крышу блока "В" и заглянуть сверху. А?.."

Ситников пошел навстречу смерти. Он облазил весь реакторный блок, заходил в центральный зал. Уже здесь понял, что реактор разрушен. Но он посчитал это недостаточным. Поднялся на крышу блока "В" (спецхимии) и оттуда посмотрел на реактор с высоты птичьего полета. Картина невообразимого разрушения открылась его взору. Взрывом оторвало монолитный шатер центрального зала, и жалкие остатки прогнувшихся бетонных стен с торчащими во все стороны бесформенными щупальцами арматурин напоминали гигантскую актинию, притаившуюся в ожидании, когда очередная живая душа приблизится к ней, а то и окунется в ее адское ядерное чрево. Ситников отогнал навязчивый образ и, ощущая, как жаркие радиоактивные щупальца лижут ему лицо, руки, обжигая и садня мозг и самое душу, нутро, стал пристально разглядывать то, что осталось от центрального зала. Реактор явно взорвался. Плита верхней биозащиты с торчащими в разные стороны обрывками трубопроводных коммуникаций, пакетов импульсных линий, похоже, была подброшена взрывом и, рухнув назад, наклонно улеглась на шахту реактора. Из раскаленных проемов справа и слева гудел огонь, несло нестерпимым жаром и смрадом. Всего Ситникова, особенно голову, напрямую обстреливало нейтронами и гамма-лучами. Он дышал густым радионуклидным газом, все более ощущая нестерпимое жжение в груди, будто внутри его кто-то разводил костер. Огонь все разгорался, разгорался...

Он схватил не менее полутора тысяч рентген на голову. Облучением поражена была центральная нервная система. В московской клинике у него не привился костный мозг, и, несмотря на все принятые меры, он погиб.

В десять утра Ситников доложил Фомину и Брюханову, что реактор, по

его мнению, разрушен. Но доклад Анатолия Андреевича Ситникова вызвал раздражение и к сведению принят не был. Подача воды в реактор продолжалась.

Как уже говорилось раньше, первыми приняли на себя удар ядерной стихии внутри энергоблока операторы центрального зала Кургуз и Генрих, оператор главных циркуляционных насосов Валерий Ходемчук, наладчик Владимир Шашенок, заместитель начальника турбинного цеха Разим Давлетбаев, машинисты турбины Бражник, Тормозин, Перчук, Новик, Вершинин...

А снаружи энергоблока первыми бесстрашно включились в борьбу с огнем пожарники майора Телятникова. Командир пожарной части Леонид Петрович Телятников был в отпуске и должен был выйти на работу через день. Они как раз с братом справляли его день рождения, когда позвонили из депо. Прибыв на место пожара, Телятников сразу понял, что людей мало и надо просить помощь отовсюду. Приказал лейтенанту Правику передать тревогу по области. Правик по рации передал вызов No 3, по которому все пожарные машины Киевской области должны следовать к атомной станции, где бы они ни находились.

Пожарники Шаврей и Петровский поднялись по механической лестнице на крышу машзала. Там бушевал огненно-дымный шквал. Навстречу им уже шли ребята из шестой части с плохим самочувствием. Помогли им добраться до механической лестницы, а сами бросились к огню... Прищепка подключился к гидранту, и его расчет по пожарной лестнице полез на крышу машзала. Когда влезли, увидели: в ряде мест перекрытие нарушено, некоторые панели упали вниз, другие сильно шатались. Прищепка спустился, чтобы предупредить об этом товарищей. Увидел майора Телятникова. Доложил ему. "Выставить боевой пост дежурства и не покидать до победы", - сказал Телятников.

Так и сделали. С Шавреем и Петровским Прищепка пробыл на крыше машзала до пяти утра. Потом им стало плохо. Вернее, плохо стало почти сразу, но терпели, думали, это от дыма и жары. А к пяти утра стало уж совсем плохо, смертельно плохо. Тогда спустились. Но огонь уже был потушен...

Через пять минут после взрыва на месте аварии был и расчет Андрея Полковникова. Развернул машину, подготовил к тушению. На крышу поднимался два раза, передавал приказ Телятникова, как действовать. Правик прибыл к месту катастрофы первым, поэтому весь его караул был брошен на тушение кровли машзала. Караул Кибенка, прибывшего несколько позже, бросили на реакторное отделение. Там пламя бушевало на разных отметках. В пяти местах горело в центральном зале. На борьбу с этим огнем и бросились Кибенок, Ващук, Игнатенко, Титенок и Тищура. Это была борьба с огнем в ядерном аду. Когда погасили очаги в сепараторных помещениях и в реакторном зале, остался один, последний и самый главный очаг - реактор. Вначале не разобрались, стали гасить из брандспойтов гудящую огнем активную зону. Но вода против ядерной стихии была бессильна. Нейтроны и гамма-лучи водой не загасишь...

Пока не было Телятникова, лейтенант Правик взял на себя общее руководство ликвидацией огня. Сам пошел и разведаль все до мелочей. Неоднократно подходил к реактору, взбирался на крышу блока "В" (семьдесят первая отметка), чтобы увидеть оттуда всю картину и определить тактику борьбы с огнем. Когда появился Телятников, Правик стал его правой рукой, первым помощником.

Надо было остановить огонь на решающих направлениях. Одно отделение Телятников бросил на защиту машзала, два других сдерживали продвижение клокающего огня к соседнему, третьему блоку, а также ликвидировали пожар в центральном зале.

Выслушав доклад Правика, Телятников и сам несколько раз поднимался на семьдесят первую отметку, чтобы лучше рассмотреть направление движения огня. Ведь обстановка менялась каждую минуту. Лава горящего битума, тяжелый ядовитый дым снижали видимость, затрудняли дыхание. Работали под угрозой неожиданных выбросов пламени, внезапных обрушений. Всего в реакторном отделении и на кровле машзала загасили тридцать семь очагов огня.

Дым ел глаза, на сапоги налипал расплавленный битум, каски осыпало черным радиоактивным пеплом горящего графита и керамзита. Леонид Шаврей из подразделения Правика стоял на посту на крыше блока "В", следя за тем, чтобы огонь не перекинулся

дальше. Было страшно жарко. И снаружи и внутри. О радиации никто пока не подозревал. Пожар как пожар, ничего сверхъестественного не замечали. Шаврей даже каску снял. Душно, давит грудь, душит кашель. Но вот один за другим стали выходить из строя люди. Тошнота, рвота, помутнение сознания. В половине четвертого Телятников спустился на блочный щит управления к Акимову. Доложил обстановку на кровле. Сказал, что ребятам что-то дурно становится. Не радиация ли? Попросил дозиметриста. Пришел Горбаченко. Сказал, что радиационная ситуация сложная. Отдал Телятникову своего помощника Пшеничникова.

Пошли через лестнично-лифтовой блок, наверху которого была дверь на крышу. Но дверь оказалась запертой. Взломать не смогли. Спустились на нуль и прошли через улицу. Шли по графиту и топливу. Телятников был уже плох: буро-коричневое лицо, рвота, головная боль. Но он считал, что отравился дымом и перегрелся на пожаре. И все же... Хотелось убедиться поточнее. У Пшеничникова был радиометр на 1000 микрорентген в секунду. Везде, внизу и на крыше, показывал зашкал, но истинной радиационной обстановки дозиметрист определить не мог. Его радиометр показывал всего 4 рентгена в час. На самом же деле на кровле было в разных местах от 2 до 15 тысяч рентген в час. Ведь кровля загорелась от упавших на нее раскаленных графита и топлива. Смешавшись с расплавленным битумом, все это превратилось в высокоактивное ядерное месиво, по которому ходили пожарники.

Внизу, на земле, как я уже говорил, было не лучше. Не только графит и обломки топлива, но и ядерная пыль, выпавшая из облака взрыва, покрыла все ядовитым налетом.

Водитель В.В.Булава рассказывает: "Получил команду пробиться к расположению лейтенанта Хмеля. Приехал. Поставил машину на водоем, включил подачу воды. Машина-то у меня только из ремонта, вся новехонькая, пахнет свежей краской. Скаты на колесах тоже новые. Только при подъезде к блоку слышу, стучит что-то о правое переднее крыло. Выскочил посмотреть. Так оно и есть - арматурина проткнула шину, торчит из колеса и цепляет за крыло. Ну, туды твою растуды, такая обида, прямо до слез. Только из ремонта, такая

жалость. Но пока ставил машину на водоем, некогда было. А потом включил насосы, сел в кабину, а эта железяка никак из головы не идет. Прямо сижу и вижу, как она в живую шину воткнулась и торжествует себе. Нет, думаю, не потерплю я такого. Вылез из машины и выдернул ее, чертяку. Не поддавалась. Повозиться пришлось. А в итоге с глубокими радиационными ожогами рук попал в московскую клинику. Знал бы, рукавицы надел. Такие дела.."

Первыми вышли из строя пожарные Кибенка вместе со своим командиром. В первой группе пострадавших был и лейтенант Правик. К пяти утра пожар погасили. Но победа далась дорогой ценой. Семнадцать пожарных, среди них Кибенок, Правик, Телятников, были отправлены в медсанчасть, а вечером того же дня в Москву. Всего из Чернобыля и других районов Киевской области на помощь к месту аварии прибыло пятьдесят пожарных машин. Но основная работа была уже выполнена.

В ту роковую и героическую ночь на "скорой помощи" припятской медсанчасти дежурил врач-педиатр Валентин Белоконь. Работали двумя бригадами с фельдшером Александром Скачком. Белоконь был на вызове у больного, когда позвонили с АЭС. На АЭС выехал фельдшер Скачок. В 1 час 42 минуты Скачок позвонил и сказал, что на станции пожар, есть обожженные, нужен врач. Белоконь выехал с шофером Гумаровым. Взяли еще две резервные машины. По дороге навстречу им проскочила машина Скачка с включенной мигалкой. Как потом выяснилось, он вез Володю Шашенка.

Забитую дверь здравпункта взломали. Несколько раз Белоконь подъезжал к третьему и четвертому блокам. Ходил по графиту и топливу. С крыши сползали уже в очень плохом состоянии Титенок, Игнатенко, Тищура, Ващук. Оказывал первую помощь - в основном успокаивающие уколы - и отправлял в медсанчасть. Последними из огня вышли Правик, Кибенок, Телятников. К шести утра Белоконь тоже почувствовал себя плохо и был доставлен в медсанчасть.

Первое, что бросилось в глаза, когда увидел пожарников, их страшное возбуждение, на пределе нервов. Такого не наблюдал раньше. Потому и успокаивающее колот им. А это, как выяснилось потом, было

ядерное бешенство нервной системы, ложный свертонус, который сменился затем глубокой депрессией...

Свидетельствует Геннадий Александрович Шашарин, бывший заместитель министра энергетики и электрификации СССР: "Я находился в момент взрыва в Ялте в санатории. Отдыхали вместе с женой. В три часа ночи 26 апреля 1986 года в номере раздался телефонный звонок. Звонили из ялтинского отдела, сказали, что на Чернобыльской АЭС серьезное ЧП, что я назначен председателем правительственной комиссии и мне срочно надлежит вылететь в Припять на место аварии. Быстро оделся, пошел к дежурному администратору и попросил соединить меня с ВПО Союзатомэнерго в Москве. Г.А.Веретенников был уже на месте (около четырех утра). Я его спросил: "Аварийную защиту сбросили? Вода подается?" "Да", - ответил Веретенников.

Затем администратор санатория принесла мне телекс за подписью министра Майорца. В телексе уже значилось, что председателем правительственной комиссии назначен зампред Совмина СССР Борис Евдокимович Щербина и что мне тоже надо быть в Припяти 26 апреля. Вылетать немедленно.

В Симферополь прибыл в начале десятого. Вылет на Киев ожидался в 11 часов 00 минут, и я посетил обком партии. Там ничего толком не знали. Высказали беспокойство относительно строительства АЭС в Крыму. Прилетел в Киев около 13 часов. Министр энергетики Украины Склярков сказал мне, что с часу на час подлетит Майорец с командой, надо ждать..."

Дальше рассказ поведет Виктор Григорьевич Смагин - начальник смены блока No 4: "Я должен был менять Александра Акимова в восемь утра 26 апреля 1986 года. Спал ночью крепко, взрывов не слышал. Проснулся в семь утра и вышел на балкон покурить. С четырнадцатого этажа у меня хорошо видна атомная станция. Посмотрел в ту сторону и сразу понял, что центральный зал моего родного четвертого блока разрушен. Над блоком огонь и дым. Понял, что дело дрянь. Бросился к телефону, чтобы позвонить на БЩУ, но

связь уже была отрублена. Чтобы не утекала информация. Собрался уходить. Приказал жене плотно закрыть окна и двери. Детей из дому не выпускать. Самой тоже не выходить. Сидеть дома до моего возвращения...

Побежал на улицу к стоянке автобуса. Но автобус не подходил. Вскоре подали "рафик", сказали, что отвезут не ко второй проходной, как обычно, а к первому блоку. Там все уже было оцеплено милицией. Прапорщики не пропускали. Тогда я показал свой круглосуточный пропуск руководящего оперативного персонала, и меня неохотно, но пропустили. Около АБК-1 встретил заместителей Брюханова Гундара и Царенко, которые направлялись в бункер. Они сказали мне: "Иди, Витя, на БЦУ-4, смени Бабичева. Он менял Акимова в шесть утра, наверное, уже схватил... Не забудь переодеться в стекляшке..."

Раз переодеваться здесь, сообразил я значит, на АБК-2 радиация. Поднялся в стекляшку (конференц-зал). Там навалом одежды: комбинезоны, бахилы, "лепестки". Пока переодевался, сквозь стекло видел генерала МВД (это был зам министра внутренних дел Украины Бердов), который проследовал в кабинет Брюханова. Я быстро переоделся, не зная еще, что с блока вернусь уже в медсанчасть с сильным ядерным загаром и с дозой в 280 рад. Но сейчас я торопился, надел костюм х/б, бахилы, чепец, "лепесток-200" и побежал по длинному коридору деаэрационной этажерки (общая для всех четырех блоков) в сторону БЦУ-4. В помещении вычислительной машины "Скала" - провал, с потолка на шкафы с аппаратурой льется вода. Тогда еще не знал, что вода сильно радиоактивная. В помещении никого. Юру Бадаева, видать, уже увезли. Пошел дальше. В помещении щита дозиметрии уже хозяйничал зам начальника службы РБ Красножон. Горбаченки не было. Стало быть, тоже увезли или где-нибудь ходит по блоку. Был в помещении и начальник ночной смены дозиметристов Самойленко. Красножон и Самойленко крыли друг друга матом. Я прислушался и понял, что матерятся из-за того, что не могут определить радиационную обстановку. Самойленко давит на то, что радиация огромная, а Красножон - что можно работать пять часов из расчета 25 бэр.

"Сколько работать, мужики?" - спросил я, прервав их перепалку.

"Фон - тысяча микрорентген в секунду, то есть три и шесть десятых рентгена в час. Работать пять часов из расчета набора двадцать пять бэр!"

"Брехня все это", - резюмировал Самойленко. Красножон снова взбеленился.

"Что ж, у вас других радиометров нет?" - спросил я.

"Есть в каптерке, но ее завалило взрывом,- сказал Красножон. Начальство не предвидело такой аварии..." "А вы что - не начальники?" - подумал я и пошел дальше.

Все стекла в коридоре деаэрационной этажерки были выбиты взрывом. Очень остро пахло озоном. Организм ощущал сильную радиацию. А говорят, нет органов чувств таких. Видать, все же что-то есть. В груди появилось неприятное ощущение - самопроизвольное паническое чувство, но я контролировал себя и держал в руках. Было уже светло, и в окно хорошо был виден завал. Весь асфальт вокруг усыпан чем-то черным. Присмотрелся - так это же реакторный графит! Ничего себе! Понял, что с реактором дело швах. Но до сознания еще не доходила вся реальность случившегося.

Вошел в помещение блочного щита управления. Там были Бабичев Владимир Николаевич и заместитель главного инженера по науке Михаил Алексеевич Лютов. Он сидел за столом начальника смены блока. Я сказал Бабичеву, что пришел его менять. Было 7 часов 40 минут утра. Бабичев сказал, что заступил на смену полтора часа назад и чувствует себя нормально. В таких случаях прибывшая смена поступает под команду работающей вахты.

"Акимов и Топтунов еще на блоке, - сказал Бабичев, - открывают задвижки. Иди, Виктор, смени их. Они плохи..."

Зам главного инженера по науке Лютов сидел и, обхватив голову руками, тупо повторял:

"Скажите мне, парни, температуру графита в реакторе... Скажите, и я вам все объясню..."

"О каком графите вы спрашиваете, Михаил Алексеевич? - удивился я. - Почти весь графит на земле. Посмотрите... На дворе уже светло. Я только что видел..."

"Да ты что?! - испуганно и недоверчиво спросил Лютов. - В голове не

укладывается такое..."

"Пойдемте посмотрим".

Мы вышли с ним в коридор деаэрационной этажерки и вошли в помещение резервного пульта управления, оно ближе к завалу. Там тоже взрывом выбило стекла. Они трещали и взвизгивали под ногами. Насыщенный долгоживущими радионуклидами воздух был густым и жалящим. От завала напрямую обстреливало гамма-лучами с интенсивностью до 15 тысяч рентген в час. Но тогда я об этом не знал. Жгло веки, горло, перехватывало дыхание. От лица шел внутренний жар, кожу сушило, стягивало.

"Вот смотрите: кругом черно от графита..."

"Разве это графит?" – не верил своим глазам Лютов.

"А что же это? - с возмущением воскликнул я, а сам в глубине души тоже не хочу верить в то, что вижу. Но я уже понял, что благодаря лжи зря гибнут люди, пора сознаться себе во всем. Со злым упорством, разгоряченный радиацией, продолжаю доказывать Лютову: - Смотрите! Графитовые блоки. Ясно ведь различимо. Вон блок с "папой" (выступом), а вон с "мамой" (углублением). И дырки посередине для технологического канала. Неужто не видите?"

"Да вижу... Но графит ли это?" - продолжал сомневаться Лютов. Эта слепота в людях меня всегда доводила до бешенства. Видеть только то, что выгодно тебе. Да это ж погибель!

"А что же это?!" - уже начал орать я на начальника.

"Сколько же его тут?"- очухался наконец Лютов.

"Здесь не все. Если выбросило, то во все стороны. Но, видать, не все. Я дома в семь утра с балкона видел огонь и дым из пола центрального зала..."

Они вернулись в помещение БЦУ. Здесь тоже здорово пахло радиоактивностью, и Смагин поймал себя на том, что словно впервые видит родной БЦУ-4, его панели, приборы, щиты, дисплеи. Все мертво. Стрелки показывающих приборов застыли на зашкале или нуле. Молчала машина ДРЭГ системы "Скала", выдававшая во время работы блока непрерывную распечатку параметров. Все эти диаграммы и распечатки ждут теперь своего часа. На них застыли кривые технологического процесса, цифры - немые свидетели атомной

трагедии. Скоро их вырежут и как величайшую драгоценность увезут в Москву для осмысления происшедшего. Туда же уйдут оперативные журналы с БЩУ и со всех рабочих мест. Потом все это назовут "мешок с бумагами", а пока... Только двести одиннадцать круглых сельсинов-указателей положения поглощающих стержней живо выделялись на общем мертвом фоне щитов, освещенные изнутри аварийными лампами подсветки шкал. Стрелки сельсинов застыли в положении два с половиной метра, не дойдя до низа четыре с половиной метра...

Смагин побежал по лестнично-лифтовому блоку вверх сменить Топтунова и Акимова. По дороге встретил Толю Ситникова. Он был плох, преодолевая слабость, сказал: "Я все посмотрел... По заданию Фомина и Брюханова был в центральном зале, на крыше блока "В". Там много графита и топлива. Я заглянул сверху в реактор... По-моему, он разрушен. Гудит огнем..." Шатаясь, он пошел вниз, а Смагин побежал вверх.

Акимов и Топтунов, отекавшие, темно-буро-коричневые, с трудом говорили. Испытывали тяжкие страдания и одновременное ощущение недоумения и вины. "Ничего не пойму, - Акимов еле ворочал распухшим языком, - мы все делали правильно... Почему же... Ой, плохо, Витя. Мы доходим. Открыли, кажется, все задвижки по ходу. Проверь третью на каждой нитке..."

Странно, но абсолютное большинство эксплуатационников, и Смагин в том числе, выдавали в эти несусветные часы желаемое за действительное. "Реактор цел!" - эта спасительная, облегчающая душу мысль околдовывала многих здесь, в Припяти, в Киеве да и в Москве, из которой неслись все более жесткие и настойчивые приказы: подавать воду в реактор! Приказы вселяли уверенность, придавали сил там, где им уже по всем биологическим законам не полагалось быть...

Трубопровод в 712-м помещении был полузатоплен. От этой воды светило около 1000 рентген в час. Все задвижки обесточены. Крутить надо вручную. Акимов и Топтунов крутили несколько часов, добирали роковые дозы. Вода, не попадая в реактор, заливала кабельные этажи, усугубляя аварию... Смагин принялся за третьи задвижки по ходу, но и они оказались подорванными. Стал открывать дальше.

Находился в помещении около двадцати минут и схватил дозу в 280 рад.

Спустился на блочный щит управления, сменил Бабичева. Со Смагиным на БЩУ находились старшие инженеры управления блоком Гашимов и Бреус, СИУР Саша Черанев, его дублер Бакаев, начальник смены реакторного цеха Камышный. Он бегал по блоку, в основном по деаэрационной этажерке, чтобы отсечь левых два деаэрационных бака, из которых вода поступала на разрушенный аварийный питательный насос. Однако отсечь не удавалось. После взрыва деаэрационная этажерка отошла от монолита примерно на полметра, порвав штоковые проходки. Управлять задвижками даже вручную стало невозможно. Пытались восстановить, надставить, но высокие гамма-поля не позволили это сделать. Люди выходили из строя. Камышному помогали старший машинист турбины Ковалев и слесарь Козленко.

К девяти утра остановился работающий аварийный питательный насос, и слава богу. Перестали заливать низы. Кончилась вода в деаэраторах. Смагин держал связь с Фоминым и Брюхановым, они с Москвой. В Москву уходил доклад: "Подаем воду!" Оттуда приходил приказ: "Не прекращать подачу воды!" А вода-то и кончилась. Фомин лихорадочно искал выход. Наконец придумал. Послал зама главного инженера по новым блокам Леонида Константиновича Водолажко и начальника смены блока Бабичева, чтобы организовали подачу воды в баки чистого конденсата, а затем аварийными насосами снова подавали в реактор. К счастью, эта авантюра Фомина не увенчалась успехом.

Днем 26 апреля новые пожарные расчеты, прибывшие в Припять, будут откачивать воду с топливом из кабельных полуэтажей АЭС и перекачивать ее в пруд-охладитель, в котором активность воды на всей площади достигнет шестой степени кюри на литр, то есть будет равна активности воды основного контура во время работы атомного реактора.

В медсанчасть уже доставили более ста человек. Пора было образумиться. Но нет - безумие Брюханова и Фомина продолжалось: "Реактор цел! Лить воду в реактор!"

Однако в недрах души Брюханов, видимо, все же принял к сведению

информацию Ситникова и Соловьева и запросил у Москвы "добро" на эвакуацию Припяти. Но от Щербины, с которым его референт Л.П.Драч связался по телефону (Щербина был в это время в Барнауле), поступил четкий приказ: панику не поднимать. А тем временем город атомных энергетиков Припять просыпался. Почти все дети пошли в школу...

Свидетельствует Людмила Александровна Харитонова, старший инженер производственно-распорядительного отдела управления строительства Чернобыльской АЭС: "В субботу 26 апреля 1986 года все уже готовились к празднику 1 Мая. Теплый погожий день. Весна. Цветут сады. Мой муж, начальник участка наладки вентиляции, собирался после работы поехать с детьми на дачу. Я с утра постирала и развесила на балконе белье. К вечеру на нем уже накопились миллионы распадов.

Среди большинства строителей и монтажников никто еще ничего не знал. Потом просочилось что-то об аварии и пожаре на четвертом энергоблоке. Но что именно произошло, никто толком не знал.

Дети пошли в школу, малыши играли на улице в песочницах, катались на велосипедах. У всех у них к вечеру 26 апреля в волосах и на одежде была уже высокая активность, но тогда мы этого не знали. Недалеко от нас на улице продавали вкусные пончики. Обычный выходной день.

Рабочие-строители поехали на работу, но их вскоре вернули, часам к двенадцати дня. Муж тоже ездил на работу и, вернувшись, сказал: "Авария, не пускают. Оцепили станцию..."

Мы решили поехать на дачу, но нас за город не пустили посты милиции. Вернулись домой. Странно, но аварию мы еще воспринимали как нечто отдельное от нашей частной жизни. Ведь аварии были и раньше, но они касались только самой станции...

После обеда начали мыть город. Но и это не привлекло внимания. Явление обычное в жаркий летний день. Моечные машины летом не диво. Обычная мирная обстановка. Я только обратила как-то вскользь внимание на белую пену у обочин, но не придавала этому значения. Подумала, сильный напор воды.

Группа соседских ребят ездила на велосипедах на путепровод (мост), оттуда хорошо был виден аварийный блок со стороны станции Янов. Это, как мы позже узнали, было наиболее радиоактивное место в городе, потому что там прошло облако ядерного выброса. Но это стало ясно потом, а тогда, утром 26 апреля, ребятам было просто интересно смотреть, как горит реактор. У этих детей развилась потом тяжелая лучевая болезнь.

После обеда наши дети вернулись из школы. Их там предупредили, чтоб не выходили на улицу, чтобы делали влажную приборку дома. Тогда до сознания впервые дошло, что серьезно. Об аварии разные люди узнавали в разное время, но к вечеру 26 апреля знали почти все, но все равно реакция была спокойная, так как все магазины, школы, учреждения работали. Значит, думали мы, не так опасно.

Ближе к вечеру стало тревожнее. Эта тревога шла уже неизвестно откуда, то ли изнутри души, то ли из воздуха, в котором стал сильно ощущаться металлический запах. Какой он, даже не могу точно сказать. Но металлический... Вечером загорелось сильнее. Сказали, горит графит. Люди издалека видели пожар, но не обращали особого внимания. "Горит что-то..." - "Пожарники потушили..." - "Все равно горит"..."

На промплощадке в трехстах метрах от разрушенного энергоблока, в конторе Гидроэлектромонтажа сторож Данила Терентьевич Мируженко дождался восьми утра, и поскольку начальник управления на его звонки не отвечал, решил пойти за полтора километра в управление строительства и доложить там начальнику стройки В.Т.Кизиме или диспетчеру о том, что видел ночью. Менять его утром никто не пришел. Никто также не позвонил ему, что предпринять. Тогда он закрыл на замок контору и пошел пешком в управление строительства. Чувствовал он себя уже очень плохо. Началась рвота. В зеркало увидел, что сильно загорел за ночь без солнца. К тому же, направляясь к управлению строительства, он некоторое время шел по следу ядерного выброса. Подошел к управлению, а там закрыто. Никого нет Суббота все-таки. Возле крыльца стоит какой-то незнакомый мужик. Увидел Мируженко и сказал: "Иди, дед, скорей в

медсанчасть. Ты совсем плохой". Мируженко кое-как доковылял до медсанчасти...

На пятый энергоблок утром 26 апреля выехала бригада рабочих-строителей. Туда же приехал начальник стройки Василий Трофимович Кизима, бесстрашный, мужественный человек. Перед этим он на машине осмотрел завал вокруг четвертого блока. Никаких дозиметров у него не было, и он не знал, сколько схватил. Рассказывал мне потом: "Догадывался, конечно, уж очень сушило грудь, жгло глаза. Не зря ведь, думаю, жжет. Наверняка Брюханов выплюнул радиацию... Осмотрел завал, поехал на пятый блок. Рабочие ко мне с вопросами: сколько работать? какая активность? Требуют льготы за вредность. Всех, и меня тоже, душит кашель. Протестует организм против плутония, цезия и стронция. А тут еще йод-131 в щитовидку набился. Душит. Респираторов ведь ни у кого нет. И таблеток йодистого калия тоже нет. Звоню Брюханову. Справляюсь о ситуации. Брюханов ответил: "Изучаем обстановку". Ближе к обеду снова позвонил ему. Он опять изучал обстановку. Я строитель, не атомщик, и то понял, что товарищ Брюханов обстановкой не владеет. В двенадцать часов дня я отпустил рабочих по домам. Ждать дальнейших указаний руководства..."

Свидетельствует Владимир Павлович Волошко, председатель Припятского горисполкома: "...Весь день 26 апреля Брюханов был невменяемый, какой-то потерявший себя. Фомин, так тот вообще с перерывами между отдачей распоряжений плакал, куда делась самоуверенность. Оба более-менее пришли в себя к вечеру, к приезду Щербины. Будто тот мог привезти с собой спасение... Послали на полторы тысячи рентген Ситникова, отличного физика! И его же не послушали, когда он доложил, что реактор разрушен. Из 5,5 тысячи человек эксплуатационного персонала 4 тысячи исчезли в первый же день в неизвестном направлении..."

В 9 часов утра 26 апреля на связь с управлением строительства Чернобыльской АЭС вышла дежурная Союзатомэнергостроя из Москвы

Л.В.Еремеева. В Припяти трубку поднял главный инженер стройки Земсков. Еремеева попросила у него данные за сутки. "Вы уж нас не беспокойте сегодня. У нас тут небольшая авария", - ответил Земсков, только что добросовестно обошедший аварийный блок и сильно облучившийся.

В 9.00 утра 26 апреля из московского аэропорта Быково вылетел спецрейсом самолет "ЯК-40". На борту самолета находилась первая оперативная межведомственная группа специалистов в составе главного инженера ВПО Союзатомэнерго Б.Я.Прушинского, заместителя начальника того же объединения Е.И.Игнатенко, заместителя начальника института Гидропроект В.С.Конвиза (генпроектант станции), представителей НИКИЭТ (главного конструктора реактора РБМК) К.К.Полушкина и Ю.Н.Черкашова, представителя Института атомной энергии имени И.В Курчатова Е.П.Рязанцева и других.

В 10.45 аварийная оперативная группа была уже в Киеве. Еще через два часа машины подкатили к горкому партии Припяти. Необходимо было как можно быстрее ознакомиться с истинным положением дел, чтобы к прилету членов правительственной комиссии иметь достоверную информацию для доклада.

Прежде всего - проехать к аварийному блоку и посмотреть все своими глазами. Еще лучше осмотреть блок с воздуха. Выяснилось: поблизости есть вертолет гражданской обороны, приземлившийся недалеко от путепровода, что возле станции Янов. Какое-то время ушло на поиски бинокля и фотографа с фотоаппаратом. Бинокль так и не нашли, фотографа нашли. Через час-полтора после приезда вертолет "МИ-6" поднялся в воздух. На борту находились фотограф, главный инженер ВПО Союзатомэнерго Б.Я.Прушинский и представитель главного конструктора реактора К.К.Полушкин. Дозиметр был только у пилота, что позволило потом узнать поглощенную дозу радиации.

Подлетали со стороны бетоносмесительного узла и города Припяти. Высота четыреста метров. Снизилась до двухсот пятидесяти, чтобы лучше рассмотреть. Картина удручающая. Сплошной развал, нет

центрального зала. Блок неузнаваем. "Зависните здесь", - попросил Прушинский. На крыше блока ВСРО (вспомогательных систем реакторного отделения) вплотную к стене блока "В" (спецхимии) видны навалы погнутых балок, светлых осколков панелей стен и перекрытий, сверкающих на солнце нержавеющей труб, черных кусков графита и покореженных, рыжих от коррозии топливных сборок. Особенно скученный завал топлива и графита около квадратной венттрубы, выступающей из крыши ВСРО и вплотную примыкающей к стене блока "В". Далее - завал из изуродованных трубопроводов, битых армоконструкций, оборудования, топлива и графита поднимался наклонно от самой земли (захватив на земле поверхность по радиусу около ста метров), от бывшей стены помещения главных циркуляционных насосов по ряду "Т", внутри разрушенного помещения ТЦН, торцевая стена которого со стороны видневшегося справа здания ХЖТО (хранилища жидких и твердых отходов) чудом уцелела.

Именно здесь, под этим завалом, похоронен Валерий Ходемчук, именно здесь, поглощая смертельную дозу радиации, начальник смены реакторного цеха Перевозченко искал своего подчиненного, карабкаясь в темноте по нагромождениям строительных конструкций и оборудования и пронзительно выкрикивая пересохшим и стянутым радиацией горлом: "Валера! Откликнись! Я здесь! Откликнись!.."

Всего этого Прушинский и Полушкин не знали и знать не могли. Но, потрясенные, понимая, что произошло не просто разрушение, а нечто гораздо большее и страшное, впитывали до мельчайших деталей открывшуюся перед ними картину беды. Кругом на голубом от солнца асфальте и на крыше ХЖТО видны густо-черные куски графита и даже целые пакеты графитовых блоков. Графита очень много, черно от графита...

Прушинский и Полушкин оторопело смотрели на всю эту невообразимую разруху. То, что они видели сейчас въяве, представлялось, проигрывалось раньше только в воображении. Но, конечно, много бледнее, и проще, и большей частью чисто теоретически. Оба ловили себя на том, что не хочется смотреть на все это, будто это их совсем не касается, а касается каких-то других,

чужих людей. Но это касалось их, их! И обжигал стыд, что приходится видеть такое. Они как бы отталкивались от смрадной картины разрушения. Ох, не глядеть бы на все это! Но надо! На-адо!..

Такое впечатление, что помещение главных циркуляционных насосов разрушено взрывом изнутри. Но сколько же было взрывов?! В завале, что поднимался наклонно от земли вплоть до пола бывшего сепараторного помещения, видны толстые длинные трубы, похоже, коллекторы. Один почти на земле, другой значительно выше, оперт верхним концом о длинную трубу опускного трубопровода. Стало быть, взрывом трубопровод выбросило из шахты прочноплотного бокса. Далее, на полу, если бесформенные нагромождения можно назвать полом, на отметке плюс тридцать два - сдвинутые с мертвых опор стотридцатитонные барабаны-сепараторы, весело поблескивающие на солнце, восемь штук сильно погнутых трубопроводов обвязки, навал всякого хлама, свисающие консолями куски бетонных панелей перекрытий и стен. Стены сепараторного помещения снесены за исключением уцелевшего огрызка со стороны центрального зала. Между огрызком стены и завалом - зияющий чернотой прямоугольный провал в шахту прочноплотного бокса или в помещение верхних коммуникаций реактора. Похоже, что часть оборудования и трубопроводов выдуло взрывом оттуда. То есть оттуда тоже был взрыв, поэтому там чисто, ничего не торчит...

Прушинский невольно вспомнил новенький после монтажа основной контур - святая святых технологии. А теперь... Там, где центральный зал примыкает к деаэрационной этажерке, остаток торцевой стены пониже. Торцевая стена реакторного зала по ряду "Т" уцелела примерно до отметки плюс пятьдесят один (до основания аварийного бака СУЗ). Именно в этом баке, по докладу Брюханова, произошел взрыв гремучей смеси, разрушивший центральный зал. Ну, а как же тогда помещения главных циркуляционных насосов, барабан-сепараторные, прочноплотный бокс? Что разрушило их?.. Нет! Доклад Брюханова ошибочен, если не лжив.

А на земле вокруг завала черные россыпи графитовой кладки реактора. Глаза невольно снова и снова смотрят туда. Ведь раз графит на земле, значит... Не хотелось сознаваться себе в простой и

очевидной теперь мысли: реактор разрушен. Ведь за этим признанием сразу встает огромная ответственность перед людьми. Нет... Перед миллионами людей. Перед всей планетой Земля. И невообразимая человеческая трагедия. Лучше просто смотреть. Не думая, впитывать в себя этот кошмар агонизирующего, смердящего радиацией атомного блока.

Стена блока "В" со стороны ВСРО торчит неровными сколами. На крыше блока "В" четко видны куски графитовой кладки реактора, квадратные блоки с дырками посередине. Тут ошибиться невозможно. Совсем близко от крыши блока "В" завис вертолет, каких-нибудь полторы сотни метров. Солнце в зените. Четкое, контрастное освещение. Ни облачка на небе. Ближе к торцевой стене блока "В" графит навален горой. Куски графита равномерно разбросаны и на кровле центрального зала третьего энергоблока, и на кровле блока "В", из которой торчит белая с красными полосами вентиляционная труба. Графит и топливо видны и на смотровых площадках венттрубы. То-то, видать, "светят" во все стороны эти радиоактивные "фонари". А вот и крыша деаэраторной этажерки, где семь часов назад пожарники майора Телятникова завершили борьбу с огнем...

Будто изнутри разворочена плоская крыша машинного зала, торчит искореженная арматура, порванные металлические решетки, черные обгорелости. Поблескивают на солнце застывшие ручейки битума, в котором ночью пожарные увязали по колено. На уцелевших участках крыши длинные, беспорядочно переплетенные рукава и бухты пожарных шлангов. У торцевой стены машзала, по углам вдоль рядов "А" и "Б" и вдоль напорного бассейна видны брошенные людьми и теперь сильно радиоактивные красные коробочки пожарных машин - немые свидетели трагической борьбы хрупких людей с видимой и невидимой стихией.

Далее справа - простирающееся вдаль водохранилище пруда-охладителя, на золотых песчаных берегах детскими сандаликами лежат лодки, катера и впереди - пустая гладь пока еще чистой воды... От строящегося пятого энергоблока кучками и поодиночке уходят не успевшие уйти люди. Это рабочие, которых давно уже отпустил домой начальник стройки Кизима, так и не добившийся от Брюханова

правды. Все они пройдут по следу радиоактивного выброса, все получат свою дозу и унесут на подошвах домой к детям страшную грязь.

"Зависните прямо над реактором, - попросил пилота Прушинский. - Так! Стоп! Снимайте!" Фотограф сделал несколько снимков. Открыв дверь, смотрели вниз. Вертолет находился в восходящем потоке радиоактивного выброса. Все на вертолете без респираторов. Радиометра нет. Внизу черный прямоугольник бассейна выдержки отработавшего топлива. Воды в нем не видно.

"Топливо в бассейне расплавится", - подумал Прушинский. Реактор... Вот оно - круглое око реакторной шахты. Оно будто прищурено. Огромное веко верхней биозащиты реактора развернуто и раскалено до ярко-вишневого цвета, Из прищура вырывались пламя и дым, Казалось, будто зреет и вот-вот лопнет гигантский ячмень... "Десять бэр, сказал пилот, глянув в окуляр оптического дозиметра. Сегодня еще не раз придется..." "Отход!" - приказал Прушинский. Вертолет сполз с центрального зала и взял курс на Припять.

"Да, ребятки, это конец", - задумчиво сказал представитель главного конструктора Константин Полушкин.

Свидетельствует Любовь Николаевна Акимова, жена Александра Акимова: "Мой муж был очень симпатичный, общительный человек. Легко сходилась с людьми, но без фамильярности. Вообще жизнерадостный, обязательный человек. Активный общественник. Был членом Припятского горкома. Очень любил своих сыновей. Заботливый был. Увлекался охотой, особенно когда стал работать на блоке и мы купили машину.

Мы ведь приехали в Припять в 1976 году, после окончания Московского энергетического института. Работали вначале в группе рабочего проектирования Гидропроекта. В 1979 году муж перешел работать на эксплуатацию. Работал старшим инженером управления турбиной, старшим инженером управления блоком, начальником смены турбинного цеха, заместителем начальника смены блока. В январе 1986 года стал начальником смены блока. В этой должности его застала авария.

Утром 26 апреля он не вернулся домой с работы. Я позвонила к нему на БЩУ-4, но телефон не отвечал. Я звонила еще Брюханову, Фомину, Дятлову. Но телефоны не отвечали. Уже значительно позже я узнала, что телефоны отключили. Я очень волновалась. Всю первую половину дня бегала, всех спрашивала, искала мужа. Уже все знали, что авария, и меня охватила еще большая тревога. Бегала в горисполком к Волошке, в горком партии к Гаманюку. Наконец, расспросив многих, узнала, что он в медсанчасти. Я бросилась туда. Но меня к нему не пустили. Сказали, что он сейчас под капельницей. Я не уходила, подошла к окну его палаты. Вскоре он подошел к окну. Лицо бурокоричневое. Увидев меня, он засмеялся, был перевозбужденный, успокаивал меня, спрашивал через стекло о сыновьях. Мне показалось, что он в это время как-то особенно радовался, что у него сыновья. Сказал, чтобы я не выпускала их на улицу. Он был даже веселый, и я немного успокоилась".

Свидетельствует Геннадий Николаевич Петров, бывший начальник отдела оборудования Южатоэнергомонтажа: "Проснулись часов в десять утра 26 апреля. День как день. На полу теплые солнечные зайчики, в окнах синее небо. На душе хорошо, приехал домой, отдохну. Вышел на балкон покурить. На улице уже полно ребят. Малыши играют в песке, строят домики, лепят пирожки. Постарше гоняют на великах. Молодые мамы гуляют с детскими колясками. Жизнь как жизнь. И вдруг вспомнил ночь, как подъехал к блоку. Тревогу и страх ощутил. Сейчас вспоминаю – и недоумение. Как это может быть? Все обычно и в то же время - все страшно радиоактивно. Запоздалая брезгливость в душе к невидимой грязи, потому что нормальная жизнь. Глаза видят: все чисто, - а на самом деле все грязно. В уме не укладывается.

К обеду стало веселое настроение. И воздух стал ощущаться острее. Металл не металл в воздухе, а так, что-то остренькое, и во рту возле зубов кисленько, будто батарейку слабенькую языком пробуешь... Сосед наш Михаил Васильевич Метелев, электромонтажник с ГЭМа, часов в одиннадцать полез на крышу и лег там в плавках загорать. Потом один раз спускался попить, говорит, загар сегодня отлично

пристает, просто как никогда. От кожи сразу, говорит, паленым запахло. И бодрит очень, будто пропустил стопарик. Приглашал меня, но я не пошел. Говорит, никакого пляжа не надо. И хорошо видно, как реактор горит, четко так на фоне синего неба.

А в воздухе в это время, как я потом узнал, было уже до тысячи миллибэр в час. И плутоний, и цезий, и стронций. А уж йоду-131 больше всего, и в щитовидки он набился туго к вечеру. У всех - у детей, у взрослых... Но мы тогда ничего не знали. Мы жили обычной и, теперь я понимаю, радостной человеческой жизнью.

К вечеру у соседа, что загорал на крыше, началась сильная рвота, и его увезли в медсанчасть. А потом, кажется, в Москву. Или в Киев. Не знаю точно. Но это воспринялось как бы отдельно. Потому что обычный летний день, солнце, синее небо, теплынь. Бывает же: кто-то заболел, кого-то увезла "скорая"...

А так во всем был обыкновенный день. Я уже потом, когда все сказали, вспоминал ту ночь, когда подъехал к блоку. Рытвины на дороге в свете фар вспомнил, покрытый цементной пылью бетонный завод. Запомнилось почему-то. И думаю: странно, и рытвина эта радиоактивная - обычная ведь рытвина, и весь этот бетонный завод, и все - все - и небо, и луна, и кровь, и мозг, и мысли человеческие. Все..."

Свидетельствует Л. А. Харитонов: "Еще 26 апреля во второй половине дня некоторых, в частности детей в школе, предупреждали, чтобы не выходили из дома. Но большинство не обращало на это внимания. Ближе к вечеру стало понятно, что тревога обоснованная. Люди ходили друг к другу, делились опасениями. Говорят, некоторые дезактивировались спиртным, поскольку ничего другого не было. Не знаю, я не видела. Но Припять была очень оживленная, бурлила людьми, будто готовилась к какому-то огромному карнавалу. Конечно, на носу были майские праздники. Но перевозбуждение людей бросалось в глаза..."

Тем временем в Москве в аэропорту Быково готовились к вылету члены правительственной комиссии. Летели: старший помощник

генерального прокурора Ю.Н.Шадрин, министр энергетики и электрификации СССР А.И.Майорец, заведующий сектором атомной энергетики ЦК КПСС В.В.Марьин, заместитель министра энергетики А.Н.Семенов, первый заместитель министра среднего машиностроения А.Г.Мешков, начальник Союзатомэнергостроя М.С.Цвирко, заместитель начальника Союзэнергомонтажа В.А.Шевелкин, референт Щербины Л.П.Драч, заместитель министра здравоохранения СССР Е.И.Воробьев, представитель Минздрава СССР В.Д.Туровский и другие. В салоне "ЯК-40" уселись друг против друга на красные диваны. Марьин делился мыслями с членами комиссии:

- Главное, что меня обрадовало: выдержал атомный реактор! Молодец Доллежал! Брюханов разбудил меня звонком в три ночи и сказал: страшная авария, но реактор цел. Подаем непрерывно охлаждающую воду...

- Я думаю, Владимир Васильевич, - включился в разговор Майорец, - мы долго в Припяти не засидимся. Майорец повторил это через полтора часа в самолете "АН-2", на котором члены комиссии вылетели из аэропорта Жуляны в Припять. Вместе с ними из Киева летел министр энергетики Украинской ССР В.Ф.Скляр, он возразил:

- Думаю, двумя днями не обойдемся...

- Не пугайте нас, товарищ Скляр. Наша, а вместе с нами и ваша главная задача состоит в том, чтобы в кратчайшие сроки восстановить разрушенный блок и включить его в энергосистему.

В это же примерно время личный самолет заместителя Председателя Совета Министров СССР Б.Е.Щербины был на подлете из Барнаула в Москву. Прилетев в столицу, зампред переоденется, закусит и из аэропорта Внуково вылетит в Киев. В Припять он прибудет к девяти вечера.

Свидетельствует Г. А. Шашарин: "На пути из Киева в Припять я сказал Майорцу о рабочих группах. Продумал это заранее, когда летел из Симферополя в Киев. Вот перечень групп, который я предложил:

- 1) группа изучения причин аварии и безопасности АЭС - ответственные Шашарин, Мешков;
- 2) группа изучения радиационной обстановки вокруг атомной станции

- ответственные Абагян, Воробьев, Туровский;
- 3) группа аварийно-восстановительных работ - ответственные Семенов, Цвирко, монтажники;
- 4) группа для оценки необходимости эвакуации населения Припяти и близлежащих хуторов и деревень - ответственные Шашарин, Сидоренко, Легасов;
- 5) группа обеспечения приборами, оборудованием и материалами - ответственные Главэнергокомплект, Главснаб.

Приземлились на аэродромчике между Припятью и Чернобылем. Там уже ждали машины. Подъехал и В.Т.Кизима на "газике". Мы с Марьиным сели в "газик" (Кизима был за рулем) и попросили его проскочить к аварийному блоку. Майорец тоже порывался туда, но его отговорили, и он с командой поехал в горком КПСС.

Миновали кордон оцепления и свернули на промплощадку..."

Прерву Г.А.Шашарина, чтобы сказать несколько слов о заведующем сектором ЦК КПСС В. В. Марьине. Марьин Владимир Васильевич по образованию и опыту работы инженер-строитель электростанций. Долгое время работал главным инженером строительно-монтажного треста в Воронеже, участвовал в сооружении Нововоронежской АЭС. В 1969 году был приглашен в ЦК КПСС в качестве инструктора ЦК по энергетике в отдел машиностроения. Я довольно часто видел его на коллегиях Минэнерго, партийных собраниях, на критических разборах работы атомных энергетиков в объединениях и главных управлениях. Марьин принимал деятельное участие в работе пусковых штабов атомных строек, лично знал начальников управлений строительства всех АЭС и напрямую, минуя Минэнерго СССР, эффективно помогал обеспечивать стройки оборудованием, материально-техническими и трудовыми ресурсами.

Лично мне этот крупный, рыжеволосый, с громовым басом, сильно близорукий, сверкающий толстыми стеклами роговых очков человек всегда был симпатичен прямой и ясностью мышления. Трудолюбивый, динамичный, постоянно повышающий свою квалификацию инженер. При всем том Марьин был прежде всего строитель и в эксплуатации АЭС не разбирался. В конце 70-х годов,

работая начальником отдела в ВПО Союзатомэнерго, я часто бывал у него в ЦК, где он, в ту пору единственный в аппарате, занимался атомной энергетикой. Обсудив дела, он обычно позволял себе отступления, жаловался на перегруженность: "У тебя десять человек в отделе, а на мне одном висит вся атомная энергетика страны... И просил: " Оперативней помогайте мне, вооружайте материалами, информацией..."

В начале 80-х годов в ЦК был организован сектор атомной энергетики, Марьин возглавил его, и тогда наконец появились помощники. Одним из них стал Г.А.Шашарин, опытный атомщик, многие годы проработавший на эксплуатации АЭС, будущий заместитель министра энергетики по эксплуатации атомных станций. С ним-то теперь и ехал Марьин в "газике" Кизимы к разрушенному блоку. Навстречу попадались автобусы и частные машины. Началась самоэвакуация. Некоторые с семьями и радиоактивным барахлом покидали Припять навсегда еще 26 апреля днем, не дождавшись распоряжений местных властей.

Свидетельствует Г. А. Шашарин: "Кизима подвез нас к торцу четвертого блока. Он уже побывал здесь с утра. Никаких дозиметров у нас, конечно, не было. Кругом валялись графит, обломки топлива. Видны были поблескивающие на солнце, сдвинутые со своих опор барабаны-сепараторы. Над полом центрального зала, похоже, около реактора виднелся огненный ореол, словно солнечная корона. От этой короны поднимался легкий черный дымок. Мы подумали тогда, что это горит что-нибудь на полу. Марьин был вне себя от злости, матерился, в сердцах пнул графитовый блок. Был хорошо виден полусмятый аварийный бак СУЗ, так что мне стало ясно, что взорвался не он. Бесстрашный Кизима ходил и как хозяин сокрушался, что вот-де, мол, строишь, строишь, а теперь вот ходи по разрушенным плодам труда своего. Несколько раз уже, говорит, был здесь с утра, чтобы проверить, не мираж ли все это.

Мы объехали вокруг станции и спустились в бункер. Там были Прушинский, Рязанцев и Фомин с Брюхановым. Брюханов был заторможен, смотрел куда-то вдаль перед собой, апатия. Но команды

исполнял довольно оперативно и четко. Фомин, наоборот, перевозбужден, глаза воспаленные, блестели безумием. Потом произошел срыв, тяжелая депрессия. Еще из Киева я спросил у Брюханова и Фомина, целы ли трубопроводы. Они уверяли - целы. Тогда у меня возникла мысль подавать в реактор раствор борной кислоты. Связался со снабженцами в Киеве, нашли несколько тонн борной кислоты и обещали доставить в Припять к вечеру. Однако к вечеру стало ясно, что все трубопроводы от реактора оторваны и кислота не нужна. Но это поняли только к вечеру..."

Свидетельствует Владимир Николаевич Шишкин, заместитель начальника Союзэлектромонтажа Минэнерго СССР, участник совещания в Припятском горкоме КПСС 26 апреля 1986 года: "Все собрались в кабинете первого секретаря горкома А.С.Гаманюка. Первым докладывал Г.А.Шашарин. Он догадывался уже, что реактор разрушен, видел графит на земле, куски топлива, но сознаться в этом не хватило сил. Во всяком случае вот так сразу. Душа, сознание требовали как бы плавного внутреннего перехода к постижению этой страшной, поистине катастрофической реальности.

- Нужна коллективная оценка, - говорил Шашарин. - Четвертый блок обесточен. Трансформаторы отключились по защите от коротких замыканий. Залиты водой все кабельные полуэтажи. В связи с затоплением распределительных устройств на минусовых отметках дана команда электромонтажникам отыскать семьсот метров силового кабеля и держать наготове...

- Что это за проект?! - возмутился Майорец. - Почему не предусмотрено проектное рассечение коммуникаций?

- Анатолий Иванович, я говорю о факте. Почему - это уже второй вопрос. Во всяком случае, кабель изыскивается вода в реактор подается, коммуникации рассекаются. Похоже, везде вокруг четвертого блока высокая радиоактивность.

- Анатолий Иванович! - громовым басом перебил Шашарина Марьин. - Мы только что были с Геннадием Александровичем возле четвертого блока. Страшная картина. Дико подумать, до чего дожили. Пахнет гарью, и кругом валяется графит. Я даже пнул ногой графитовый

блок, чтобы удостовериться, что он всамделишный. Откуда графит? Столько графита?

- Брюханов! - обратился министр к директору АЭС. - Вы докладывали, что радиационная обстановка нормальная. Что это за графит?

- Трудно даже представить... Графит, который мы получили для строящегося пятого энергоблока, цел, весь на месте. Я подумал вначале, что это тот графит, но он на месте. Не исключен в таком случае выброс из реактора... Частичный. Но тогда...

- Замерить радиоактивность точно не удастся, - объяснил Шашарин. - Предполагаем, что фон очень высокий. Был тут один радиометр, но его похоронило в завале.

- Безобразие! Почему на станции нет нужных приборов?

- Произошла нештатная авария. Случилось немыслимое... Мы запросили помощь гражданской обороны и химвойск страны. Скоро должны прибыть.

Похоже, всем ответственным за катастрофу хотелось одного – отодвинуть момент полного признания, расстановки всех точек над "и". Хотелось, как это привыкли делать до Чернобыля, чтобы ответственность и вина незаметно разложились на всех и потихонечку. Именно поэтому шла тянучка, когда каждая минута была дорога, когда промедление грозило облучением невинному населению города. Когда у всех на уме было уже, билось в черепные коробки слово "эвакуация"... А реактор тем временем горел. Горел графит, изрыгая в небо миллионы кюри радиоактивности.

- Несмотря на сложную и даже тяжелую ситуацию на аварийном блоке, обстановка в Припяти деловая и спокойная, - докладывал Майорцу Гаманюк, первый секретарь Припятского горкома партии (в момент аварии он находился в медсанчасти на обследовании, но утром 26 апреля покинул больничную койку и вышел на работу). - Никакой паники и беспорядков. Обычная нормальная жизнь выходного дня. Дети играют на улицах, проходят спортивные соревнования, идут занятия в школах. Даже свадьбы справляют. Сегодня вот справили шестнадцать комсомольско-молодежных свадеб. Кривотолки и разглагольствования пресекаем. На аварийном блоке есть пострадавшие. Двое эксплуатационников – Валерий Ходемчук и

Владимир Шашенок - погиб. Двенадцать человек доставлены в медсанчасть в тяжелом состоянии. Еще сорок человек, менее тяжелых, госпитализированы позднее. Пострадавшие продолжают поступать.

Геннадий Васильевич Бердов, высокий, седовласый, спокойный генерал-майор МВД, заместитель министра внутренних дел УССР, прибыл в Припять в пять утра 26 апреля в новом, недавно сшитом мундире. Золотые погоны, мозаика орденских планок, значок заслуженного работника МВД СССР. Но мундир его, седые волосы были уже страшно грязными, радиоактивными, поскольку генерал провел все утренние часы рядом с АЭС. Радиоактивными теперь были волосы и одежда у всех присутствующих, в том числе и у министра Майорца. Радиация, как и смерть, не разбирает, кто ты - министр или простой смертный.

- Анатолий Иванович, - докладывал генерал Бердов, - в пять утра я был в районе аварийного энергоблока. Наряды милиции приняли эстафету у пожарников. Они перекрыли все дороги к АЭС, поселку, особенно к местам рыбалки на водохранилище пруда-охладителя, (Тут надо заметить, что генерал Бердов, догадываясь об опасности, не представлял, какова она на самом деле, поэтому его милиционеры оказались без дозиметров и средств индивидуальной защиты и все до одного переоблучились. Но инстинктивно они действовали правильно - резко сократили доступ в предполагаемую опасную зону.- Г. М.) В припятском отделении милиции сформирован и действует оперативный штаб. На помощь прибыли сотрудники полесского, иванковского и чернобыльского райотделов. К семи утра в район аварии прибыло более тысячи сотрудников МВД. Усилены наряды транспортной милиции на железнодорожной станции Янов. Здесь к моменту взрыва находились составы с ценнейшим оборудованием. Приходят пассажирские поезда, локомотивные бригады и пассажиры ничего о случившемся не знают. Сейчас лето, открытые окна вагонов, железная дорога проходит в пятистах метрах от аварийного блока. Надо закрывать движение поездов. (Хочется еще раз похвалить генерала Бердова. Из всех собравшихся он первый правильно оценил обстановку.-Г. М.) Поставую службу несут не только сержанты и старшины, но и полковники милиции. Лично проверяю посты в

опасной зоне. Не было ни одного отказа от несения службы. Проведена большая работа в автохозяйствах Киева. На случай эвакуации населения тысяча сто автобусов подогнаны к Чернобылю и ждут указаний правительственной комиссии...

- Что вы мне все про эвакуацию рассказываете?! – взорвался министр.

- Паники захотели? Надо остановить реактор, и все прекратится. Радиация придет в норму. Что с реактором, товарищ Шашарин?

- Операторы, по данным Фомина и Брюханова, заглушили его, нажав кнопку АЗ пятого рода. - Шашарин вправе был говорить так, ведь он еще не поднимался в воздух...

- А где операторы? Их можно пригласить? - настаивал министр.

- Операторы в медсанчасти, Анатолий Иванович... В очень тяжелом состоянии.

- Я предлагал эвакуацию еще рано утром, - глухо сказал Брюханов. - Запрашивал Москву, товарища Драча. Но мне сказали, чтобы до приезда Щербины ничего в этом направлении не предпринимать. И не допускать паники.

- Что скажет гражданская оборона?

Встал Соловьев, тот самый начальник гражданской обороны АЭС, который в первые два часа после взрыва с помощью единственного радиометра со шкалой 250 рентген определил опасную степень радиации. (Реакция Брюханова читателю известна. Однако следует дополнить: Соловьев продублировал ночью сигнал тревоги в гражданскую оборону республики, что достойно всяческой похвалы.)

- На диапазоне двести пятьдесят рентген - зашкал в районах завала, машзала, центрального зала и в других местах вокруг блока и внутри. Нужна срочная эвакуация Анатолий Иванович.

Встал представитель Минздрава СССР Туровский:

- Эвакуация необходима. То, что мы увидели в медсанчасти... я имею в виду осмотр больных... они в тяжелом состоянии, дозы, по первым поверхностным оценкам, в три-пять раз превышают летальные. Бесспорна диффузия радиоактивности на большие расстояния от энергоблока.

- А если вы ошибаетесь? - сдерживая недовольство, спросил Майорец.

- Разберемся в обстановке и примем решение. Но я против эвакуации.

Опасность явно преувеличивается.

Объявили перерыв".

Свидетельствует Б. Я. Прушинский, главный инженер ВПО Союзатомэнерго: "Когда мы вернулись с Костей Полушкиным в горком, Шашарин и Майорец стояли в коридоре и курили. Мы подошли и прямо там, в коридоре, доложили министру о результатах осмотра четвертого блока с воздуха: можно предположить, что реактор разрушен. Охлаждение неэффективно.

- Аппарату крышка,- сказал Полушкин.

Сильно затягиваясь, в клубах дыма, и без того щупленький и казавшийся на заседаниях коллегий каким-то игрушечным по сравнению с тяжеловесами типа замминистра Семенова, Шашарин сейчас еще больше осунулся, побледнел, обычно приглаженные каштановые волосы торчали перьями, бледно-голубые глаза за огромными стеклами импортных очков смотрели не мигая. Все мы были в это время затравленные и убитые. Пожалуй, кроме Майорца. Он, как всегда, аккуратный, с ровным розовым пробором, на лице - ничего.

- Что вы предлагаете?-спросил Майорец.

- А черт его знает, сразу не сообразишь. В реакторе горит графит. Надо тушить. Это перво-наперво. А как, чем... надо думать.

Все вошли в кабинет Гаманюка. Шашарин зачитал списки рабочих групп. Когда речь коснулась восстановительных работ, представитель генпроектанта с места выкрикнул: - Надо не восстанавливать, а захоранивать!

- Не разводите дискуссии, товарищ Конвиз! - прервал его Майорец. - Группам в течение часа подготовить мероприятия для доклада Щербине. Он вот-вот должен подъехать..."

Свидетельствует Г.А.Шашарин: "Потом мы поднимались на вертолете в воздух с Марьиным и зампредом Госатомэнергонадзора, членом-корреспондентом АН СССР Сидоренко. Зависали над блоком на высоте двести пятьдесят - триста метров. У пилота был, кажется, дозиметр. Хотя нет - радиометр. На этой высоте светило рентген триста в час.

Верхняя плита была раскалена до ярко-желтого цвета против ярко-вишневого, доложенного Прушинским. Значит, температура в реакторе росла. Плита лежала на шахте не так наклонно, как потом, когда бросали мешки с песком. Грузом ее развернуло. Здесь уж стало ясно окончательно, что реактор разрушен. Сидоренко предложил бросить в реактор тонн сорок свинца, чтобы уменьшить излучение. Я категорически воспротивился. Такой вес, да с высоты двести метров, - огромная динамическая нагрузка. Пробьет дыру насквозь, до самого бассейна-барбатера, и вся расплавленная активная зона вытечет вниз, в воду бассейна. Тогда надо будет бежать куда глаза глядят.

Когда приехал Щербина, я зашел к нему до совещания и сказал, что надо немедленно эвакуировать город. Он ответил, что это может вызвать панику..." К этому времени, примерно к 19 часам, кончились все запасы воды на АЭС. Насосы, с таким трудом запущенные, переоблучившимися электриками, остановились. Радиоактивность везде стремительно росла, разрушенный реактор продолжал изрыгать из раскаленного жерла миллионы кюри радиоактивности. В воздухе весь спектр радиоактивных изотопов, в том числе плутоний, америций, кюри. Все эти изотопы инкорпорировали (проникли внутрь) в организмы людей, как работающих на АЭС, так и жителей Припяти. В течение 26 и 27 апреля, вплоть до эвакуации, продолжалось накопление радионуклидов, кроме того, люди подвергались внешнему гамма-, бета-облучению.

В медсанчасти города Припяти первая группа пострадавших, как мы уже знаем, была доставлена в медсанчасть через тридцать-сорок минут после взрыва. Особая тяжесть ядерной катастрофы в Чернобыле была в том, что воздействие излучений на организм людей оказалось комплексным: мощное внешнее и внутреннее облучение, осложненное термическими ожогами и увлажнением кожных покровов. Картина реальных поражений и доз не могла быть оперативно установлена из-за отсутствия у врачей данных об истинных радиационных полях. И только первичные реакции облученных: мощная эритема (ядерный загар), отеки, ожоги, тошнота, рвота, слабость, у некоторых шоковые состояния, - говорили о тяжести поражений. Кроме того, медсанчасть,

обслуживавшая Чернобыльскую АЭС, не была оснащена необходимой радиометрической аппаратурой, врачи не были подготовлены организационно к приему подобных больных. Не была проведена необходимая срочная классификация пострадавших по типу течения болезни. В качестве основного критерия в таких случаях выбирается вероятный исход:

- 1) выздоровление невозможно или маловероятно,
- 2) выздоровление возможно при использовании современных терапевтических средств и методов,
- 3) выздоровление вероятно,
- 4) выздоровление гарантировано.

Такая классификация особенно важна, когда облучено большое количество людей и возникает необходимость скорее определить тех, кому своевременно оказанная помощь может спасти жизнь. Здесь особенно важно знать, когда началось облучение, сколько оно длилось, сухая или мокрая была кожа (через влажную кожу интенсивнее диффундируют внутрь радионуклиды, особенно через кожу, пораженную ожогами и ранениями).

Пострадавшие не были классифицированы по типу течения острой лучевой болезни, свободно общались друг с другом. Не была обеспечена достаточная дезактивация кожных покровов (только обмыв под душем, который был неэффективен или малоэффективен из-за диффузии радионуклидов с накоплением в зернистом слое под эпидермисом). Основное внимание было обращено на терапию больных первой группы с тяжелыми первичными реакциями, которых сразу положили под капельницу, и больных с тяжелыми термическими ожогами (пожарники, Шашенок, Кургуз).

Только через четырнадцать часов после аварии из Москвы самолетом прибыла специализированная бригада в составе физиков, терапевтов-радиологов, врачей-гематологов. Были проведены одно-трех-кратные анализы крови, заполнены амбулаторные карты-выписки с указанием клинических проявлений после аварии, жалоб пострадавших, числа лейкоцитов и лейкоцитарной формулы...

Свидетельствует В. Г. Смагин (принимал смену у Акимова): "Нас,

человек пять, посадили в "скорую" и отвезли в медсанчасть Припяти. РУПом (прибор для замера активности) замерили активность каждого. Помылись еще раз. Все равно радиоактивные. Было в ординаторской несколько терапевтов, меня сразу взяла к себе Людмила Ивановна Прилепская, у нее муж тоже начальник смены блока, и мы дружили семьями. Но тут у меня и других ребят началась рвота. Мы увидели ведро, или урну, схватили его и втроем начали рвать в это ведро.

Прилепская выясняла, где я был на блоке и какие там радиационные поля. Никак не могла взять в толк, что там везде поля, везде грязь. Вся атомная станция - сплошное радиационное поле. В промежутках между рвотой рассказывал как мог. Сказал, что поля из нас никто точно не знает. Зашкал на тысяче микрорентген в секунду - и все.

Поставили капельницу в вену. Часа через два в теле стала ощущаться бодрость. Когда кончилась капельница, я встал и начал искать курево. В палате были еще двое. На одной койке прапорщик из охраны. Все говорил: "Сбегу домой. Жена, дети волнуются. Не знают, где я. И я не знаю, что с ними". "Лежи, - сказал ему. - Хватанул бэры, теперь лечись..." На другой койке лежал молодой наладчик из чернобыльского пуско-наладочного предприятия. Когда он узнал, что Володя Шашенок умер утром, кажется, в шесть утра, то начал кричать, почему скрыли, что он умер, почему ему не сказали. Это была истерика. И, похоже, он перепугался. Раз умер Шашенок, значит, и он может умереть. Он здорово кричал: "Все скрывают, скрывают!.. Почему мне не сказали?!" Потом он успокоился, но у него началась изнурительная икота.

В медсанчасти было грязно. Прибор показывал радиоактивность. Мобилизовали женщин из Южatomзнергомонтажа. Они все время мыли полы в коридоре и в палатах. Ходил дозиметрист и все измерял. Бормотал при этом: "Моют, моют, а все грязно..."

В открытое окно услышал, что меня зовут. Выглянул, а внизу Сережа Камышный из моей смены. Спрашивает: "Ну как дела?" А я ему в ответ: "Закурить есть?" Спустили шпагат и на шпагате подняли сигареты. Я ему сказал: "А ты, Серега, что бродишь? Ты тоже нахвтался. Иди к нам". "Да я нормально себя чувствую. Вот дезактивировался.- Он достал из кармана бутылку водки. - Тебе не

надо?" "Не-ет! Мне уже влили..."

Заглянул в палату к Лене Топтунову. Он лежал. Весь бурокоричневый. У него был сильно отекавший рот, губы. Распух язык. Ему было трудно говорить. Всех мучило одно: почему взрыв? Я спросил его о запасе реактивности. Он с трудом сказал, что "Скала" показывала восемнадцать стержней. Но, может, врала. Машина иногда врет...

Володя Шашенок умер от ожогов и радиации в шесть утра. Его, кажется, уже похоронили на деревенском кладбище. А заместитель начальника электроцеха Александр Лелеченко после капельницы почувствовал себя настолько хорошо, что сбежал из медсанчасти и снова пошел на блок. Второй раз его уже повезли в Киев в очень тяжелом состоянии. Там он и скончался в страшных муках. Общая доза, им полученная, составила 2,5 тысячи рентген. Не помогли ни интенсивная терапия, ни пересадка костного мозга...

После капельницы многим стало лучше. Я встретил в коридоре Проскурякова и Кудрявцева. Они оба держали руки прижатыми к груди. Как закрывались ими от излучения реактора в центральном зале, так и остались руки в согнутом положении, не могли разогнуть, страшная боль.

Валера Перевозченко после капельницы не встал. Лежал молча, отвернувшись к стене. Толя Кургуз был весь в ожоговых пузырях. В иных местах кожа лопнула и висела лохмотьями. Лицо и руки сильно отекали и покрылись корками. При каждом мимическом движении корки лопались. И изнурительная боль. Он жаловался, что все тело превратилось в сплошную боль. В таком же состоянии был Петя Паламарчук, вынесший Володю Шашенка из атомного ада.

Врачи, конечно, и сами облучились. Атмосфера, воздух в медсанчасти были радиоактивные. Сильно излучали и тяжелые больные, они ведь вобрали радионуклиды внутрь и впитали в кожу. Нигде в мире подобного не было. Мы были первыми после Хиросимы и Нагасаки. Но гордиться здесь нечем...

Все, кому полегчало, собрались в курилке. Думали только об одном: почему взрыв? Был тут и Саша Акимов печальный и страшно загорелый. Вошел Анатолий Степанович Дятлов. Курит, думает.

Привычное его состояние. Кто-то спросил: "Сколько хватанул, Степаныч?" "Д-да, думаю, р-рентген сорок... Жить будем..." Он ошибся ровно в десять раз. В 6-й клинике Москвы у него определили 400 рентген. Третья степень острой лучевой болезни. И ноги он себе подпалил здорово, когда ходил по топливу и графиту вокруг блока.

У многих в голове торчало слово "диверсия". Потому что когда не можешь объяснить, то на самого черта подумаешь. Акимов на мой вопрос ответил одно: "Мы все делали правильно... Не понимаю, почему так произошло..." Дятлов тоже был уверен в правильности своих действий.

К вечеру прибыла команда врачей из 6-й клиники Москвы. Ходили по палатам. Осматривали нас. Бородатый доктор, Георгий Дмитриевич Селидовкин, отобрал первую партию - двадцать восемь человек - для срочной отправки в Москву. Отбор делал по ядерному загару. Было не до анализов. Почти все двадцать восемь умрут...

Из окна хорошо был виден аварийный блок. К ночи загорелся графит. Гигантское пламя вилось вокруг венттрубы. Страшно было смотреть. Двадцать шесть человек посадили в красный "икарус". Кургуза и Паламарчука повезли в "скорой". Улетели из Борисполя часа в три ночи. Остальных, которым было полегче, в том числе и меня, отправили в 6-ю клинику Москвы 27 апреля. Выехали тремя "икарусами". Крики и слезы провожающих. Ехали все не переодеваясь, в полосатых больничных одеждах. В 6-й клинике определили, что я схватил 280 рад..."

Около девяти вечера 26 апреля 1986 года прибыл в Припять заместитель Председателя Совета Министров СССР Борис Евдокимович Щербина. Он стал первым председателем правительственной комиссии по ликвидации последствий ядерной катастрофы в Чернобыле. Больше обычного бледный, с плотно сжатым ртом и властными тяжелыми складками худых щек, он был спокоен, собран и сосредоточен. Не понимал он пока еще, что кругом, и на улице и в помещении, воздух насыщен радиоактивностью, излучает гамма- и бета-лучи, которым абсолютно все равно, кого облучать - черта-дьявола, министров или простых смертных.

Колоссальная власть доверена ему, но он человек, и все у него произойдет как у человека: вначале подспудно на фоне внешнего спокойствия будет зреть буря, потом, когда он кое-что поймет и наметит пути, разразится буря реальная, злая буря торопливости и нетерпения: скорей, скорей! давай,давай!

Но в Чернобыле разыгралась космическая трагедия. А космос надо давить не только космической силой, но и глубиной разума, который тоже космос, но только живой и, стало быть, более могущественный.

Майорец вынужден был признать, что четвертый блок разрушен, разрушен и реактор. Блок надо укрывать (захоранивать). Надо уложить в разрушенное взрывом тело блока более 200 тысяч кубометров бетона. Видимо, надо делать металлические короба, обкладывая ими блок и уж их бетонировать. Непонятно, что делать с реактором. Он раскален. Надо думать об эвакуации.

"Не торопитесь с эвакуацией", - спокойно, но было видно, это деланное спокойствие, сказал Щербина. Ах, как хотелось всем, чтобы не было эвакуации! Ведь так все хорошо началось в новом министерстве. И коэффициент установленной мощности повысили, и частота в энергосистемах стабилизировалась... И вот тебе на...

Выслушав всех, Щербина пригласил присутствующих к коллективному размышлению: "Думайте, товарищи, предлагайте Сейчас нужен мозговой штурм. Не поверю, чтобы нельзя было погасить реактор. Газовые скважины гасили, не такой огонь был - огненная буря. Но гасили же!"

И началось. Каждый нес что в голову взбредет. В этом и заключается способ мозгового штурма: даже какая-нибудь ерунда, околесица, ересь может неожиданно натолкнуть на дельную мысль. Чего только не предлагалось: и поднять на вертолете огромный бак с водой и плюхнуть этот бак на реактор, и сделать своего рода атомного троянского коня в виде огромного полого бетонного куба. Натолкать туда людей и двинуть этот куб на реактор, а уж подобравшись близко, забросать этот самый реактор чем-нибудь... Кто-то дельно спросил: "А как же эту махину, то бишь троянского коня, двигать? Колеса нужны и мотор..." Идея сразу отпала.

Высказал мысль и сам Щербина. Он предложил нагнать в подводящий

канал, что рядом с блоком, водометные пожарные катера и оттуда залить водой горящий реактор. Кто-то из физиков объяснил, что ядерный огонь водой не загасишь, активность еще больше попрет. Вода будет испаряться, и пар с топливом накроет все кругом. Идея катеров тоже отпала.

Наконец кто-то вспомнил, что огонь, в том числе ядерный, безвредно гасить песком. Запечатать наглухо. Сверху. Ниоткуда больше к реактору не подступиться.

И тут стало ясно, что без авиации не обойтись. Срочно запросили из Киева вертолетчиков. Заместитель командующего ВВС Киевского военного округа генерал-майор Н.Т.Антошкин был уже на пути к Чернобылю. А пока правительственная комиссия решала вопрос об эвакуации. Особенно настаивали на ней гражданская оборона и медики из Минздрава СССР.

"Эвакуация необходима немедленно! - горячо доказывал заместитель министра здравоохранения Воробьев. - В воздухе плутоний, цезий, стронций... Состояние пострадавших в медсанчасти говорит об очень высоких радиационных полях. Щитовидки людей, детей в том числе, нашпигованы радиоактивным йодом. Профилактику йодистым калием никто не делает... Поразительно!.."

Щербина подвел итог: "Эвакуируем город утром 27 апреля. Всю тысячу сто автобусов подтянуть ночью на шоссе между Чернобылем и Припятью. Вас, генерал Бердов, прошу выставить посты к каждому дому. Никого не выпускать на улицу. Гражданской обороне утром объявить по радио необходимые сведения населению. А также уточненное время эвакуации. Разнести по квартирам таблетки йодистого калия. Привлеките для этой цели комсомольцев".

Щербина, Шашарин и Легасов на вертолете гражданской обороны поднялись в ночное радиоактивное небо Припяти и зависли над аварийным блоком. Щербина в бинокль рассматривал раскаленный до ярко-желтого цвета реактор, на фоне которого хорошо были видны темноватый дым и языки пламени. А в расщелинах справа и слева, в недрах разрушенной активной зоны просвечивала мерцающая звездная голубизна. Казалось, будто кто-то всемогущий накачивал огромные невидимые мехи, раздувая этот гигантский,

двадцатиметрового диаметра, ядерный горн. Он с уважением смотрел на это огненное атомное чудище, несомненно обладавшее большей, чем сам зампред Совмина СССР, властью. "Ишь как разгорелся! И сколько же в этот кратер, - букву "е" в слове "кратер" Щербина произносил очень мягко, - надо песку кинуть?"

"Полностью собранный и загруженный топливом реактор весит десять тысяч тонн, - объяснял Шашарин. - Если выбросило половину графита и топлива, это около тысячи тонн, образовалась яма глубиной до четырех метров и в диаметре метров двадцать. У песка больший удельный вес, чем у графита. Думаю, три-четыре тысячи тонн песка надо будет бросить".

"Вертолетчикам придется поработать. Какая активность на высоте двести пятьдесят метров?"

"Триста рентген в час. Но когда в реактор полетит груз, поднимется ядерная пыль и активность на этой высоте резко возрастет. А бомбить придется с меньшей высоты..."

Вертолет сошел с кратера. Щербина был сравнительно спокоен. Спокойствие объяснялось не только выдержкой зампреда, но в значительной степени неполной его осведомленностью в атомной специфике, а также неопределенностью ситуации. Уже через несколько часов, когда будут приняты первые решения, он станет давить на подчиненных, торопить, обвиняя в медлительности и во всех смертных грехах...

-5-

27 АПРЕЛЯ 1986 ГОДА

Глубоко за полночь 27 апреля генерал-майор Антошкин по личной рации вызвал первую пару вертолетов. Но без руководителя с земли они в этой обстановке сесть не могли. Антошкин взобрался на крышу десятиэтажной гостиницы "Припять" со своей рацией и стал руководителем полетов. Развороченный взрывом четвертью блок с короной пламени над реактором был виден как на ладони. Правее, за станцией Янов и путепроводом, - дорога на Чернобыль, а на ней бесконечная, тающая в дальней утренней дымке колонна разноцветных пустых автобусов: красных, зеленых, синих, желтых,

застывших в ожидании приказа. Тысяча сто автобусов растянулись по всей дороге от Припяти до Чернобыля на двадцать километров. Гнетущей была картина застывшего на дороге транспорта.

В 13 часов 30 минут колонна дрогнет, двинется, переползет через путепровод и распадется на отдельные машины у подъездов белоснежных домов. А потом, покидая Припять, увозя навсегда людей, унесет на своих колесах миллионы распадов радиоактивности, загрязняя дороги поселков и городов... Надо было бы предусмотреть замену скатов на выезде из десятикилометровой зоны, Но об этом никто не подумал. Активность же асфальта в Киеве долго еще потом будет составлять от десяти до тридцати миллибэр в час, и месяцами придется отмывать дороги.

Свидетельствует И. П. Цечельская, аппаратчица припятского бетоносмесительного узла: "Мне и другим сказали, что эвакуация на три дня и что ничего брать не надо. Я уехала в одном халатике. Захватила с собой только паспорт и немного денег, которые вскоре кончились. Через три дня назад не пустили. Добралась до Львова. Денег нет. Знала бы, взяла бы с собой сберкнижку. Но все оставила. Штамп прописки в Припяти ни на кого не действовал. Просила пособие, не дали. Написала письмо министру энергетики Майорцу. Не знаю, наверное, мой халат, все на мне - очень грязное. Меня не измеряли..."

Виза министра на письме Цечельской: "Пусть товарищ Цечельская И.П. обратится в любую организацию Минэнерго СССР. Ей выдадут 250 рублей". Но эта виза датирована 10 июля 1986 года. А 27 апреля...

Свидетельствует Г. Н. Петров: "Ровно в 14 часов к каждому подъезду подали автобусы. По радио еще раз предупредили: одеваться легко, брать минимум вещей, через три дня вернемся У меня еще тогда мелькнула невольная мысль; если брать много вещей, то и тысячи автобусов не хватит.

Большинство людей послушались и даже не взяли запас денег. А вообще хорошие у нас люди шутили, подбадривали друг дружку, успокаивали детей. Говорили им: поедem к бабушке, на

кинофестиваль, в цирк... Взрослые дети были бледны печальны и помалкивали. В воздухе вместе с радиацией повисли деланная бодрость и тревога. Но все было деловито Многие спустились вниз заранее и толпились с детьми снаружи. Их все время просили войти в подъезд. Когда объявили посадку, выходили из подъезда и сразу в автобус. Те, кто мешкал, бегал от автобуса к автобусу, только хватали лишние бэры. И так за день мирной, обычной жизни нахватались снаружи и внутрь предостаточно.

Везли до Иванкова (шестьдесят километров от Припяти) и там расселяли по деревням. Не все принимали охотно Один куркуль не пустил мою семью в свой огромный кирпичный дом, но не от опасности радиации (в этом он не понимал, и объяснения на него не действовали), а от жадности. Не для того, говорит, строил, чтобы чужих впускать...

Многие, высадившись в Иванкове, пошли дальше, в сторону Киева, пешком. Кто на попутных. Один знакомый вертолетчик уже позже рассказывал мне, что видел с воздуха: огромные толпы легко одетых людей, женщин с детьми, стариков, шли по дороге и обочинам в сторону Киева. Видел их уже в районе Ирпени, Броваров. Машины застревали в этих толпах, словно в стадах гонимого скота. В кино часто видишь такое в Средней Азии, и сразу пришло в голову хоть нехорошее, но сравнение. А люди шли, шли, шли..."

Трагичным было расставание уезжающих с комнатными животными: кошками, собаками. Кошки, вытянув трубой хвосты, заглядывали в глаза людям, мяукали, собаки самых разных пород выли, прорывались в автобусы, истошно визжали, огрызались, когда их выволакивали оттуда. Но брать с собой кошек и собак, к которым особенно привыкли дети, нельзя было. Шерсть у них была очень радиоактивная, как и волосы у людей. Но ведь животные круглый день на улице. Сколько в них набралось... Долго еще псы, брошенные хозяевами, бежали каждый за своим автобусом. Но тщетно. Они отстали и возвратились в покинутый город. И стали объединяться в стаи.

Когда-то археологи прочли интересную надпись на вавилонских глиняных табличках: "Если в городе псы собираются в стаи, городу

пасть и разрушиться". Город Припять остался покинутым, законсервированным радиацией на несколько десятков лет. Город-призрак...

Объединенные в стаи псы прежде всего сожрали большую часть радиоактивных кошек, стали дичать и огрызаться людям. Были попытки нападения на людей, брошенный домашний скот... Срочно была сколочена группа охотников с ружьями, и в течение трех дней отстреляли всех одичавших радиоактивных псов, среди которых были дворняжки, доги, овчарки, терьеры, спаниели, бульдоги, пудели, болонки. 29 апреля отстрел был завершен, и улицы покинутой Припяти усеяли трупы разномастных собак...

Эвакуации были подвергнуты также жители близлежащих к АЭС деревень и хуторов. В частности. Семиходов, Копачей, Шепеличей и других. Анатолий Иванович Заяц (главный инженер треста Южатоэнергомонтаж) с группой помощников, среди которых были и охотники с ружьями, обходили дворы деревень и разъясняли, что надо покидать свои родные дома. Государство вам за все заплатит сполна. Все будет хорошо. Но люди не понимали, не хотели понимать: "Як же цэ?.. Солнце светит, трава зэлэна, усе растет, цветет, сады, бачишь, яки?.."

Многие жители, прослышав, что скот нельзя кормить травой, загнали коров, овец и коз по наклонному настилу на крыши сараев и держали там, чтобы они не шли щипать траву. Думали, что это недолго. Дня два, а потом снова будет можно. Пришлось объяснять снова и снова. Скот расстреляли, людей вывезли в безопасное место..

Утром 27 апреля по вызову генерала Антошкина прибыли первые два вертолета "МИ-6", пилотируемые опытными летчиками Б.Нестеровым и А.Серебряковым. Гром моторов вертолетов, приземлившихся на площади перед горкомом КПСС, разбудил всех членов правительственной комиссии, которые только в четыре утра прилегли на пару часов вздремнуть.

Нестеров и Серебряков произвели тщательную разведку с воздуха, начертили схему заходов на реактор для сброса песка. Подходы к реактору с воздуха были опасны, мешала труба четвертого блока,

высота которой составляла сто пятьдесят метров. Нестеров и Серебряков замерили активность над реактором на разных высотах. Ниже ста десяти метров не опускались, ибо активность резко возрастала. На высоте сто десять метров - 500 рентген в час, но после "бомбометания" наверняка поднимется еще выше. Для сброса песка необходимо зависнуть над реактором на три-четыре минуты. Доза, которую получают за это время пилоты, составит от 20 до 80 рентген, в зависимости от степени радиационного фона. А сколько будет вылетов? Сегодняшний день покажет. Боевая обстановка ядерной войны...

Оглушающий грохот мешал работе правительственной комиссии. Приходилось говорить очень громко, орать. Щербина нервничал: "Почему не начали кидать в реактор мешки с песком?" При посадке и взлете вертолетов работающими винтами с поверхности земли сдувало высокорadioактивную пыль с осколками деления. В воздухе возле горкома партии и в помещениях, расположенных рядом, radioактивность резко возросла. Люди задыхались. А разрушенный реактор все изрыгал и изрыгал новые миллионы кюри...

Генерал Антошкин уступил место на крыше гостиницы "Припять" полковнику Нестерову, чтобы тот управлял полетом, а сам поднялся в небо. Долго не мог сообразить, где же реактор. Незнакомому с конструкцией блока трудно ориентироваться. Понял, что нужно брать на "бомбометание" знатоков из монтажников или эксплуатации...

Разведка проведена, подлеты к реактору определены. Нужны мешки, лопаты, песок, люди, которые будут загружать мешки и грузить их в вертолеты. Все это генерал Антошкин изложил Щербине. Все в горкоме партии кашляли, сушило горло, трудно говорить.

- У вас в войсках мало людей? - вопрошал Щербина. - Вы мне задаете эти вопросы?

- Летчики грузить песок не должны! - парировал генерал. - Им надо вести машины, держать штурвалы, выход на реактор должен быть точным и гарантированным. Руки не должны дрожать. Им ворочать мешками и лопатами нельзя!

- Вот, генерал, бери двух заместителей министров - Шашарина и Мешкова, пусть они тебе грузят, мешки достают, лопаты, песок. Песка

здесь кругом навалом. Грунт песчаный. Найдите поблизости площадку, свободную от асфальта, и вперед... Шашарин, привлекайте широко монтажников и строителей. Где Кизима?

Свидетельствует Г. А. Шашарин: "Очень хорошо поработал генерал ВВС Антошкин. Энергичный и деловой генерал, не давал никому покоя, тормозил всех. Отыскивали метрах в пятистах от горкома, возле кафе "Припять" у речного вокзала, гору отличного песка. Его намывали земснарядами для строительства новых микрорайонов города. Со склада ОРСа привезли пачку мешков, и мы, вначале втроем - я, первый заместитель министра среднего машиностроения А.Г.Мешков и генерал Антошкин, - начали загружать мешки. Быстро упарились. Работали кто в чем был: я и Мешков - в московских костюмах и штиблетах, генерал - в парадном мундире. Все без респираторов и дозиметров.

Вскоре я подключил к этому делу управляющего трестом Южатоэнергомонтаж Антонщука, его главного инженера А.И. Зайца, начальника управления ГЭМ Ю.Н.Выпирайло и других. Антонщук подбежал ко мне со списком на льготы, который выглядел в этой обстановке смехотворным, но я его тут же утвердил. Антонщук и те, кому предстояло работать, действовали по старой схеме, не понимая, что грязная зона теперь везде, что льготы надо платить всем жителям города. Я не стал отвлекать людей объяснениями. Нужно было делать дело. Но прибывших людей не хватало. Я попросил главного инженера Южатоэнергомонтажа А.И.Зайца проехать в ближайшие колхозы и попросить помощи..."

Свидетельствует Анатолий Иванович Заяц: "Мы с Антонщуком проехали по хуторам колхоза "Дружба". Ходили по дворам. Люди работали на приусадебных участках. Но многие были в поле. Весна, сев. Стали разъяснять, что земля уже непригодная, что надо заткнуть зев реактору и что нужна помощь. С утра было очень жарко. У людей воскресное, предпраздничное настроение. Нам плохо верили. Продолжали работать. Тогда мы отыскивали председателя колхоза и секретаря парторганизации. Пошли в поле вместе. Разъяснили еще и еще раз. В конце концов люди отнеслись с пониманием. Набралось человек сто пятьдесят добровольцев - мужчин и женщин. Они

работали потом не покладая рук на загрузке мешков в вертолеты. И все это без респираторов и других средств защиты. 27 апреля обеспечили 110 вертолето-вылетов, 28 апреля – 300 вертолетовылетов..."

А Щербина торопил под грохот вертолетов, гонял всех как Сидоровых коз - министров, замминистров, академиков, маршалов, генералов: "Как реактор взрывать, так они умеют, а мешки загружать песком - некому!"

Наконец первую партию в шесть мешков с песком погрузили на "МИ-6". С вертолетами на "бомбежку" вылетали поочередно Антонщук, Дейграф, Токаренко. Они монтировали этот реактор, и летчикам надо было поточнее показать, куда бросать мешки.

Первым на "бомбометание" вел вертолет военный летчик первого класса полковник Нестеров. По прямой со скоростью 140 километров в час шли к четвертому блоку. Ориентир - слева две стопятидесятиметровые трубы АЭС. Зашли над кратером ядерного реактора. Высота сто пятьдесят, нет, высоко. Сто десять метров. На радиометре 500 рентген в час. Зависли над щелью, образованной полуразвернутой шайбой верхней биозащиты и шахтой. Щель метров пять шириной. Надо попасть. Биозащита раскалена до цвета диска солнца. Открыли дверь. Снизу несло жаром. Мощный восходящий поток радиоактивного газа, ионизированного нейтронами и гамма-лучами. Все без респираторов. Вертолет не защищен снизу свинцом. До этого додумались позже, когда сотни тонн груза было уже сброшено. А сейчас... Высовывали голову в открытую дверь и, заглядывая в ядерное жерло, целясь в него глазом, сбрасывали мешок. И так все время. Иного способа не было.

Первые двадцать семь экипажей и помогавшие им Антонщук, Дейграф, Токаренко вскоре вышли из строя, и их отправили в Киев на лечение. Активность после сбрасывания мешков на высоте ста десяти метров достигала 1800 рентген в час. Пилотам становилось плохо в воздухе. Ведь при метании мешков с такой высоты оказывалось значительное ударное воздействие на раскаленную активную зону. Резко увеличались, особенно в первый день, выбросы осколков деления и радиоактивного пепла от сгоревшего графита. Люди дышали всем

этим. В течение месяца потом вымывали из крови героев соли урана и плутония, многократно заменяя кровь.

В последующие дни пилоты сами уже догадались класть под сиденье свинцовые листы и надевали респираторы. Эта мера несколько снизила облучаемость летного состава.

В 19.00 27 апреля генерал-майор Антошкин доложил председателю правительственной комиссии Щербине, что в жерло реактора сброшено сто пятьдесят тонн песка. Сказал это не без гордости. Тяжко дались эти сто пятьдесят тонн. "Плохо, генерал, - сказал Щербина.- Сто пятьдесят тонн песка такому реактору как слону дробина. Надо резко нарастить темпы". Генерал от усталости и бессонницы валился с ног, и такая оценка Щербины обескуражила его. Но только на мгновение. Он снова ринулся в бой.

С 19 до 21 часа отладил отношения со всеми руководителями, от которых зависело обеспечение вертолетчиков мешками, песком, людьми для осуществления погрузки... Догадался использовать для увеличения производительности парашюты. В купол грузили мешки, получалась сумка, стропы цепляли к вертолету и к реактору...

28 апреля было сброшено уже триста тонн.

29 апреля - семьсот пятьдесят тонн.

30 апреля - тысяча пятьсот тонн.

1 мая - тысяча девятьсот тонн...

В 19 часов 1 мая Щербина сообщил о необходимости сократить сброс вдвое. Появилось опасение, что не выдержат бетонные конструкции, на которые опирался реактор, и все рухнет в бассейн-барбатор. Это грозило тепловым взрывом и огромным радиоактивным выбросом... Всего с 27 апреля по 2 мая было сброшено в реактор около пяти тысяч тонн сыпучих материалов...

Свидетельствует Г. А. Шашарин: "26 апреля я принял решение остановить первый и второй блоки. Примерно в 21.00 начали останавливать и где-то к двум ночи 27 апреля остановили. Я приказал на каждый реактор добавить в пустые каналы равномерно по зоне по двадцать штук дополнительных поглотителей. Если пустых каналов нет, извлечь сборки и вместо них вставить ДП. Таким образом

искусственно увеличивался запас отрицательной реактивности. Ночью мы с Сидоренко, Мешковым и Легасовым гадали, что же послужило причиной взрыва. Грешили на радиолитический водород, но потом я подумал, что взрыв был в самом реакторе. Предполагали также, что диверсия. Что в центральном зале на привода СУЗ навесили взрывчатку и... выстрелили их из реактора. Это и привело к мысли о разгоне на мгновенных нейтронах. Тогда же, ночью, доложил ситуацию Долгих. Он спросил: может ли быть еще взрыв? Я сказал, что нет. Мы уже к этому времени промерили вокруг реактора не более 20 нейтронов на сантиметр. Потом стало 17-18 нейтронов. Реакции как будто нет. Правда, измеряли с расстояния и сквозь бетон. Какова же подлинная плотность нейтронов, неизвестно. С вертолета не мерили... В ту же ночь определил минимум персонала для обслуживания первого, второго и третьего блоков. Составил списки, передал Брюханову. 29 апреля, уже на совещании в Чернобыле, предложил остановить все остальные четырнадцать блоков с реактором типа РБМК. Щербина молча слушал, потом, после совещания, когда выходили, сказал: "Ты, Геннадий, того, не поднимай шум. Понимаешь, что значит оставить страну без четырнадцати миллионов установленной мощности?.." 29 апреля правительственная комиссия оставила Припять и переехала в Чернобыль.

-6-

А в это время в Москве Минэнерго СССР обеспечивало срочную и массированную переброску специальной техники и материалов в Чернобыль через Вышгород. Снимали отовсюду и переправляли в район катастрофы миксеры, бетоноукладчики, краны, бетононасосы, бетонные заводы, трейлеры, автотранспорт, бульдозеры, сухую бетонную смесь и другие строительные материалы...

Об аварии я узнал в понедельник утром 28 апреля от начальника главного производственного управления по строительству Минэнерго СССР Евгения Александровича Решетникова, когда пришел к нему доложить о результатах командировки на Крымскую АЭС. 29-го утром замминистра Садовский по нашей справке докладывал о случившемся

Долгих и Лигачеву. Потом стало известно о пожаре на крыше машзала, о частичном обрушении кровли. И только в последующие дни в Москве в министерстве стало окончательно ясно, что на Чернобыльской АЭС произошла ядерная катастрофа, какой не было равных в атомной энергетике.

Организовали непрерывное дежурство, контроль грузопотоков на Чернобыль, удовлетворение первоочередных нужд. Выяснилось, что нет механизмов с манипуляторами для сбора радиоактивных деталей. По всей площадке вокруг блока взрывом разбросало реакторный графит и обломки топлива. Договорились с одной из фирм ФРГ о закупке за миллион золотых рублей трех манипуляторов для сбора топлива и графита на территории АЭС. В ФРГ срочно вылетела группа наших инженеров во главе с главным механиком Союзатомэнергостроя Н.Н.Константиновым для обучения и для приемки изделий. К сожалению, задействовать их так и не удалось. Они работают только на ровненькой площадке, а в Чернобыле были сплошные завалы. Тогда забросили их на кровлю для сбора топлива и графита на крыше деаэрационной этажерки, но роботы запутались там в шлангах, оставленных пожарниками. В итоге пришлось собирать топливо и графит руками...

4 мая 1986 года.

В субботу 4 мая из Чернобыля прилетели Щербина, Майорец, Марьин, Семенов, Цвирко, Драч и другие. В аэропорту Внуково их встретил спецавтобус и всех увез в 6-ю клинику. Цвирко, с большим давлением и кровоизлиянием в оба глаза, ухитрился удрать в кремлевку. "Откуда?" - спросили там. "Из Чернобыля... Облучился..." "Такое лечить не умеем..." Тогда он пошел в 6-ю клинику. Там всех "обнюхали" датчиком, раздели, обмыли, обрили. Все было очень радиоактивное. Один Щербина не дал себя обрить. После обмывки переоделся в чистое и с радиоактивными волосами ушел домой. (Щербина, Майорец и Марьин отдельно от других обрабатывались в соседней с 6-й клиникой медсанчасти.)

Всех, кроме покинувшего клинику Щербины и быстро отмытого Майорца, оставили на обследование и лечение в 6-й клинике, где они

находились от недели до месяца. На смену Щербине в Чернобыль улетел новый состав правительственной комиссии во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР Силаевым.

Свидетельствует Г. А. Шашарин: "4 мая нашли задвижку, которую надо было открыть, чтобы слить воду из нижней части бассейна-барбатера. Воды там было мало. В верхний бассейн заглянули через дырку резервной проходки. Там воды не было. Я достал два гидрокостюма и передал их военным. Открывать задвижки шли военные. Использовали также передвижные насосные станции и рукавные ходы. Новый председатель правительственной комиссии Силаев уговаривал: кто откроет, в случае смерти - машина, дача, квартира, обеспечение семьи до конца дней. Участвовали: Игнатенко, Сааков, Бронников, Грищенко, капитан Зборовский, лейтенант Злобин, младшие сержанты Олейник и Навава..."

Свидетельствует Б. Я. Прушинский: "4 мая я вылетел на вертолете к реактору вместе с академиком Велиховым. Внимательно осмотрев с воздуха разрушенный энергоблок, Велихов озабоченно сказал: "Трудно понять, как укротить реактор..." Это было сказано после того, как ядерное жерло было уже засыпано пятью тысячами тонн различных материалов..."

5 мая 1986 года.

Эвакуировали Чернобыль. Объявлена тридцатикилометровая зона. Эвакуированы население и скот. Штаб Правительственной комиссии отступил в Иванков. Выброс. Резко возросла активность воздуха. Маршал Оганов тренировался с помощниками на пятом блоке по взрыву коммулятивных зарядов. Помогали офицеры и монтажники. 6 июня придется стрелять в реальных условиях по аварийному блоку. Дыра нужна для протаскивания трубопровода подачи жидкого азота под фундаментную плиту для охлаждения.

6 мая 1986 года.

Пресс-конференция Щербины. В его выступлении занижен

радиационный фон вокруг блока и в Припяти. Зачем?

Председатель Госкомитета по использованию атомной энергии СССР А.М.Петросьянц произнес кощунственные слова, оправдывая чернобыльскую катастрофу: "Наука требует жертв".

Маршал Оганов стрелял коммулятивными зарядами на аварийном блоке. Заряд приделали к стене ВСПО со стороны третьего блока, подожгли бикфордов шнур. Пробили дыру в стенах трех помещений. Но на пути оказались трубопроводы и оборудование, которые мешали протянуть трубопровод. Надо было сильно расширять дыру. Не решились...

В.Т.Кизима предложил другое решение: не стрелять, а прожигать сварочной дугой со стороны транспортного коридора. Есть там такое 009-е помещение. Начали подготовку к работам. Чтобы уменьшить горение графита и доступ кислорода в активную зону, подключили азот к реципиентам и подали его под крест аппарата...

Активность в Киеве (воздух) составила 1 и 2 мая около 2 тысяч доз. Сообщил приехавший монтажник. Данные требуют проверки.

7 мая 1986 года.

Организован штаб Минэнерго СССР в Москве для оперативной и долговременной помощи Чернобылю. Дежурство до 22.00 в кабинете первого замминистра Садовского.

Совещание у замминистра Семенова. Обваловку аварийного блока с помощью направленного взрыва специалисты Главгидроспецстроя признали невозможной. В грунтах Припяти в основном песок, который направленному взрыву не поддается.

Необходимы тяжелые грунты, а их там нет. Песок же просто разметет взрывом во все стороны. А жаль! Надо бы ставить атомные станции на тяжелых грунтах, чтобы потом в случае чего заваливать их землей, превратив в подобие скифского кургана.

В Чернобыль прибыли первые радиоуправляемые бульдозеры: японские "камацу" и наши "ДТ-250". В обслуживании большая разница: наш заводится вручную, а управляется дистанционно; если мотор заглохнет в зоне работы, где высокая радиация, надо посылать человека, чтобы снова завел. Японский "камацу" заводится и

управляется дистанционно.

Из Вышгорода, где концентрируется техника для Чернобыля, звонил диспетчер. Сказал, что сконцентрировано уже колоссальное количество машин. Водителей очень много. Неуправляемы. Трудно с организацией жилья и питания. Повсеместно пьют. Говорят, для дезактивации. Активность в Киеве и Вышгороде: воздух - 0,5 миллирентгена в час, на поверхности дорог и асфальта - 15-20 миллирентген в час. Приказ: водителей разбить на десятки и поставить во главе каждой наиболее сознательного. Неподдающихся отправлять по домам. Впредь принимать людей, исходя из необходимости иметь непрерывный резерв на подмену выбывающих из строя, то есть взявших дозу 25 бэр.

В Чернобыле временами резко возрастает активность воздуха. Плутоний, трансураны и прочее. В этих случаях срочная передислокация штабов и общежитий на новое, более удаленное место. При этом оставляют постельное белье, мебель. На новом месте оборудуют все заново. Когда в зону бедствия приезжал Председатель Совета Министров Н.И.Рыжков, люди, в частности, жаловались ему на плохое медицинское обслуживание. Премьер разнес в пух и прах министра здравоохранения Петровского и его замов.

К сожалению, у нас в стране нет необходимой специальной техники для устранения и локализации ядерных катастроф, подобных чернобыльской. Такой, как машины "стена в грунте" с достаточной глубиной траншеи, робототехники с манипуляторами, и прочего. Зам.министра А. Н. Семенов вернулся с совещания у замминистра обороны маршала Ахромеева. Рассказал: совещание представительное, человек тридцать генерал-полковников и генерал-лейтенантов. Был начальник химвойск В.К.Пикалов. Маршал распекал собравшихся.

Звонок из Чернобыля от начальника стройки В.Т.Кизимы. Жалуется на нехватку легкового транспорта. Водители с машинами, прибывшие с разных строек, выбрав дозу, уезжают самовольно на своем радиоактивном транспорте. Отмыть машины не удастся. Активность в салоне достигает 3 - 5 рентген в час. Просит дозиметры - накопители и оптические. Острая нехватка. Дозиметры воруют. Уезжающие увозят

с собой в качестве сувениров. Самое больное место - организация дозиметрической службы у строителей и монтажников. Эксплуатация деморализована, не обеспечивает и себя...

Через гражданскую оборону получено "добро" на 2 тысячи комплектов оптических дозиметров с блоками питания и зарядки с киевской базы. Передал координаты Кизиме. Просил его направить машину.

В штаб Минэнерго СССР звонят по телефону, приходят многие советские граждане, просят направить их в Чернобыль. Большинство, конечно, не представляют, какого характера работа их ждет. Но облучение почему-то никого не беспокоит. Говорят: ведь из расчета 25 рентген... Иные прямо заявляют: хотим заработать. Узнали, будто в зоне, примыкающей к аварийному блоку, платят пять окладов... Но большей частью помощь предлагают бескорыстно. Один демобилизованный солдат из Афганистана сказал: "Ну и что, что опасно? В Афганистане тоже была не прогулка. Хочу помочь стране".

Подготовили проект постановления правительства по Чернобылю "О мерах по ликвидации последствий аварии" (обеспечение техникой, автотранспортом, химикатами для дезактивации, льготы для строителей и монтажников). Министр Майорец доложит сегодня на заседании Политбюро.

20.00. Принято решение подавать жидкий бетонный раствор на завал, чтобы забетонировать куски топлива и графита и уменьшить радиационный фон. Для монтажа трубопровода срочно требуются шестьдесят сварщиков. Приказ замминистра А.Н.Семенова начальнику Союзэнергомонтажа П.П.Триандафилиди: выделить людей. Триандафилиди запальчиво кричит Семенову: "Мы сожжем сварщиков радиацией! Кто будет монтировать трубопроводы на строящихся атомных станциях?!" Последовал новый приказ Семенова Триандафилиди: подготовить список сварщиков и монтажников и передать в Министерство обороны для мобилизации.

В связи с ожидаемыми ливневыми дождями в районе Чернобыльской АЭС приказ председателя правительственной комиссии зампреда Совмина СССР Силаева: "Срочно приступить к ремонту ливневой канализации города Припяти на водохранилище пруда-охладителя.

(Ранее была в реку Припять.-Г. М.) Всему штабу правительственной комиссии выехать к аварийному блоку для организации срочных мер по закрытию активных кусков графита и топлива, выброшенных взрывом..."

Подписывая мне командировку в Чернобыль, заместитель министра Александр Николаевич Семенов сказал: "Определись с радиационными полями. Когда мы были там, никто толком не знал, сколько светит, а сейчас скрывают, врут. И вообще, приедешь - расскажи. А то вот сижу стриженный... И давление прет вверх... Не от атома ли это?.."

В Быкове долго ждали министра. Он явился с опозданием на час в сопровождении помощника, которого взял к себе в Минэнерго из Минэлектротехпрома, где до того тоже работал министром.

Кроме меня летели еще три замначальника главных управлений Минэнерго СССР: И.С.Попель - замначальника Главснаба, Ю.А.Хиесалу, - замначальника Главэнергокомплекта и В.С.Михайлов - замначальника Союзатомэнергостроя, разбитной, с компанейскими замашками, но с очень цепкими и внимательными глазами. Он был весь как ртуть, типичный холерик, минуты не мог посидеть спокойно, обязательно вылезал с какими-то соображениями, инициативами. Юло Айнович Хиесалу - спокойный, тихий, слова лишнего не молвит, а когда молвит, то с сильным эстонским акцентом. В высшей степени симпатичный и порядочный человек. Игорь Сергеевич Попель - энергичный широколицый снабженец веселого нрава. Все трое впервые в жизни ехали в зону повышенной радиации.

Спецрейс выполнялся на арендованном Минэнерго СССР самолете "ЯК-40", специально приспособленном возить начальство. Фюзеляж имел два маленьких салона: носовой, в котором располагалось более высокое начальство, и хвостовой, где размещались все остальные. Правда, субординация соблюдалась в дочернобыльскую эпоху, катастрофа резко демократизировала обстановку в спецрейсах.

В носовом салоне по левому борту в креслах за небольшим столиком друг против друга расположились министр и его помощник. По правому борту друг за другом четыре пары кресел, в которые уселись заместители начальников главков, начальники производственных

отделов и служб различных управлений министерства.

Из всех летевших этим рейсом только я один работал долгое время на эксплуатации атомных станций. Министр же, хотя и провел уже первую ядерную неделю в Припяти и Чернобыле, облучился и сидел теперь остриженный под машинку, не представлял в полной мере, что произошло, и не был способен к самостоятельному решению по комплексу возникших проблем без помощи специалистов. Упитанный, холеный, он сидел молча, ни с кем из подчиненных в салоне ни разу не заговорил. На лице его брезжила еле уловимая улыбка. Я незаметно рассматривал его, и мне казалось, что он поражен свершившимся, этой внезапно свалившейся на него ядерной катастрофой. Словно было написано на его лице: "И зачем я пришел в эту чужую для меня энергетику, взвалил на свои плечи строительство и эксплуатацию атомных электростанций? Зачем ушел от своих родных электромоторов и трансформаторов? Зачем?.." Он явно был изумлен этим обрушившимся на него ядерным хлебом. Изумлен, но не испуган. Испугаться не мог, ибо не понимал, что ядерная катастрофа - это опасно. Более того, он был не согласен, что произошла катастрофа. Просто авария... Небольшая поломка...

Летел с нами также и Кафанов - замначальника Союзгидроспецстроя, высокий, мрачный с виду человек с одутловатым лицом. Выглядел он олимпийски спокойно, однако с радиацией ему предстояло также столкнуться впервые.

Внизу уже был виден широко разлившийся Днепр. Хорошо, что кончился паводок, случись катастрофа месяц назад, вся радиоактивность оказалась бы в Припяти и Днепре...

Сзади меня шебаршился Михайлов. Его волновало неизвестное будущее, он хотел заранее все выяснить и спрашивал шепотком, видимо, стесняясь министра: "Скажи, сколько можно схватить, чтобы, ну... бесследно?.. Ну, ничего не было?.." Волновался и Попель. Рядом раздавался его четкий красивый голос: "У меня давление. Я слышал, от лучей оно подскакивает со страшной силой..." Кафанов и Юло Айнович Хиесалу молчали. Лицо министра за все время полета не изменило выражения. Серые отсутствующие, с оттенком изумления глаза его рассматривали перед собой нечто нам неведомое.

К Киеву подлетали в шестом часу вечера. Приземляться будем в аэропорту Жуляны. Низко летим над Киевом. Улицы необычно пустынные для часа пик. Редкие прохожие. Я часто подлетал к Киеву с этой стороны, но такого безлюдья никогда не было.

Наконец приземлились. Министр тут же укатил на "ЗИМе". Его встречали бледный как смерть министр энергетики Украины Скляр и секретарь обкома. Нас же встретил начальник Главснаба Минэнерго УССР Маслак, худощавый, приветливый, веселый, лысый. Вся наша команда уселась в голубой "рафик".

Маслак сказал, что активность в воздухе Киева, как передают по радио, - 0,34 миллирентгена в час, что на асфальте значительно больше, но об этом не передают. Слышал, раз в сто больше, но что это означает, он не знает, поскольку раньше никогда в жизни дела с атомом не имел. Рассказал, что за неделю из Киева уехало около миллиона человек. В первые дни на вокзале творилось невообразимое, народу больше, чем в эвакуацию во время войны. Цену на билеты спекулянты взвинтили до двухсот рублей, несмотря на дополнительные поезда, выделенные для уезжающих. Вагоны при посадке брали с боем, уезжали на крышах, на подножках. Но паника длилась не более трех-четырех дней. Сейчас можно уже из Киева уехать свободно.

- Но что же это такое - ноль целых тридцать четыре сотых миллирентгена в час?! Черт бы меня побрал! - обернулся ко мне нетерпеливый, с седеющей курчатовской бородкой В. С. Михайлов.

Рассказал, что простой смертный имеет право схватить за сутки 1,3 миллирентгена. Такая доза оговорена нормами ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения). Сейчас, то есть на 8 мая, в Киеве, если верить официальным данным, радиация в шесть раз превышает норму ВОЗ. На асфальте же, если верить Маслаку, - в 300 раз.

"Рафик" ехал полупустынными улицами. Время - семь вечера.

- Говорят, - сказал Маслак, - в первые три дня после взрыва активность в Киеве достигала ста миллирентген в час.

- Две тысячи доз против нормы для простых смертных, - пояснил я.

- Ну, знаете! - воскликнул экспансивный Михайлов. - Маслак! Где твои дозиметры? Ты Главснаб, дай нам дозиметры!

- Дозиметры получите в Иванкове.

- Останови, останови! - начал тормошить Михайлов шофера. - Вот здесь, около магазина. Надо взять водяры для дезактивации.

Шофер улыбался, но останавливаться не стал. За прошедшие десять дней он убедился, что не умер, что жить еще можно.

Выехали за городскую черту Киева. Я смотрел на мачтовый сосновый бор по сторонам, зная, что здесь теперь тоже радиоактивная грязь, хотя внешне все так же чисто и прибранно. И народу заметно меньше, и люди какими-то одинокими кажутся. И машин встречных с чернобыльского направления совсем мало... Миновали Петrivцы, Дымер. Дачи, поселки обочь дороги. Редкие прохожие. Дети с ранцами идут из школы после второй смены, и все они вроде и те, но как бы уже другие... Словно замедлилось все. Поредело и замедлилось.

То, что я описал в предыдущих главах (события 26 и 27 апреля) сложилось во мне позднее, после посещения Чернобыля и Припяти дотошного опроса многих людей, Брюханова, начальников цехов и смен АЭС, участников трагических событий. Помогли разобраться и реконструировать весь ход событий опыт многолетней работы на эксплуатации АЭС, облучение и пребывание в стационаре 6-й клиники Москвы в 70-е годы. Полной картины тогда не знал никто, каждый из очевидцев или участников событий знал лишь свой маленький кусочек трагедии...

"Рафик" бежал по широкой и совершенно пустой автостраде Киев - Чернобыль, еще десять дней назад оживленнейшей и сияющей огнями машин. Надо бы прорваться сегодня в штаб Чернобыля, думал я, успеть на вечернее заседание штаба правительственной комиссии. Но лишь в девять вечера "рафик" въехал во двор иванковских энергосетей. Вышли, размяли ноги. В деревянном бараке тут же, во дворе, на скорую руку закусили. Там была небольшая столовка оперативного персонала энергосетей. Во дворе неподалеку возбужденно беседовали недавно прибывшие из Чернобыля трое рабочих. Один был в белом, двое в синих х/б комбинезонах, с дозиметрами в нагрудных карманах. Один - в белом, высокий, лысый - указывал сорванным с головы чепцом на северо-запад в высокое, уже вечернее, затянутое грязноватой дымкой небо и выкрикивал:

- Жарит сегодня - две тысячи доз плутония, душит. - Он морщился, кашлял, отирал чепцом морщинистое лицо.

Мы тоже стали смотреть в ту сторону. Небо было зловещим и безмолвным. Мы все смотрели, смотрели туда с таким чувством, будто там война, фронт.

- А у меня почесуха, - сказал другой, - все тело зудит, аллергия... Особенно ноги у щиколоток. - Потянув вверх штанины комбинезона и нагнувшись, он стал остервенело чесать багровые опухшие ноги.

Вернулся Маслак. - Спецдежды нет, дозиметров нет, ночевать негде. Едем в Киев. В Чернобыль в таком виде нельзя, завернут. Это первые дни, говорят, были кто в чем...

Делать нечего, сели в "рафик" и вернулись в Киев. В гостинице Киевэнерго уже поджидал нас огромный мешок с хлопчатобумажной синей спецовкой, бутсами и шерстяными черными беретами. То, что береты шерстяные, плохо. Шерсть отлично сорбирует активность. Нужны бы хлопчатобумажные, но их нет. На безрыбье и рак рыба.

Утром - летнее голубое небо, двадцать пять градусов тепла. Снова уселись в "рафик". На выезде из Вышгорода, у поста ГАИ дозиметрист. Останавливает и "обнюхивает" датчиками колеса у редких машин со стороны Чернобыля. У обочины стоит голубой "жигуленок" с открытыми настежь дверями и багажником. Внутри тюки с вещами, ковры. Владельцы, мужчина и женщина, стоят рядом. "Да что же это такое?! - причитает женщина. Свое добро и не забери..."

- Сегодня злой воздух. - Водитель натянул на нос висевший на шее противопылевой респиратор.

Жжет дыхание, все сильнее режет веки. Вслед за водителем все натянули респираторы, а мне почему-то стыдно. Стыдно бить челом перед радиацией, черт бы ее побрал! Впереди на асфальте наносы пыли. Нас обошла "Волга" с министром, пыльное облако активностью около 30 рентген в час окутало "рафик". Надел респиратор. "Волга" министра скрылась за поворотом. Снова одни на дороге. Изредка обгоняем тяжело ползущий миксер с грузом сухого бетона. И вновь глухо, пусто. На обширных просторах полей, в деревнях и хуторах ни души. Зелень еще свежая. Но скоро, я знал это по опыту, начнет темнеть, чернеть, пожухнет и станет рыжей хвоя елей и сосен.

Набравшие силу зелены станут хиреть, и, как шерсть баранов, эти волосы земли будут копить в себе радиацию, Там ее наберется в два-три раза больше, чем на поверхности дорог.

Попель жалуется, что болит темечко. - Поперло давление, - заключает он. - Войну прошел, столько пережито... Приедем, сразу спрошу Садовского: нужен я здесь?" Я ведь в Москве больше могу сделать, чем в Чернобыле, в тысячу раз... И в сто раз быстрее.

Михайлов, Разумный, Кафанов то и дело заглядывают в окуляры своих дозиметров.

- А у меня стрелка вообще ушла на минус левее нуля, - сказал Разумный. - Что за качество, везде халтура!

- Это ты уже не впитываешь, а отдаешь рентгены, - шутит Филонов. - Уже отдал больше, чем схватил.

- А у меня ровно на нуле, - заявил Михайлов. - Но глаза жжет, и началась почесуха в ногах. - Он остервенело зачесал щиколотки.

- Это у тебя мандраж, Валентин Сергеевич, - сказал Разумный.

Кругом ни души. Не видно птиц, хотя нет, вон вдалеке лениво и невысоко летит ворон. Интересно бы измерить его активность. сколько он набрал радиации в перья? А вот через несколько километров еще одна живая душа. Навстречу нам со стороны Чернобыля по обочине дороги бежит, взбивая радиоактивную пыль, пегий жеребенок. Растерянный, сиротливый, вертит головой, ищет мать, жалобно ржет. В этих местах скот уже расстреливали. Чудом уцелел. Беги, беги отсюда, малыш. Впрочем, шерсть на нем тоже очень радиоактивна. Но все равно беги, беги отсюда. Может, повезет...

До Чернобыля совсем близко. Справа и слева - военные лагеря, палаточные городки, солдаты, много техники: бронетранспортеры, бульдозеры, инженерные машины разграждения (сокращенно- ИМРы) с навесными руками-манипуляторами и бульдозерными ножами. Они напоминают танки, только без орудийных башен. И снова палаточные городки. Войска, войска, войска.

Подъезжаем к райкому. Здесь тоже полно машин. В основном легковые разных марок, автобусы, "кубанцы", "рафики", бронетранспортеры, закрепленные за членами правительственной комиссии. Все эти легковые и прочие машины придется спустя время закапывать: за

месяц-два набирают такую активность, что в салоне до 5 и более рентген в час.

Обошел коридор первого этажа. На дверях приколоты нопками листки, клочки бумаги с надписями: "ИАЭ" (Институт атомной энергии), "Гидропроект", "Минуглепром", "Минтрансстрой", "НИКИЭТ" (главный конструктор реактора), "Академия наук" и многие другие. Заглянул в комнату с вывеской "ИАЭ". У окна впритык друг к другу два письменных стола, за левым - Евгений Павлович Велихов, за правым - министр Майорец в таком же, как у меня, синем х/б комбинезоне и шерстяном берете на стриженной под машинку голове. Рядом на стульях зампред Госатомэнергонадзора, член-корреспондент Академии наук Сидоренко, академик Легасов, замминистра Шашарин, зам. начальника Союзатомэнерго Игнатенко.

Майорец напирает на академика Велихова: - Евгений Павлович! Надо кому-то брать организационное руководство в свои руки. Здесь десятки министерств, Минэнерго не в состоянии объединять всех...

- Но Чернобыльская АЭС - ваша станция, - парирует Велихов, вы должны объединять. - Велихов бледен, в клетчатой рубашке, расстегнутой на волосатом животе. Утомленный вид, схватил уже около 50 рентген. - И вообще, Анатолий Иванович, нужно отдавать себе отчет в том, что произошло. Чернобыльский взрыв хуже Хиросимы. Там одна бомба, а здесь радиоактивных веществ выброшено в десять раз больше. И плюс еще полтонны плутония. Сегодня, Анатолий Иванович, надо считать людей, жизни считать...

Позднее я узнал, что фраза "считать жизни" приобрела в эти дни новый смысл: на вечерних и утренних заседаниях правительственной комиссии, когда речь заходила о той или иной частной задаче - собрать топливо и реакторный график возле блока, пробраться в зону высокой радиации и открыть или закрыть какую-либо задвижку, - председатель правительственной комиссии говорил: "На это надо положить две-три жизни... А на это - одну жизнь". Произносилось это просто, буднично.

У людей, руководивших ликвидацией чернобыльской аварии, были, конечно, ошибки, но им не откажешь в личном мужестве.

Я вышел из кабинета. Мне не терпелось скорее найти Брюханова...

Сбылось то, от чего я предостерегал его пятнадцать лет назад в Припяти. Уже казалось, что он почти прав: Чернобыльская АЭС - лучшая в системе Минэнерго СССР, сверхплановые киловатты, скрываемые мелкие аварии, Доски почета, переходящие знамена. Ордена, ордена, ордена, слава... Взрыв... Гнев душил меня.

В коротком полутемном пролете коридора, прислонившись к стене, стоял маленький, щупленький человек в белом хлопчатобумажном комбинезоне, без чепца; седые курчавые волосы, пудрено-бледное морщинистое лицо, выражение смущения, подавленности. Глаза красные, затравленные... Я прошел мимо, и тут меня ударило: "Брюханов!" Я обернулся: - Виктор Петрович?!

- Он самый, - сказал человек у стены знакомым глухим голосом. Первое чувство, возникшее во мне, когда я узнал его, было чувство жалости и сострадания. Не знаю, куда подевались гнев и злость. Передо мною стоял жалкий, раздавленный человек. Мы долго молча смотрели в глаза друг другу.

- Вот так, - наконец сказал он и отвел глаза. А мне, странно говорить, стыдно было в этот миг, что я оказался прав. Лучше бы уж я был не прав.

- Ты плохо выглядишь, - нелепо как-то сказал я. Именно нелепо. Ибо сотни, тысячи людей облучались сейчас фактически стараниями этого человека. И тем не менее я не мог говорить с ним иначе.

- Сколько ты получил рентген?

- Сто - сто пятьдесят, - глухим, хриловатым, таким знакомым голосом ответил стоящий в полутьме у стены человек.

- Где твоя семья?

- Не знаю. Кажется, в Полесском... Не знаю... Я никому не нужен... Болтаюсь, как дерьмо в проруби. Никому здесь не нужен...

- А где Фомин?

- Он свихнулся... Отпустили отдохнуть... В Полтаву...

- Как оцениваешь нынешнюю ситуацию здесь?

- Нет хозяина... Кто в лес, кто по дрова.

- Мне говорили, что ты просил у Щербины разрешения на эвакуацию Припяти двадцать шестого апреля утром. Это так?

- Да... Но мне сказали: не поднимать панику... Это была самая тяжкая

и страшная ночь для меня...

- Для всех, - сказал я. - Что мы стоим здесь? Давай пройдем в какую-нибудь пустую комнату.

Опять глаза в глаза. Говорить было не о чем. Все и так ясно. Почему-то вспомнилось, по телевизору видел, на съезде камера несколько раз отыскивала в зале его лицо. Лицо человека, достигшего вершины признания. И еще... еще... Властное было лицо...

- Ты докладывал в Киев двадцать шестого апреля, что радиационная обстановка в пределах нормы?

- Да... Так показывали приборы... Кроме того, было шоковое состояние.

Я взял блокнот, чтобы записывать, но он остановил меня.

- Все здесь очень грязное. На столе миллионы распадов. Не пачкай руки и блокнот...

Заглянул Майорец, и Брюханов, видимо уже по привычке, с готовностью вскочил, забыв обо мне, и пошел к нему.

Мне представился незнакомый, тоже пудрено-бледный человек (при воздействии доз радиации до 100 рентген происходит спазм наружных капилляров кожи и создается впечатление, что лицо припудрили). Оказался начальником отдела атомной станции. Горько улыбаясь, сказал: - Если бы не эксперимент с выбегом генератора, все было бы по-прежнему...

- Сколько вы схватили?

- Рентген сто. От щитовидки первые дни светило сто пятьдесят рентген. Сейчас уже распалось... Йод-131. Зря не дали людям взять нужные вещи. Многие сейчас очень мучаются. Можно было в полиэтиленовые мешки... - И вдруг сказал: - Я помню вас, вы работали у нас заместителем главного инженера на первом блоке.

- А я что-то запамятовал... Где сейчас сидят ваши, эксплуатация?

- На втором этаже, в конференц-зале и в соседней комнате.

Пошел на второй этаж. Снаружи в воздухе хорошо светит, думал я, почему они не экранируют окна свинцом?.. В коридоре в основном двери в кабинеты министров, академиков. А вот дверь без надписи. Открыл, заглянул. Продолговатая комната, окна полужа shutterены. За столом сидел седой человек. Узнал зампреда Совмина СССР Силаева.

В прошлом - министр авиационной промышленности. Сменил здесь Щербину 4 мая. Зампред молча смотрит на меня. Глаза властно поблескивают. Молчит, ждет, что скажу.

- Окна надо экранировать листовым свинцом, - не называя себя, сказал я. Он продолжал молчать, но лицо его мало-помалу стало приобретать жесткое выражение. Закрыв дверь и прошел в конференц-зал...

Замечу, что экранировали окна свинцом значительно позже, 2 июня, при сменившем Силаева зампреде Совмина СССР Воронине, когда реактор выплюнул из-под наваленных на него мешков с песком и карбидом бора очередную порцию ядерной грязи.

На сцене конференц-зала за столом президиума сидели эксплуатационники и по нескольким телефонам поддерживали оперативную связь с бункером и блочными щитами управления первых трех блоков АЭС. У всех сидящих в "президиуме" лица виноватые, нет былой выправки и уверенности атомных операторов, характерных для времен успеха и славы.

В зале на стульях небольшими группками сидят люди. У окна вижу старого приятеля, начальника химцеха Ю.Ф.Семенова, он что-то обсуждает с незнакомым мне человеком в спецовке. Семенова я в 1972 году принимал на работу, он тогда очень рвался на Чернобыльскую АЭС. Специалист он толковый, много лет проработал на спец.очистке радиоактивных вод.

- Здорово, старина! - оторвал я его от беседы.

- О-о! Рад видеть тебя. Вот видишь, в какие времена приехал...

- Приехал вот...

Семенов, тоже пудрено-бледный, за последние несколько лет сильно слал. Смолисто-черные бакенбарды стали совсем белыми. Года два назад он оформил пенсию по первому списку, собирался оставить цех.

- Ты же хотел уйти на чистую работу?

- Да-а... Хотел вот, но замешкался. А теперь куда уж... Теперь я здесь нужен.

- Жена, дочь где?

- Они в Мелекессе у бабушки. Вещи вот вывезти не удалось. Все, что нажито, все пропало. И дача и машина. Я только новую купил... В

квартире у меня, вчера ездил туда, на всех вещах один рентген в час. Куда с этим денешься? Первый микрорайон, ему больше всего досталось от радиоактивного облака.

Возле окна - огромный мешок с футбольными камерами, белесоватыми от талька. Зачем их столько?

- Пробы воздуха берем, - объяснил один из операторов.

- Где?

- Да везде. И в Припяти, и в Чернобыле, и в тридцатикилометровой зоне...

- Это что, вместо камер Туркина? (Камера Туркина - пластмассовая гармошка с клапаном, при растягивании которой внутрь забирается порция воздуха или газа для пробы.) Оператор засмеялся;

- Где их возьмешь, камеры Туркина? А этого добра навалом.

- Как же вы накачиваете их? Насосом?

- Где насосом, а где и ртом. Велосипедных насосов тоже не напасешься. В нынешних условиях - страшный дефицит.

- Ртом надувать - неточный замер будет, - сказал я. - Вдохнул - и половина радиоактивных веществ в легких осталась. Легкие как фильтр действуют. При каждом вдохе-выдохе в легких идет накопление радиоактивной грязи.

- А что делать? - смеется оператор. - Мы уже на такие пустяки внимания не обращаем.

В бывшем кабинете первого секретаря знакомые и незнакомые люди в хлопчатобумажных комбинезонах, в торце стола безучастно сидит Брюханов. На столе фотографии разрушенного реактора, сделанные с вертолета, генплан промплощадки. Брюханов тычет в одну из фотографий:

- Это бассейн выдержки отработавшего топлива. Битком забит кассетами. Воды в бассейне сейчас точно нет, испарилась. Кассеты разрушатся от остаточных тепловыделений...

- Разве их возьмешь оттуда? - сказал Игнатенко. - Захороним вместе с реактором...

Вошел высокий пожилой генерал в парадном мундире.

- Кто мне подскажет, товарищи? Я командую группой армейских дозиметристов. Никак не наладим контакт ни со строителями, ни с

эксплуатацией, надо, чтобы кто-то координировал.

Ему советуют найти Каплуна, это начальник службы дозиметрии АЭС.

У меня своя забота: нужна машина, чтобы проехать в Припять и к блоку. Игнатенко отказал: проси у Кизимы. Я спустился на первый этаж в диспетчерскую. У телефона дежурил заместитель начальника Главтехстроя Минэнерго СССР В.И.Павлов.

- У тебя машина есть? - спросил я. - Проскочить в штаб Кизимы.

- Нет, к сожалению. Здесь каждый со своей тачкой. Тысяча хозяев, черт ногу сломит. Садовский куда-то уехал на своем "жигуле"...

- Ладно, пойду пехом. Будь здоров.

От политого десорбирующими растворами асфальта поднимаются испарения. Тошнотворно-приторный запах. Иду вдоль улицы вверх. Тихо. И листва какая-то притихшая, вроде заторможенная. Еще не мертвая, но неестественная, будто листья покрыли воском, законсервировали, и они застыли и прислушиваются, принимают к ионизированному газу. Ведь от воздуха светит до 20 миллирентген в час... Но еще живы деревья, еще находят в этой плазме что-то свое, нужное для жизни. Вот и вишни и яблони в буйном цвету. В отдельных местах уже есть завязь. Но все, и цветы и завязь, копят теперь активность.

У плетня покинутого подворья девушка лет двадцати в белом х/б комбинезоне обламывает ветви цветущей вишни. Окунула в букет лицо.

- Девушка, цветы грязные.

- Да ну вас, - отмахнулась она и вновь принялась ломать ветви.

Я тоже сломал несколько усыпанных белыми цветами веток. Двинул с букетом к Кизиме.

Штаб Кизимы находится в бывшем здании ПТУ. Полно народу. Стоят, сидят на лавочках, ходят туда-сюда по делу и без дела. Подъезжающие и отъезжающие машины поднимают долго не оседающие облака пыли. Респираторы у большинства людей висят на шее. Некоторые, когда поднимается пыль, натягивают их на нос. Метрах в тридцати от ПТУ на хоздворе - вышедшие из строя радиоактивные бетоновозы, миксеры, самосвалы. У крыльца ПТУ густая липа. Птиц не слышно. В лучах припекающего солнца упруго

звенит большая синяя муха. Не вся живность исчезла. Мухи есть. И не только большие синие, но и обычные домашние. Много мух внутри здания. По запаху, ударившему в нос, становится ясно, что санузлы здесь работают плохо. У входной двери дозиметрист измеряет активность спецовки на невысоком, в защитного цвета комбинезоне рабочем. Лицо у рабочего буро-коричневое (ядерный загар), он возбужден.

- Где был?-спросил дозиметрист, приставляя датчик к щитовидной железе.

- У завала... Еще в транспортном коридоре...

- Больше не ходи туда... Хватит с тебя...

- Сколько взял?

- Говорят, больше не ходи туда, - сказал дозиметрист и отошел в сторону.

Я попросил его измерить активность букета цветов.

- Двадцать рентген в час. Выбросьте его подальше...

Забросил букет на хоздвор, к радиоактивным машинам.

Из кабинета Кизимы вышло несколько человек. Возбуждены. Кизима один, откупоривает банку манго. На щеках паутина волокон ткани Петрянова от респиратора "лепесток".

- Привет, Василий Трофимович!

- А-а, привет москвичам! - безрадостно отвечает он. Кивает на банку:

- Витаминов целый комплекс. От радиации помогает. - Жадно пьет, судорожно дергается кадык.

Телефонный звонок. Кизима взял трубку.

- Да! Кизима... Слушаю, Анатолий Иванович... Министр, - шепнул мне, прикрыв микрофон рукой. - Да, да, слушаю. Взять карандаш и бумагу? Взят. Рисую наклонную линию под сорок пять градусов, так... Теперь вертикальную... Есть.. Теперь горизонтальную. Нарисовал... Получился прямоугольный треугольник. Все? - Он еще некоторое время слушал, потом положил трубку. Вот, понимаешь, работаю как прораб. Министр Майорец - как старший прораб, а товарищ Силаев, зампред Совмина СССР, - как начальник стройки. Полный бардак. Вот, пожалуйста, звонок министра. Передал мне рисунок по телефону. Треугольник... - Кизима повернул ко мне листок. - Это завал возле

блока. Говорит, на него качай цементный раствор. Будто я первоклашка и ничего не знаю, А я этот завал пешком обошел двадцать шестого апреля утром. А потом еще несколько раз. И сейчас только что оттуда... А он мне, понимаешь, рисуй треугольник. Ну, нарисовал, а дальше что? Мне, честно говоря, они не нужны ни министры, ни зампреды. Здесь стройка, пусть радиационно опасная, но стройка. Я начальник стройки. Мне достаточно Велихова научным консультантом, военные должны организовать комендатуру и обеспечить порядок. И людей, конечно Люди-то разбежались. Имею в виду штатный состав стройки. Да и дирекция. У них уехали без документов и выходного пособия более трех тысяч. На двадцать пять человек один дозиметр, и тот неисправный. Но даже неисправный действует магически. Люди доверяют этой железке. А без нее не идут на облучение. Вот у тебя дозиметр... Отдай его мне. С ним пошлю еще двадцать пять человек.

- Вернусь из Припяти - отдам, - пообещал я Кизиме. Вошел прораб.

- Василий Трофимович, нужны водители на смену. Мы сжигаем людей. Эта смена уже выбрала норму. Почти у всех двадцать пять бэр и больше. Люди плохо себя чувствуют.

- А что Яковенко? - спросил я. - Три дня назад его диспетчер звонил в Москву, жаловался, что трест не может справиться с прикомандированными шоферами, бездельничают, пьют водку, негде расселять, нечем кормить...

- Да что ж он врет! Мне позарез нужны люди! Жжет грудь, кашель, болит голова, - пожаловался Кизима.

- Почему не экранируешь свинцом окна, кабины автомашин? Это уменьшит облучаемость.

- Свинец вреден, - убежденно говорит Кизима. - Настораживает людей и сдерживает работы.

Связались с Москвой. Срочно командировать водителей на смену облученным. Яковенко сказал, что завтра утром двадцать пять человек придут в Чернобыль для подмены. Прораб, обнадеженный, ушел. И тут же - стук в дверь. Молодой генерал-майор и с ним еще три офицера - полковник и два подполковника.

- Подразделение прибыло для охраны пруда-охладителя. Чтобы не

было диверсии: могут взорвать плотину, и вся грязная вода уйдет в Припять и Днепр... Выставляю по всему периметру дамбы посты, но необходимы укрытия, защищающие часовых от облучения.

- Предлагаю лотки, - сказал Кизима. - Есть у нас тут железобетонные лотки длиной два метра каждый. Поставить на попа под углом, и будка готова. Давать команду?

Звонок. Кизима снял трубку.

- Так... Так... А что говорит Велихов? Думает?.. Пусть думает. Прекратите пока подачу смеси на завал. - Положил трубку. - Гейзеры из жидкого бетона начали бить. На топливо в завале как попадет жидкость, начинается то ли разгон атомный, то ли просто нарушение теплообмена и рост температуры. Резко ухудшается радиационная обстановка.

- Мне бы надо, Василий Трофимович, - сказал я, - проскочить к аварийному блоку. Машину можешь дать на часок-другой?

- С машинами дело дрянь... Ладно. Здесь один начальник уехал на денек в Киев. Возьми его "Ниву". У нее два ведущих моста, может сгодиться. Прихвати у дозиметристов радиометр. На часок-другой одолжат. - Кизима назвал номер машины. - Шофера зовут Володя.

- Не робкий?

- Парень боевой. Недавно из армии.

К счастью, у Володи оказался спецпропуск в Припять. Через десять минут мы уже выскочили на автостраду в сторону Чернобыльской АЭС. Сотни раз ездил я по этой дороге в 70-е годы и позже, когда работал уже в Москве. Восемнадцатикилометровая лента асфальта на перегоне от Чернобыля до Припяти окантована метровой ширины розовым бетоном. Это защитные полосы, чтобы не обламывался с боков асфальт. Мы радовались в свое время, что только у нас такая дорога и что меньше средств придется тратить на ремонт дорожного полотна. Но теперь...

- А если возле четвертого блока заглохнет мотор? - с подначкой спросил Володя: - У нас уже случалось такое, правда, не около блока, а в Припяти... Там не так печет...

- Заведешь, если заглохнет, - сказал я. - По какой специальности служил?

- На "УАЗе-469" возил командира полка. А вот и дозиметрический пост. Солдаты химвойск, смотрите.

На обочине дороги стояла большая зеленая машина-цистерна с навесными приспособлениями: насосы, приборы, шланги. Со стороны Припяти подъехал "Москвич", его остановили, измерили датчиком колеса, днище, кузов сверху. Пассажиров и водителя попросили выйти. Машину стали мыть десорбирующими растворами. Солдаты в респираторах и матерчатых шлемах, плотно облегающих голову, уши, спадающих шалькой на плечи. Один из солдат с радиометром на груди и длинной палкой-датчиком сделал нам отмашку рукой. Мы остановились. Он проверил спецпропуск, приклеенный Володи к лобовому стеклу. Все в порядке. "Обнюхал" датчиком нашу "Ниву" - фон.

- Можете ехать, но учтите - там машину испачкаете. Вон на "Москвиче" три рентгена в час. И не отмывается. Не жалко машину?

- У нас радиометр, - показал я на прибор, - будем осторожны.

Солдат посмотрел на меня впитывающими синими лазами: мол, меня не обведешь, дядя, и, с силой захлопнув дверцу, разрешающе махнул рукой. Володя поддал газку. "Нива" летела со свистом. Я приспустил стекло и высунул датчик. Интересно было узнать, как нарастает активность с приближением к Припяти.

Справа и впереди за убегающими вдаль радиоактивными зелеными хорошо был виден белоснежный в лучах майского солнца комплекс Чернобыльской АЭС, ажурное кружево мачт объединенного распреустройства в 330 и 750 киловольт. Я знал уже, что на площадку ОРУ-750 взрывом закинуло куски топлива и оттуда здорово сифонит...

На фоне всей этой шикарной белизны и ажурности болью в душе отдавался страшный черный развал четвертого энергоблока. Стрелка радиометра вначале показала 100 миллирентген в час; а затем уверенно поползла вправо - 200, 300, 500... И вдруг - рывок на зашкал. Я переключил диапазоны. 20 рентген в час. Что это? Скорее всего рентгенный ветерок со стороны аварийного блока. Через пару километров стрелка радиометра снова упала, на этот раз на 700 миллирентген в час.

Вдали показался хорошо различимый, давно знакомый дорожный указатель "Чернобыльская АЭС имени Ленина" с бетонным факелом. Далее - указательный бетонный знак: "Припять, 1970 год".

- Давай, Володя, сначала в Припять.

Володя взял левее, поддал газку, и вскоре мы влетели на путепровод. Перед глазами открылся белоснежный в лучах солнца город. На путепроводе стрелка радиометра снова рванула вправо. Я стал переключать диапазоны.

- Быстрее проскакивай это место. Тут прошло облако взрыва. Натрясло здесь... Быстрее...

На большой скорости мы проскочили горб путепровода и стремглав влетели в раскинувшийся перед нами мертвый город. Сразу бросилось в глаза и больно ударило: трупы кошек и собак, всюду - на дорогах, во дворах, в скверах - белые, рыжие, черные, пятнистые трупы расстрелянных животных. Зловещие следы покинутости и необратимости несчастья...

- Езжай по улице Ленина, - попросил я Володю. Строительный номер дома, где я жил, когда работал здесь, девятый, помню до сих пор. Странно выглядел город. Будто раннее-раннее утро. Все спят мертвым, беспробудным сном. Утварь и белье на балконах. Блики солнца в окнах, похожие на бельма, а вот случайно раскрытое окно и, как мертвый язык, выпавшая наружу занавеска, увядшие цветы на подоконниках...

- Стоп, Володя, вот здесь направо. Сбавляй скорость... - Стрелка радиометра ползала туда-сюда от 1 рентгена до 700 миллирентген в час. - Езжай медленно, - попросил я, - Вот мой дом... Здесь я жил на втором этаже. Ишь как разрослась рябина. Вся в радиоактивном цвету. При мне до второго этажа не дотягивала, а теперь аж до четвертого дотянулась.

Пусто. Плотно зашторенные окна. Чувствуется, что за этими шторами нет жизни, они как-то удручающе неподвижны. Вон велосипеды на балконе, какие-то ящики, старый холодильник, лыжи с красными палками. Все пусто, глухо, мертво. На узкой бетонной дороге внутреннего двора поперек - труп огромного черного, в белых яблоках дога.

- Останови, замерю, сколько набрала шерсть.

Володя заехал левыми колесами на клумбу и остановился. Зелень цветов от радиации почернела, цветы пожухли. Активность грунта и бетона дороги – 60 рентген в час.

- Смотрите, смотрите! - вскрикнул Володя, показывая рукой. По узкому проулочку от школы вдоль стены длинного пятиэтажного дома в нашу сторону бежали две большие тощие свиньи. Они подскочили к машине, взвизгивая, ошалело тыкали мордами в колеса, в радиатор. Затравленными красными глазами поглядывали на нас, поводили рылами вверх, к нам, словно прося чего-то. Движения какие-то несогласованные, раскоординированные. Их шатало. Я подсунул датчик к боку борова - 50 рентген в час. Боров пытался было хапнуть зубами датчик, но я успел отдернуть. Тогда голодные радиоактивные свиньи принялись пожирать дога. Они довольно легко отрывали из бока уже разложившегося трупа большие куски, раздергивая труп и протаскивая его туда-сюда по бетону. Из провалившихся глаз и ощеренной пасти поднялась стая растревоженных синих мух.

- Давай назад, Володя. На путепровод и к разрушенному блоку.

- А если заглохнет мотор?

- Заглохнет - заведешь. Поехали. Вырулив на улицу Ленина, он спросил:

- Едем по встречной полосе? Или как?... Наша сторона вон там. Объезжать сквер?

- Не надо.

- Как-то неудобно. Вроде нарушаем правила уличного движения. – Володя горестно усмехнулся, и мы помчали не по своей стороне мимо трупов собак и кошек к аварийному энергоблоку.

Путепровод проскочили на полной скорости. Снова стрелка радиометра рванула на несколько диапазонов и опять упала. Справа открылась ужасающая картина разрушенного энергоблока. Весь разлом и завал имели цвет черных обгорелостей. Над полом бывшего центрального зала, где реактор, вверх струились волнистые потоки восходящего, ионизированного радиацией газа.

Как-то необычно ново и зловеще в этой разрухе и черноте поблескивали на солнце сорванные с мертвых опор и сдвинутые в

сторону барабаны-сепараторы. До блока метров четыреста.

- Включай передний мост, - сказал я Володе. - Может потребоваться повышенная проходимость.

Но что это? Внутри ограды рядом с разрушенным блоком и вплотную к завалу ходят солдаты, что-то собирают.

- Поворачивай направо. Вот здесь... дальше... Поезжай за здание ХЖТО и остановись вплотную к ограждению.

- Зажарит нас, - сказал Володя, прицельно глянув на меня. Лицо у него красное, напряженное. Мы оба в респираторах.

- Останови здесь. О-о! Да там офицеры тоже... И генерал...

- Генерал-полковник, - уточнил Володя.

- Это, наверное, Пикалов...

Солдаты и офицеры собирали топливо и графит руками. Ходили с ведрами и собирали. Ссыпали в контейнеры. Графит валялся и за изгородью рядом с нашей машиной. Я открыл дверь, подсунул датчик радиометра почти вплотную к графитовому блоку. 2 тысячи рентген в час. Закрыл дверь. Пахнет озоном, гарью, пылью и еще чем-то. Может быть, жареной человечинной... Солдаты, набрав полное ведро, как-то, мне казалось, неспешно шли к металлическим ящикам-контейнерам и высыпали туда содержимое ведер. Милые мои, подумал я, какой страшный урожай собираете вы... Урожай минувшего двадцатилетия... Но где же? Где миллионы рублей, отпущенных государством на разработку робототехники и манипуляторов? Где? Украли? Пустили по ветру? Лица солдат и офицеров темно-бурые: ядерный загар. Синоптики обещают ливневые дожди, и чтобы активность не смыло дождями в грунт, вместо роботов, которых нет, пошли люди. Позже, узнав об этом, академик Александров возмущался: "На Чернобыле не жалеют людей. Это все падет на меня..." А ведь не возмущался, когда выдвинул на Украину взрывоопасный РБМК...

Вдали видны навалы песка. Минтрансстроевцы роют захватки под реактором. Пробили уже два тоннеля. Потом эстафету у них возьмут угольщики.

- Под бетонную подушку роют, - сказал Володя. - Говорят, бутылка водки под реактором стоит сто пятьдесят рублей... Для дезактивации...

- Поехали! - приказал я Володе. - Вон, видишь, впереди дорога, вдоль подводящего канала. По ней свернешь налево.

Володя вырулил на дорогу. Поехали мимо ОРУ-750. Стрелка радиометра подскочила до 400 рентген в час. Ясное дело - сюда забросило взрывом топливо. Метров через двести, напротив ОРУ-330, стрелка упала до 40. И вдруг... Ч-черт! Непредвиденное. Дорога завалена, перегорожена железобетонными блоками. Проезда нет. А рентгены бегут, как время. Левее асфальта железная дорога.

- А ну, Володя, покажи, на что способен. Сворачивай на железную дорогу и метров пятьдесят по полотну вон на ту бетонку, что ведет к АБК-1. Вперед!

"Нива" не подвела. И Володя оказался на высоте.

Возле АБК-1 несколько бронетранспортеров. На площади строй солдат. Офицер перед строем ругает подчиненных за то, что они нарушают правила радиационной безопасности: сидят на земле, курят, раздеваются по пояс, чтобы загореть, пьют водку и прочее. У офицера и солдат респираторы не надеты, висят на шее. Безграмотность от плохо поставленного обучения... Ведь от этих молодых парней пойдет потомство. Даже один рентген в год дает пятидесятипроцентную вероятность мутации...

- Побудь, Володя, тут, я быстро... Смотри не уезжай, а то я застряну здесь.

Захватив радиометр, побежал в бункер. Там чисто. Даже фона нет. Но душно. Полно народу. Как в бомбоубежище во время войны. Столы, кровати по бокам для отдыха персонала. Вон группа отдыхающих дуется в козла. Слышен стук костяшек. Здесь же дежурные дозиметристы, возле телефонов операторы, у которых связь с БЩУ и со штабом в Чернобыле. На стене карта радиационных замеров по промплощадке. Но мне не нужна, замерил сам. Поднялся на второй этаж АБК. Тишина, пустота. По переходной галерее прошел на десятую отметку деаэрационной этажерки... Теперь - быстро вперед! Моя цель - блочный щит управления четвертого энергоблока. Я должен увидеть то место, где была нажата роковая кнопка взрыва, посмотреть, на какой высоте застряли стрелки указателей положения поглощающих стержней, замерить активность на БЩУ и рядом, понять,

в какой обстановке работали операторы...

Быстрым шагом, почти бегом пошел по длинному коридору в сторону четвертого блока. До БЩУ-4 примерно шестьсот метров. Быстрее... На радиометре - рентген в час. Стрелка медленно ползет вправо. Миновал БЩУ-1 и БЩУ-2. Двери открыты. Видны фигуры операторов. Расхолаживают реакторы. Вернее, поддерживают реакторы в режиме расхолаживания. Третий блок. Ему уже досталось от взрыва. Активность - 2 рентгена в час. Иду дальше. Металлический привкус во рту. Ощущаются сквозняки, пахнет озоном, гарью. На пластиковом полу осколки выбитых взрывом стекол. Активность - 5 рентген в час. Провал возле помещения комплекса "Скала" - 7 рентген. Вот щитовая КРБ второй очереди - 10 рентген. Ощущение, что иду по коридорам и каютам затонувшего корабля. Справа двери в лестнично-лифтовой блок, дальше - в резервную пультовую. Слева дверь в БЩУ-4. Здесь работали люди, которые сейчас умирают в 6-й клинике Москвы. Вхожу в помещение резервного пульта управления, окна которого выходят на завал, - 509 рентген в час. Стекла выбиты взрывом, хрустят и взвизгивают под каблуками. Назад! Вхожу в помещение БЩУ-4. У входной двери 15 рентген, у рабочего места СИУРа (умирающего сейчас Леонида Топтунова) 1 рентген. На сельсинах-указателях поглощающих стержней стрелки застыли на высоте двух-двух с половиной метров. При движении вправо активность растет: 50-70 рентген в час. Выскакиваю из помещения и бегом в сторону первого энергоблока. Быстро!..

Вот оно настало немыслимое. Мирный атом во всей своей первозданной красе и устрашающей мощи...

Володя на месте. Солнце, голубое небо, жара градусов тридцать. Строй посреди площади давно распался, солдаты сидят на бронетранспортерах. Курят. Двое разделись до пояса, загорают. Молодость не верит в смерть. Молодые бессмертны. Здесь это так наглядно. Не выдержал, кричу:

- Парни, хватаете лишние бэры! Вас же инструктировали только что!

Белобрысый солдат улыбается, привстав на броне.

- А мы что, мы ничего. Загораем...

- Поехали!

К вечеру 9 мая примерно в 20 часов 30 минут прогорела часть графита в реакторе, под сброшенным грузом образовалась пустота, и вся машина из пяти тысяч тонн песка, глины и карбида бора рухнула вниз, выбросив из-под себя огромное количество ядерного пепла. Резко возросла активность на станции, в Припяти - в тридцатикилометровой зоне. Рост активности ощущался даже за шестьдесят километров в Иванкове и в других местах. В наступившей уже темноте с трудом подняли вертолет и замеры активности.

Пепел лег на Припять и окружающие поля. 16 мая я улетел в Москву.

Свидетельствует Ю.Н.Филимонпев, заместитель начальника главного научно-технического управления Минэнерго СССР:

"Ездили после Чернобыля на Игналинскую АЭС. Там в свете чернобыльской аварии проверили физику и конструкцию реактора типа РБМК. Сумма положительных коэффициентов реактивности еще большая, чем в Чернобыле, во всяком случае не меньше. Паровой коэффициент выше двух бета. Ничего не предпринимают. Спросил: почему не пишете по инстанции? Ответили: а что толку?

Тем не менее выводы комиссии о реконструкции всех реакторов типа РБМК в сторону повышения безопасности неукоснительно приняты к исполнению. В правительство представлено несколько актов расследования. В том числе Минэнерго СССР, правительственной комиссии и Минсредмаша. Все внешние организации сделали выводы против Минэнерго: виновата эксплуатация, а реактор здесь ни при чем. Минэнерго же, наоборот, представило более взвешенные и сбалансированные выводы, указав и на вину эксплуатации и на порочную конструкцию реактора.

Щербина собрал все комиссии и потребовал согласованного заключения для представления в Политбюро ЦК КПСС".

...Думаю о десятках погибших, имена которых мы знаем, и о многих нерожденных, о прерванных жизнях, имен которых мы никогда не узнаем, ибо они погибли из-за прекращения беременности у женщин, облученных в Припяти 26 и 27 апреля.

К 17 мая 1986 года ВОХР Минэнерго СССР похоронил с воинскими

почестями на Митинском кладбище четырнадцать человек, пострадавших 26 апреля на аварийном блоке и умерших в 6-й клинической больнице Москвы. Это эксплуатационники и пожарники. Борьба врачей за жизнь остальных тяжелых и менее тяжелых больных продолжалась. Работники аппарата Минэнерго СССР дежурили в клинике, помогая медперсоналу.

В начале 70-х годов я лежал здесь на девятом этаже в отделении профессора И.С.Глазунова. Тогда еще не было здания пристройки слева.

Отделение битком было забито больными лучевой болезнью. Были и очень тяжелые случаи.

Запомнился Дима, парень лет тридцати. Подвергся облучению, находясь в полуметре от источника. Стоял к нему спиной и чуть правым боком. Пучок лучей шел снизу. Максимум воздействия пришелся на голени, стопы, промежность, ягодицы. Увидел не саму вспышку, а ее отражение на противоположной стене и потолке. Поняв, в чем дело, побежал выключать что-то. Находился в аварийных условиях три минуты. К случившемуся отнесся очень трезво. Вычислил приблизительную дозу, им полученную. В клинику поступил через час после аварии.

Температура - тридцать девять, озноб, тошнота, возбужден, глаза блестят. Говорит жестикулируя, немного по-шутовски представляя случившееся. Однако очень связно и логично. Немного не по себе всем от его шуток. Контактен, тактичен, терпелив.

Через сутки после аварии у больного из четырех точек (грудина, подвздошные кости, обе спереди и слева сзади) взяли костный мозг. Средняя интегральная доза на весь организм - 400 рад. На четвертые-пятые сутки - поражение слизистой рта, пищевода, желудка. Во рту, на языке, щеках - язвы, слизистая отходила пластами, пропал сон, аппетит. Температура тридцать восемь-тридцать девять, возбужден, глаза блестят, как у наркомана.

На шестые сутки - поражение кожи правой голени, отек, чувство распирания в ней, одеревенение, морфинные боли.

На шестые сутки перелито около четырнадцати миллиардов клеток костного мозга. Больного перевели в стерильную кварцующуюся

палату. Начался период кишечного синдрома. Стул двадцать пять - тридцать раз в сутки с кровью и слизью. Тенезмы, урчания и переливания в области слепой кишки. В связи с тяжелым поражением рта и пищевода шесть дней пищу через рот не получал, чтобы не травмировать слизистую. Внутривенно переливались питательные смеси.

В это же время на промежности и ягодицах появились вялые болезненные пузыри. Голень правой ноги сине-багровая, отечная, блестящая, гладкая на ощупь. С четырнадцатых суток началась эпиляция (выпадение волос), причем очень странно. Выпали все волосы справа - и на голове и на теле. Дима сам про себя говорил, что он как беглый каторжник. Своеобразный юмор висельника, однако он очень здорово подбадривал остальных двоих, облучившихся вместе с ним.

Они совсем раскисли, хотя течение болезни у них было безусловно более легким. Дима писал им юмористические записки в стихах, но иногда срывался и круто переходил в депрессию. Очень долго его раздражали громкие разговоры, музыка, шум каблуков. Однажды наорал на врачиху, что от стука ее каблуков у него понос начинается. Родственников к нему до трех недель не допускали.

С сороковых суток состояние его улучшилось, а на восемьдесят вторые сутки Диму выписали. Осталась глубокая трофическая язва (незаживающая) на правой голени. Сильно хромот. Стоял вопрос об ампутации правой ноги по колено...

Второй больной - Сергей, двадцати девяти лет. Поступил из НИИ, где манипулировал с радиоактивными веществами в горячей камере. Из-за слишком близкого сведения кусков вещества произошел ядерный всплеск.

Несмотря на сразу же начавшуюся рвоту, рассчитал ориентировочную дозу 10 тысяч рад. Через полчаса потерял сознание. Доставили на самолете в крайне тяжелом состоянии. Температура сорок, отек лица, шеи, верхних конечностей. У него были такие руки, что измерить давление обычной манжетой не удавалось, сестрам приходилось надставлять. Очень терпеливо перенес трепанбиопсию и пункцию костного мозга. Находился в сознании. Через пятьдесят четыре часа

после аварии резко упало артериальное давление – до нуля. Через пятьдесят семь часов Сергей скончался от острой дистрофии миокарда...

Лечащий врач, с которым я подружился, сказал мне: "Это, по существу, была смерть под лучом от непосредственного воздействия ионизирующей радиации. Спасти таких больных невозможно: ткань сердца просто ползет, рассеченная радиацией..."

Третий, Николай, тридцати шести лет, прожил пятьдесят восемь суток. Это были сплошные мучения: тяжелейшие ожоги (кожа сходила пластами), пневмония, агранулоцитоз. Кроме того, у него был тяжелейший панкреатит, он сильно кричал от болей в поджелудочной железе. Наркотики не помогали. Успокаивался лишь после наркоза закистью азота.

Была ранняя весна. Кажется, апрель. Как и сейчас в Чернобыле. Светило солнце, и в больнице было очень тихо. Я заглянул к Николаю. Он лежал один в стерильной палате. Рядом с кроватью стоял столик со стерильными хирургическими инструментами, на другом столике мази: симбезон, Вишневского, фурацилин, настойка прополиса, облепиховое масло, стерильный корнцанг с намотанной на него марлечкой. Все это для обработки обнаженной кожи.

Он лежал на высокой наклонной кровати. Над кроватью – каркас из железных прутьев, на нем мощные лампы, чтобы не было холодно, потому что Николай лежал совсем голый. Кожа от облепихового масла стала желтоватой...

Но что это?.. Николай... Владимир Правик... Как все поразительно страшно повторилось!. Пятнадцать лет спустя такая же палата, та же наклонная койка с каркасом, греющие лампы, по графику включающийся кварц...

Владимир Правик, голый лежит на наклонном ложе под железным каркасом с лампами. Вся поверхность тела обожжена, трудно разобрать, где огнем, где радиацией, все слилось. Чудовищные отеки снаружи и внутри. Распухли губы, полость рта, язык, пищевод... Ядерная боль особенная, она нестерпима и беспощадна, доводит до шока и потери сознания. Все тело героя пожарника переполнила ядерная боль. Раньше кололи морфий и другие наркотики, которые на

время купировали болевой синдром. Правiku и его товарищам сделали внутривенную пересадку костного мозга. Внутривенно же влили экстракт печени многих эмбрионов для стимулирования кроветворения. Но смерть не отступала...

Все уже было у него: и агранулоцитоз, и кишечный синдром, и эпиляция (выпадение волос), и стоматиты с тяжкими отеками и отслоениями слизистой рта... Но Владимир Правик стоически переносил боль и муки. Этот славянский богатырь выжил бы, победил бы смерть, если бы только кожа не была убита на всю ее глубину.

И казалось, что в таком состоянии не до мирских радостей и горя, не до судеб своих товарищей. Сам ведь на краю гибели. Но нет! Пока мог еще говорить, Владимир Правик пытался узнать через сестер и врачей, что с его друзьями, как они, живы ли, продолжают ли еще борьбу, теперь уже со смертью. Он хотел, чтобы они боролись, чтобы их мужество помогало и ему.

И когда каким-то непостижимым образом все же доносились вести: умер..., умер..., умер... - как само дуновение гибели, врачи говорили больным, что это не у нас, что это где-то в другом месте, в другой больнице... То была ложь во спасение.

И вот настал такой день, когда стало ясно: сделано все, что способна была сделать современная радиационная медицина. Все методы рискованной и обычной терапии применены для борьбы с острой лучевой болезнью, но тщетно. Даже новейшие факторы роста, стимулирующие размножение клеток крови, не помогли. Потому что нужна была еще живая кожа. А ее у Правика не было ни кусочка. Она вся была убита радиацией. Радиацией были убиты и слюнные железы. Рот пересох, как земля в засуху. Правик не мог говорить, только смотрел, мигал еще веками без ресниц, которые выпали, смотрел, и в глазах порою вспыхивало жгучее нежелание подчиниться смерти. Потом внутренние силы сопротивления стали ослабевать и постепенно иссякли. Началось умирание, исчезновение плоти на глазах. Он стал таять, сохнуть, исчезать. Это мумифицировались убитые радиацией кожа и ткани тела. Человек с каждым часом, с каждым днем уменьшался, уменьшался, уменьшался.

Умершие - почерневшие, высохшие мумии - стали легкими, как дети...

Свидетельствует В. Г. Смагин: "В Москве в 6-й клинике на "Щукинской" поместили сначала на четвертом, а потом на шестом этаже. Более тяжелых, пожарников и эксплуатационников, - на восьмом. Среди них пожарники Ващук, Игнатенко, Правик, Кибенок, Титенок, Тищура; операторы Акимов, Топтунов, Перевозченко, Бражник, Проскуряков, Кудрявцев, Перчук, Вершинин, Кургуз, Новик...

Лежали в отдельных стерильных палатах, которые кварцевались несколько раз в сутки по графику. Физраствор, который всем нам влили в вену в припятской медсанчасти, на многих подействовал ободряюще, снял интоксикацию, вызванную облучением. Лучше себя почувствовали больные с дозами до 400 рад. Остальным было лишь чуть легче, их мучили сильные боли в облученной и обожженной огнем и паром коже. Боль в коже и внутри изматывала, убивала...

Первые два дня, 28 и 29 апреля, Саша Акимов приходил в нашу палату, темно-коричневый от ядерного загара, сильно подавленный. Говорил одно и то же, что не понимает, почему взорвалось. Ведь все шло отлично, и до нажатия кнопки АЗ ни один параметр не имел отклонений. Это меня мучает больше, чем боль, сказал он мне 29 апреля, уходя навсегда".

Свидетельствует Л. Н. Акимова: "Возле Саши дежурили его родители и брат. Они с Сашей близнецы. Брат отдал ему для переливания свой костный мозг. Пока мог говорить, он все время повторял отцу и матери, что все делал правильно. Это его мучило до самой кончины. Сказал также, что к персоналу своей смены претензий не имеет. Они все выполнили свой долг.

Я была у мужа за день до смерти. Он уже не мог говорить. Но в глазах была боль. Я знаю, он думал о той проклятой ночи, проигрывал все в себе снова и снова и не мог признать себя виновным. Он получил дозу 1500 рентген, а может быть, и больше и был обречен. Он все более чернел и в день смерти лежал черный, как негр. Он весь обуглился. Умер с открытыми глазами..."

Свидетельствует В. А. Назаров, заместитель начальника ВПО Союзатомэнерго:

"Я посещал Славу Бражника 4 мая 1986 года. Молодой парень тридцати лет. Пытался расспросить его, что произошло. Ведь никто тогда в Москве толком ничего не знал. Бражник лежал весь отекший, темно-бурый. Через силу сказал, что все тело страшно болит, слабость.

Сказал, что вначале проломило кровлю и на нулевую отметку машзала упал кусок железобетонной плиты, разбил маслопровод. Масло загорелось. Пока он тушил и ставил пластырь, упал еще кусок и разбил задвижку на питательном насосе. Отключили этот насос, отсекли петлю. В пролом крыши полетел черный пепел... Ему было очень тяжело, и я не стал его больше расспрашивать. Все просил пить. Я дал ему боржоми. "Боль, все болит... Страшно болит..." Я, говорит, не знал, что может быть такая страшная боль..."

Свидетельствует В. Г. Смагин: "Я был у Проскурякова за два дня до его смерти. Он лежал на наклонной койке. Чудовищно распухший рот. Лицо без кожи. Голый. Грудь в пластырях. Над ним греющие лампы. Он все просил пить. У меня был с собой сок манго. Я спросил, хочет ли он соку. Он сказал, что да, очень хочет. Надоела, говорит, минеральная вода. На тумбочке у него стояла бутылка боржоми. Я напоил его соком из стакана. Оставил банку с соком у него на тумбочке и попросил сестру поить его. В Москве у него родственников не было. И к нему почему-то никто не приехал..."

Возле СИУРа Лени Топтунова дежурил его отец. Он же отдал сыну для пересадки свой костный мозг. Но это не помогло. День и ночь проводил у кровати сына, переворачивал его. Тот был весь загорелый до черноты. Только спина светлая. Он везде был с Сашей Акимовым. был его тенью. И сгорели они одинаково и почти в одно время. Акимов умер 11 мая, а Топтунов - 14-го. Они погибли первыми из операторов. Многие, кто уже считался выздоравливающими, вдруг умирали. Так умер внезапно на тридцать пятые сутки заместитель главного инженера по эксплуатации первой очереди Анатолий Ситников. Ему дважды переливали костный мозг, но была несовместимость, он отторгал его.

В курилке 6-й клиники собирались каждый день выздоравливающие, и всех мучило одно: почему взрыв? Думали-гадали. Предполагали, что

гремучка могла собраться в сливном коллекторе охлаждающей воды СУЗ. Мог произойти хлопок, и регулирующие стержни выстрелило из реактора. В результате - разгон на мгновенных нейтронах. Думали также о "концевом" эффекте поглощающих стержней. Если парообразование и "концевой" эффект совпали - тоже разгон и взрыв. Где-то все постепенно сошлись на мысли о выбросе мощности. Но уверены до конца, конечно, не были..."

Свидетельствует А. М. Ходаковский, заместитель генерального директора производственного объединения Атомэнергоремонт: "Я руководил по поручению руководства Минэнерго СССР похоронами погибших от чернобыльской радиации. По состоянию на десятое июля 1986 года схоронили двадцать восемь человек.

Многие трупы очень радиоактивны, Ни я ни работники морга вначале этого не знали, потом случайно замерили - большая активность. Стали надевать пропитанные свинцовыми солями костюмы.

Санэпидстанция, узнав, что трупы радиоактивны, потребовала делать на дне могил бетонные подушки, как под атомным реактором, чтобы радиоактивные соки из трупов не уходили в грунтовые воды.

Это было невозможно, кошунственно. Долго спорили с ними. Наконец договорились, что сильно радиоактивные трупы будем запаивать в цинковые гробы. Так и поступили.

В 6-й клинике через шестьдесят дней после взрыва долечивается по состоянию на июль 1986 года еще девятнадцать человек. У одного вдруг на шестидесятые сутки пошли на теле ожоговые пятна при общем неплохом состоянии. Вот как у меня - Ходаковский задрал рубаху и показал на животе темно-коричневые пятна неопределенной формы. Это тоже ожоговые пятна от работы с радиоактивными трупами..."

Тут я хочу остановиться и привести выдержки из статьи американского ученого-атомщика К.Моргана. Привел бы подобные слова академиков А.П.Александрова или Е.П.Велихова, например, но они таких слов не произносили.

Так вот что сказал Морган: "В настоящее время стало очевидным, что не существует такой малой пороговой дозы ионизирующего излучения, которая была бы безопасной или риск заболеть от которой

(даже лейкозом) был бы равен нулю... Радиоактивные благородные газы (РБГ) являются основным источником облучения населения при нормальной эксплуатации АЭС. Особый вклад носит криптон-85 с периодом полураспада десять и семь десятых лет...

Я хотел бы выразить большое недовольство относительно распространенной в атомной энергетике практики "сжигания" и "выжигания" временных ремонтных рабочих. Под этим мы подразумеваем привлечение плохо проинструктированного и неподготовленного персонала к временному выполнению горячих работ (радиоактивных). Из-за отсутствия понимания риска хронического облучения такой персонал с большой вероятностью может создать радиационные аварии, в результате которых может быть причинен вред как ему, так и другим людям. Я считаю практику "выжигания" персонала глубоко аморальной, и до тех пор, пока в атомной энергетике не откажутся от подобной практики, я перестану быть активным сторонником этой отрасли...

За последние десять-пятнадцать лет новые данные показали, что риск раковых заболеваний людей под воздействием радиации в десять или более раз выше, чем мы считали в 1960 году, и что не существует безопасной дозы..." 7

И еще одно суждение выдающегося советского ученого, действительного члена Академии медицинских наук СССР, крупнейшего специалиста по лечению лейкозов Андрея Ивановича Воробьева:

"Думаю, что после этой аварии должно закончиться средневековое мышление человечества.

Очень многое требует сегодня переоценки. И хотя количество жертв в результате аварии ограничено, а большинство пострадавших останется в живых и выздоровеет, происшедшее в Чернобыле показало нам масштабы возможной катастрофы. Это должно буквально переформировать наше мышление, в том числе и мышление любого человека, кем бы он ни был - рабочим или ученым. Ведь ни одна авария не бывает случайной. Значит, надо понимать, что атомный век требует такой же точности, с какой рассчитываются траектории ракет. Атомный век не может быть в чем-то только одним

атомным. Очень важно понять, что сегодня люди должны знать, например, что такое хромосомы, так же хорошо, как знают они, что такое четырехтактный двигатель внутреннего сгорания. Без этого нельзя жить. Хочешь жить в атомном веке - создавай новую культуру, новое мышление.."

Свидетельствует В. Г. Смагин: "В 6-й клинике лечился и главный инженер Чернобыльской АЭС Николай Максимович Фомин. Пробыл с месяц. После выписки незадолго до его ареста обедали с ним в кафе. Он был бледен, подавлен. Спросил меня: "Витя, как ты думаешь, что мне делать? Повеситься?" "Зачем же, Максимыч? – сказал я. - Наберись мужества, пройди все до конца..."

С Дятловым мы были в клинике в одно время. Перед выпиской он сказал: "Меня будут судить. Это ясно. Но если мне дадут говорить и будут слушать, я скажу, что все делал правильно".

Незадолго до ареста встретил Брюханова. Он сказал: "Никому не нужен, жду ареста. Приехал вот к генеральному прокурору спросить, где мне находиться и что делать..." "И что говорит прокурор?" "Ждите, говорит, вас позовут"..."

Арестовали Брюханова, Дятлова и Фомина в августе 1986 года. Брюханов был спокоен. Взял с собой в камеру учебники и тексты для изучения английского языка. И сказал, что он теперь как Фрунзе, приговоренный к смерти...

Дятлов тоже спокоен, выдержан.

Фомин потерял себя. Истерики. Сделал в камере попытку самоубийства. Разбил очки и стеклом вскрыл себе вены. Вовремя заметили. Спасли. На 24 марта 1987 года был назначен суд, который отложили из-за невменяемости Фомина.

Разыскал и встретился с заместителем начальника турбинного цеха блока № 4 Разимом Ильгамовичем Давлетбаевым. Как я уже писал, он был на БЩУ-4 в момент взрыва. За время аварии получил более 300 рентген. Вид очень больного человека. Мучает лучевой гепатит. Сильно отечное лицо. Нездоровые, налитые кровью глаза. Но держится молодцом. Подтянут, собран. Несмотря на инвалидность, работает. Мужественный человек.

Попросил его рассказать, как было в ту ночь 26 апреля 1986 года. Он сказал, что ему запретили говорить о технике. Только через первый отдел. Я сказал, что о технике все знаю, даже больше, чем он. Нужны подробности о людях. Но Разим Ильгамович был скуп: "Когда пожарники появились в машзале, там все уже сделали эксплуатационники. За время аварийных работ в машзале я несколько раз вбегал на блочный щит управления, докладывал начальнику смены. Акимов был спокоен, четко отдавал распоряжения. Когда началось, все встретили спокойно. Ведь мы по роду своей профессии были готовы к подобному. Не в такой, конечно степени, но все же..." Видно, что Давлетбаев старается говорить в пределах разрешенного первым отделом. Я не перебиваю. Характеризует Александра Акимова, своего вахтенного начальника: "Акимов очень порядочный и добросовестный человек. Симпатичный, общительный. Член Припятского горкома партии. Хороший товарищ..." Характеризовать Брюханова отказался. Сказал: "Брюханова не знаю".

Высказал свое мнение о прессе, печатавшей репортажи из Чернобыля: "Она представила нас, эксплуатационников, как неграмотных, почти злодеев. Поэтому под воздействием прессы на Митинском кладбище, где похоронены наши ребята, с могил сорвали все фотографии. Пожалели только фото Топтунова. Совсем еще молодой. Как бы неопытный. Нас считают злодеями. А между тем десять лет Чернобыльская АЭС выдавала электроэнергию. Хлеб нелегкий, вы знаете. Сами работали..." "Когда вы покинули блок?" - спросил я. "В пять утра. Началась острая рвота. Но мы все успели сделать: и погасили пожар внутри машзала, и вытеснили водород из генератора, и заменили водой масло из маслобака турбины. Мы не были чистыми исполнителями. Мы многое переосмысливали. Но поезд тогда уже ушел, имею в виду технологический процесс на момент приема смены. И остановить его было уже невозможно. Но мы не были простыми исполнителями..."

Да, во многом можно согласиться с Давлетбаевым. Атомные операторы не просто исполнители. В процессе эксплуатации атомных станций им приходится принимать массу самостоятельных и ответственных решений, зачастую очень рискованных, чтобы спасти блок, с честью

выйти из аварийной ситуации или тяжелого переходного режима. Всего многообразия всевозможных сочетаний режимов и неполадок никакими инструкциями и регламентами, к сожалению, не предусмотреть. И тут важны опыт и профессионализм эксплуатационников. И Давлетбаев прав, говоря, что после взрыва операторы показали чудеса героизма и бесстрашия. Они достойны преклонения. Но ведь это - уже после взрыва...

-7-

МИТИНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

В первую годовщину чернобыльской катастрофы я поехал на Митинское кладбище почтить память погибших пожарников и атомных операторов. От станции метро "Планерная" на автобусе № 741 через двадцать минут езды, сразу за деревней Митино, раскинулся огромный город мертвых.

Кладбище совсем новое, чистенькое. Могила уходит за горизонт. Слева от входа - аккуратный, облицованный желтой керамической плиткой непрерывно действующий крематорий, из трубы которого шел быстрый черный дымок. Справа от входа - кладбищенская контора.

Кладбище молодое. Посаженные на могилах деревья еще не выросли. По весне стоят пока темные, с нераспустившимися листьями. В разных местах кладбища над могилами взлетают и садятся стаи воронья, расклеивают оставленную на могилах пищу - яйца, колбасу, конфеты...

Иду по главной кладбищенской улице. Метрах в пятидесяти от входа слева от дороги двадцать шесть могил с белокаменными надгробиями. Над каждой могилой небольшая мраморная стела с гравированной позолоченной надписью: фамилия, имя, отчество, даты рождения и смерти.

Могила пожарников, их шесть, утопают в цветах: вазочки и горшочки с живыми цветами, венки искусственных цветов с красными лентами и надписями на них от родных и сослуживцев. На могилах атомных операторов цветов поменьше, венков вообще нет. Министерство атомной энергетики и Минэнерго СССР не вспомнили в годовщину Чернобыля о павших. А ведь они тоже герои, они сделали все, что

смогли. Проявили мужество и бесстрашие. Отдали жизни...

Но лежат здесь и те, кто случайно оказался той роковой ночью у места трагедии, не понимая подлинного значения происходящего.

Ясное голубое небо, солнце, теплынь. Грай взлетающего и садящегося на могилы воронья, уходящая вдаль до горизонта главная улица кладбища и на ней люди, люди, идущие к дорогим могилам.

Невдалеке от захоронения чернобыльцев слышались звуки автоматных выстрелов. Посмотрел в ту сторону. Взвод солдат салютовал из "Калашниковых". Подошедший мужчина сказал, что хоронят солдата, погибшего в Афганистане.

На могильных стелах пожарников выгравированы золотые звезды. Здесь лежат Правик, Кибенок, Игнатенко, Ващук, Тищура, Титенок...

Над могилами же атомных операторов на мраморных надгробиях нет никаких знаков отличия. Нет и фотографий, которые вначале были. Теперь осталась только фотография на могиле Леонида Топтунова. Совсем еще мальчишка, усатенький, круглолицый, пухленькие щеки. Отец его возле могилы соорудил аккуратную красивую скамеечку. Мне показалось, что у Топтунова самая любовно ухоженная могила.

Двадцать шесть могил... В шести из них покоятся герои-пожарники. В двадцати остальных - операторы четвертого энергоблока, электрики, турбинисты, наладчики. Две женщины - Лузганова и Иваненко, работницы военизированной охраны. Одна была на проходной напротив четвертого блока, дежурила там всю ночь до утра. Вторая в строящемся ХОЯТе (хранилище отработанного ядерного топлива) - в трехстах метрах от блока. И в этих могилах тоже подлинные герои, чье мужество спасло станцию в не меньшей степени, чем мужество пожарников. Я уже говорил о них ранее. Вот они: Вершинин, Новик, Бражник, Перчук - машинисты турбинного зала, которые погасили пожар изнутри, пожар, развитие которого имело бы страшные последствия для всей АЭС.

Насколько мне известно, к наградам они не представлены. Не награжден и начальник смены реакторного цеха Валерий Иванович Перевозченко, сделавший все возможное и невозможное, чтобы спасти подчиненных ему людей, вывести их из зон высокой радиации. И заместитель главного инженера по эксплуатации первой очереди

Анатолий Андреевич Ситников, не пощадивший жизни, чтобы разобраться, что же на самом деле произошло с четвертым реактором. И лежащий здесь виброналадчик харьковчанин Георгий Илларионович Попов, который и вовсе случайно оказался там, но машзал не покинул и всем, чем мог, помогал турбинистам тушить пожар в машзале. Хотя мог уйти и остаться живым. Не награжден и электрик Анатолий Иванович Баранов, который вместе с Лелеченко локализовал аварийную ситуацию на электрооборудовании, замещал водород в генераторе, подавал питание на четвертый блок в условиях бешеных гамма-полей.

Лелеченко похоронен в Киеве. Посмертно награжден орденом Ленина. В связи с наградами следует сказать еще об одном. Материалы по награждению атомных операторов, живых и мертвых, готовились под завесой умолчания. Почему, спрашивается?

Иду вдоль могил, подолгу останавливаясь возле каждой. Кладу к надгробиям цветы. Пожарники и шесть атомных операторов скончались в страшных муках в период с 11 по 17 мая 1986 года. Они получили наибольшие дозы облучения, больше всех приняли радионуклидов внутрь, тела их были сильно радиоактивны, и, как я уже писал, были они похоронены в запаянных цинковых гробах. Так требовала санэпидстанция, и я думал об этом с горечью, ибо земле помешали сделать ее последнюю работу - превратить тела умерших в прах.

Проклятый ядерный век! Даже здесь, в извечном человеческом исходе, нарушаются тысячелетние традиции. Даже похоронить, по-людски предать земле нельзя. Вот ведь как получается...

И все же говорю им: мир праху вашему. Спите спокойно. Ваша смерть всколыхнула людей, они хоть на вершок отошли от спячки, от слепой и серой исполнительности...

Склоним головы перед ними - мучениками и героями Чернобыля.

Так в чем же он, главный урок?

Самый главный - это ощущение зыбкости человеческой жизни, ее уязвимости. Всомогущество и бессилие человека продемонстрировал Чернобыль. И предостерег: не упивайся своим всомогуществом, человек, не шути с ним. Ибо ты причина, но ты и следствие.

В конечном счете это мучает больше всего: те рассеченные радиацией нити хромосом, убитые или изуродованные гены, они уже ушли в будущее. Ушли,ушли...

Май 1987 г.